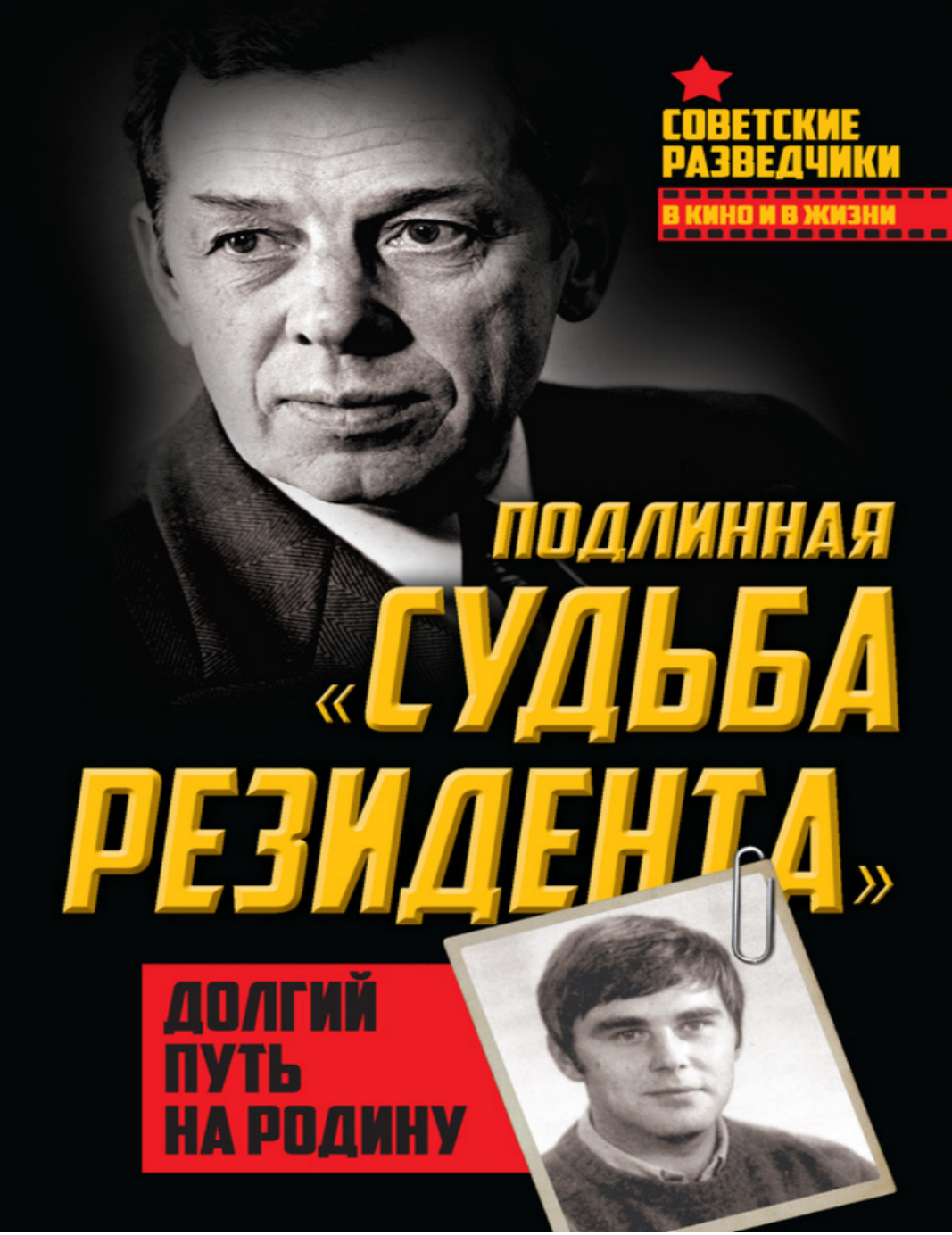


СОВЕТСКИЕ РАЗВЕДЧИКИ

В КИНО И В ЖИЗНИ

ПОДЛИННАЯ «СУДЬБА РЕЗИДЕНТА»

ДОЛГИЙ ПУТЬ НА РОДИНУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тетралогия о разведчике Михаиле Тульеве («Ошибка резидента» (1968), «Судьба резидента» (1970), «Возвращение резидента» (1982) и «Конец операции «Резидент»» (1986) стала одним из самых любимых «шпионских сериалов» в СССР. За перипетиями борьбы разведок зрители следили не отрываясь. Мало кто знал, что этот поединок происходил и в действительности, но несколько не так, как на экране.

В 1965 году моряк срочной службы Олег Туманов, выполняя задание КГБ, совершил дерзкий побег из Советского Союза. В течение 20 лет он жил и работал в Мюнхене, пройдя путь от корреспондента до старшего редактора русской службы «Радио Свобода». За этот период времени он передал в Москву огромный объем ценной информации, от описания и результатов работы Отдела X (мониторинг переговоров офицеров, дислоцированных в странах Восточной Европы частей и соединений Советской Армии) до подробных деталей деятельности сотрудников американской разведки и контрразведки. В конце концов ЦРУ сумело выйти на след неуловимого «крота», но в 1986 году Олегу Туманову удалось вернуться в Советский Союз.

- Олег Туманов
  - Вместо предисловия. Воспоминания агента государственной безопасности
  - Думы о «Свободе»
  - Часть первая. Детство в «реальном социализме», или «У нас на тебя другие планы …»
  - Часть вторая. «Радио Либерти», или Моя карьера у американцев в Мюнхене
  - Часть третья. Возращение в Москву, или Чужой в собственной стране
  - Вместо эпилога. Он жил для России
  - Фотографии
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19

Олег Туманов
Подлинная «судьба резидента». Долгий путь на Родину

Вместо предисловия. Воспоминания агента государственной безопасности

В 1960-е годы советские граждане были уверены: НАШИ разведчики распутают и разоблачат все гнусные планы и замыслы противников нашей Родины.

В этом их убеждал герой первой отечественной «шпионской» киноленты «Подвиг разведчика» (1947 г.) Алексей Федотов (артист Павел Кадочников), похищавший под Ровно гитлеровского генерала.

В 1968 г. на экраны вышел фильм «Ошибка резидента», рассказывавший о вербовке иностранной разведкой полюбившегося отечественным кинозрителям веселого и беззаботного уголовника Бекаса, оказавшегося на поверку советским разведчиком Павлом Синицыным (блестящее исполнение роли Михаилом Ножкиным принесло ему всесоюзную славу).

Имена же и судьбы не вымышленных, литературно — киношных, а подлинных участников и героев этой незримой борьбы всегда остаются неизвестными «широкой общественности».

И мало кто мог тогда себе представить, что именно в это время в баварском Мюнхене разворачивалась разведывательная операция Комитета государственной безопасности СССР, по степени риска и мужеству исполнителя главной роли, вполне сопоставимая с этим захватывающим киносценарием.

И книга, которую вы держите в руках — уникальна.

И уникальность ее в первую очередь, состоит в том, что никогда ранее в нашей стране не издавались воспоминания агента КГБ, более двадцати лет проработавшего на немалой должности в мюнхенском «логове» американской разведки — Радиостанции «Либерти» (Радиостанция «Свобода»).

Уникальна она также и потому, что читателю предоставляется редчайшая возможность попасть на «кухню» иностранной разведки, ощутив тревожное биение пульса времени.

В одном из сообщений в КГБ СССР о ее авторе было сказано следующее: «Если Туманов на самом деле беглый матрос, за которого он себя выдает, то на Западе он получил хорошее образование. Он умен и проницателен. Его следует рассматривать как опасного врага советского государства». С этой «аттестацией»

Олегу Александровичу довелось познакомиться в штаб-квартире советской разведки в Германии, до 1994 г. располагавшейся в берлинском пригороде Карлсхорсте. Естественно, в ней недоставало таких личностных характеристик, как: мужественен, смел, находчив, способен идти на оправданный оперативный риск.

А в честности и искренности автора предстоит убедиться каждому, кто прочитает следующие строки: «Я был одним из них — типичный московский парень шестидесятых, ни хуже и не лучше, чем большинство. Я мог отслужить на флоте, вернуться домой, найти подходящую работу и жениться на любимой девушке… Но мной судьба распорядилась иначе. Сейчас, очень скоро, с минуты на минуту мне предстояло расстаться с прошлым и фактически его *предать*… Своим побегом я клал конец всему, чего достиг и добился к своему двадцати одному году. На родине меня назовут трусливым предателем, а военный трибунал, вероятней всего, приговорит к смерти. Всех моих родных допросят в КГБ, а кого-то из них, возможно, ждут трудности на работе или учебе из-за «связи с изменником родине». Вероятно, никто из них никогда не узнает правду об Олеге Туманове…

И как сложится моя новая жизнь на чужбине? Кем я стану однажды, через день, через год или спустя десять лет? Внезапно мне стало очевидно, сколь маловероятны мои шансы попасть туда, где я когда — то смогу в той или иной мере быть полезным КГБ».

Для лучшего понимания исповеди разведчика современному читателю следует напомнить некоторые реалии более чем пятидесятилетней давности.

И пусть его не удивляет поставленное перед агентом задание: осядешь в какой-либо стране на Западе и внедряешься в эмигрантскую среду. Живешь там пару лет обычной жизнью и осваиваешься, обретаешь себе знакомых и присматриваешься. Когда почувствуешь, что интегрировался, напиши письмо родителям, о том, как ты живёшь. Через это письмо мы тебя найдем…

В середине 1960-х годов, вследствие принятия новой внешнеполитической доктрины «наведения мостов», Вашингтон дал команду вновь не только активизировать работу по стимулированию побегов граждан из социалистических государств, но и активной работы спецслужб с этими перебежчиками.

Однако, надо полагать, бывший директор ЦРУ США Аллен Даллес хорошо знал цену этим перебежчикам. За год до побега Туманова в ставшей бестселлером на Западе книге «Искусство

разведки» он подчеркивал:

«Мы сами должны определять, когда, где и каким образом мы должны действовать (надо полагать, при поддержке других ведущих стран свободного мира, которые смогут оказать помощь), учитывая при этом требования нашей собственной национальной безопасности… Важную роль должны сыграть разведывательные службы с их особыми методами и средствами. Это нечто новое для нынешнего поколения, тем не менее, весьма важное для успеха дела».

Я не утверждаю, продолжал Даллес, «что все так называемые дезертиры (dezerters) бежали на Запад по идеологическим мотивам. Некоторые стали на этот путь потому, что их постигла неудача в работе, другие поступили так из опасения, что при очередной перетряске государственного аппарата они могут быть понижены или могут иметь еще худшие неприятности; были и такие, кого привлекли физические соблазны жизни на Западе — как моральные, так и материальные…

Жизнь в коммунистическом мире опротивела им, и они жаждут чего — то лучшего. Вот почему применительно к таким людям я употребляю термин «дезертир» очень осторожно и заранее извиняюсь. Я предпочитаю называть их «добровольцами».

Обращаясь к своим западным коллегам, дипломатам и государственным деятелям, Даллес делился самым сокровенным:

«За железным занавесом имеется много неизвестных нам недовольных людей, которые всерьез думают о побеге из своей страны… Таким людям можно помочь, убедив их в том, что они будут тепло встречены и обретут у нас безопасность и счастливую жизнь. Всякий раз, когда вновь прибывший политический перебежчик, выступая в передаче «Голоса Америки», скажет что он уже находится у нас и что к нему хорошо относятся, другие люди за железным занавесом, которые обдумывают такой же шаг, наберутся решимости и вновь начнут обдумывать, как бы получить назначение за границу…».

От государственных чиновников, которым, по сути дела, и была адресована эта книга, Даллес не считал нужным скрывать, что «часть дезертиров со стороны коммунистов оказывается совсем не тем, за кого их можно принять. Некоторые, например, в течение долгого времени работали за железным занавесом в качестве наших агентов «на месте» и перебежали на Запад лишь после того, как они (или мы) пришли к выводу, что дальше оставаться им в стране стало слишком опасно….

Дезертирство кадрового разведчика противной стороны является, естественно, большой удачей для контрразведки. Ведь с точки зрения количества и содержания полученной при этом

информации такой источник равноценен прямому проникновению на какой — либо срок в разведывательные штабы противника. Один такой доброволец — разведчик может буквально парализовать на несколько месяцев работу покинутой им разведслужбы. США всегда будут приветствовать тех, кто не хочет больше работать на Кремль»[1].

Упоминаемые в книге Олега Туманова Народно-трудовой союз (НТС) и Организация украинских националистов (ОУН) представляли в то время организации[2], активно сотрудничавшие со спецслужбами государств, где находились их филиалы — отделения — от Бельгии и Голландии до Франции и Германии, Канады. Хотя основным «заказчиком музыки», продюсером и режиссером, безусловно, было Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки. Первоочередной задачей этих организаций являлось выявление советских граждан — от туристов до работников транспортной сферы, загранкомандированных специалистов, дипломатов, участников разного рода международных обменов: студенческих, научных, культурных и спортивных.

Они выполняли функцию некоего невода, забиравшего весь попавший в него улов, тщательно разделяя его в дальнейшем. Занимались они в этой связи, демонстрируя «искреннюю и бескорыстную заботу» о человеке, в силу разных причин, оказавшемся беженцем или перебежчиком, его проверкой и глубоким изучением потенциальной пригодности к использованию в целях «тайной войны». Причем именно они и ощущали себя, и торжественно именовали «бойцами невидимого фронта».

Именно из этого «улова» выбирались и «счастливчики» для обустройства на управляемых ЦРУ радиостанциях «Свободная Европа» и «Свобода» («Радио «Либерти», до мая 1959 г. она именовалась «Освобождение»), а в 1975 г. состоялось их организационное слияние, после чего они выступали уже под единым именем РСЕ/РС.

В изданной в России в 2012 г. книге «Безнадежные войны», бывший руководитель израильской «Натив» Яков Кедми, официально признает, что все эфирное вещание радио «Кол Израэль» («Голос Израиля») проходило предварительный «политконтроль», то есть цензуру, этой, созданной еще в 1952 г., спецслужбы. Причем впервые официально, даже сам факт ее существования, был признан Израилем только… в 2004 году!

Книга Якова Кедми интересна и в том отношении, что в ней он также признает: все, что писали отечественные СМИ о деятельности израильских спецслужб против СССР — полностью

соответствует действительности! Именно таковыми и являлись задачи «Натива».

Олег Туманов также позволяет читателям познакомиться с закулисной стороной деятельности РСЕ/РС, ее подлинными целями, задачами, методами и исполнителями. Что объясняет интерес, закономерно возникавший в их отношении со стороны отечественных органов безопасности — и разведки, и «политической контрразведки», как обоснованно именовал 5-е управление КГБ СССР его фактический создатель Филипп Денисович Бобков.

В те годы в «национальных службах» (редакциях) и иных функциональных подразделениях РСЕ/РС были трудоустроены около 1 300 специалистов, около 200 из которых являлись гражданами США, разумеется, занимавшие все ключевые должности в разветвленной структуре радиостанций.

Мне не доводилось встречаться с Олегом Александровичем лично, но, знакомясь с готовящейся к изданию рукописью, я с удивлением узнал, что и далекой от Мюнхена Москве наши жизненные пути неоднократно пересекались. Так, он вспоминает об одной операции, начатой КГБ в Париже против НТС. Должен однако его поправить: на продолжалась не шесть-семь, а целых семнадцать лет! Правда, мне пришлось включиться в нее, когда игра давно уже прошла свой экватор.

Но и, за двенадцать лет до этого, только начиная службу в контрразведке, мне пришлось работать с материалами, источником которых, с большой долей вероятности, являлся именно Олег Туманов. Исходя из этого, я имею все основания заявлять: это направление деятельности парижского отделения НТС полностью контролировалось московскими чекистами!

Общий объем перехваченной «контрабандно» ввезенной в СССР книжно-пропагандистской продукции составлял примерно два четырехосных железнодорожных вагона! Она нашла свой пламенный конец в «подвалах Лубянки». Однако штаб-квартира НТС получала, как отчеты об «успешно проведенных» ее единомышленниками в нашей стране «акциях», так и гневные письма от возмущенных советских граждан, ставших «свидетелями и объектами гнусных политических провокаций».

Однажды оперативный куратор из Москвы передал Туманову:

— Твои сводки, Олег, попадают прямо на стол членам Политбюро. На их основании партия и руководство государства принимают важные решения о мерах пресечения иностранной пропаганды и идеологической диверсии. С твоей помощью мы узнаем все о планах опасного врага и можем производить превентивные удары. Использую информацию, полученную от

тебя, мы смогли скомпрометировать несколько агентов ЦРУ, которые работали против нашей страны. Мы предупредили целый ряд крупных и долгосрочных подрывных операций. Руководство КГБ и СССР просило меня благодарить тебя за это.

Приведем несколько примеров этого.

27 апреля 1973 г. председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов выступил с пространным докладом на Пленуме ЦК КПСС о содержании и тактике разведывательно-подрывной деятельности иностранных государств против СССР. В частности, о стратегических замыслах «психологической войны» он говорил:

— Теперь, особенно в условиях разрядки, наши противники ищут и будут искать иные средства борьбы против социалистических стран, пытаясь вызывать в них «эрозию», негативные процессы, которые бы размягчали, а в конечном счете — ослабляли социалистическое общество.

В этом плане немалые надежды возлагаются империалистическими силами на подрывную деятельность, которую империалистические заправилы осуществляют через свои специальные службы. В одной из секретных инструкций американских спецслужб в этой связи прямо говорится: «В конечном счете мы должны не только проповедывать антисоветизм и антикоммунизм, но и заботиться о конструктивных изменениях в странах социализма. О каких же «конструктивных изменениях» идет речь?

Ответом на этот вопрос может служить заявление сотрудника американской разведки, одного из руководителей «Комитета «Радио свобода». Не так давно в беседе с нашим источником этот человек заявил: «Мы не в состоянии захватить Кремль, но мы можем воспитать людей, которые могут это сделать, и подготовить условия, при которых это станет возможным».

Вообще, говорит он: «Зачем мы изучаем Советский Союз и положение в этой стране? Для чистой науки? Она ни в чем нам не поможет. Одной наукой освободиться от коммунизма невозможно, нужны действия. Значит, за нами должны быть силы, которые в состоянии действовать». Это я цитировал.

Разумеется, товарищи, перед лицом сплоченности советского общества, преданности советских людей идеалам социализма подобные высказывания нельзя воспринимать иначе как бредовые. Но планы такие есть, и не учитывать их нельзя. Империалисты весьма огорчены тем, что у нас в стране нет оппозиции, поэтому различные подрывные и пропагандистские центры на Западе всеми способами стараются ее создать.

Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки разработало даже специальный план в этом

направлении. На первоначальном этапе предусматривается установление контактов с разного рода недовольными лицами в Советском Союзе и создание из них нелегальных групп. На последующем этапе намечается консолидировать такие группы и превратить их в «организацию сопротивления», то есть в действующую оппозицию…».

Но многие из этих планов становились известными на Лубянке, поскольку РСЕ/РС, и ее «русская служба» (редакция), были призваны осуществлять их *информационно — пропагандистское обеспечение* в соответствии с замыслами руководителей «психологической войны».

В спецсообщении председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС N 1455—А от 30 июля 1979 г. «О враждебной деятельности противника в связи с Олимпиадой — 80» отмечалось:

«…Спецслужбы США, правая реакция Запада не прекращают кампанию за аккредитацию на Олимпиаде—80 представителей подрывных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». В последнее время США предприняли ряд шагов по втягиванию НАТО в финансирование деятельности указанных антисоветских центров. На совещании руководства радиостанций в Мюнхене председатель Совета по международному радиовещанию Гроноуски заявил, что ему удалось заручиться согласием ответственных работников аппарата НАТО обратиться с соответствующей просьбой к правительствам стран — участниц блока об оказании содействия в аккредитации корреспондентов «Свободы» и «Свободной Европы» на Московской Олимпиаде…».

Благодаря самоотверженной деятельности советского разведчика были раскрыты и многие иные тайные замыслы против нашей страны, о чем читатель узнает далее из первых уст. Но…

Но успешно развивавшуюся операцию КГБ пришлось внезапно прервать, о причинах чего расскажет читателям сам Олег Туманов.

Гражданин своей Родины, пожертвовавший во имя нее своим будущим, карьерой и личной жизнью. Для того, чтобы предупредить: — Люди! Будьте бдительны!

Читатель имеет право задаться вопросом и о судьбе антигероя данного повествования — Радиостанции «Свобода». В рукописи, законченной в 1993 году, автор с непонимание и горечью писал о том, что, по — видимому, нас победили в «тайной войне»: — бюро радиостанции РСЕ/РС уже открыто в Москве.

Такая возможность ей была предоставлена Указом

президента России от 27 августа 1991 г. А в 1995 г. руководимое из Вашингтона и Праги (номинальная штаб — квартира РСЕ/РС с 1 сентября 1995 г. передислоцировалась в столицу Чехии из Мюнхена) и финансируемое правительством США «Радио «Свобода» было зарегистрировано Государственным комитетом по печати Российской Федерации как средство массовой информации.

В специальном послании по случаю сорокалетия начала вещания «Радио «Либерти» на СССР, 1 марта 1993 г. президент Б.Н. Ельцин подчеркивал:

— Трудно переоценить значение вашего вклада в уничтожение тоталитарного режима в бывшем СССР. Но не менее важны ваши усилия сейчас в деле информирования русских слушателей о событиях в нашей стране и во всем мире.

Через три года вещание РС началось из Москвы, причем еще в 30 регионах ее программы ретранслировались через спутниковую связь местными радиостанциями. Наиболее крупным ретранслятором программ РС стало «Радио-1», принадлежавшее М.С. Горбачеву (ретрансляции прекращены 21 июня 2010 г.).

10 ноября 2012 г. «Радиостанция «Либерти» полностью прекратила эфирное вещание на территории нашей страны. В настоящее время «Русская служба» РСЕ/РС ведет свои передачи на часть регионов России через передатчики, расположенные в США, Великобритании, Германии, Греции и других странах.

В интервью Digital.Report в январе 2016 г. Том Дайн, бывший президент РСЕ/РС, заявил, что следуя общей тенденции, сегодня радиостанция все более переходит в сферу Интернет — вещания, сокращая время эфирных передач. Но стоящие перед ней задачи остаются прежними, поставленными в 1973 г., когда из «предприятия ЦРУ» РСЕ/РС преобразовались в «независимое общественное СМИ».

В настоящее время РСЕ/РС работает в 23 странах на 28 языках, причем 6 из ее языковых редакций вещают на аудиторию внутри России. Изменилось и отношение западных СМИ к ее информационному «продукту» — на него стали чаще ссылаться и цитировать, чего не было даже в разгар «холодной войны».

По мнению Дайна, США не уделяют должного внимания «мягкой силе» (форме психологической войны — И.Х.), способствующей продвижению ценностей и смыслов, которые были бы понятны населению других стран. Тем не менее, Конгресс США, который финансирует РСЕ/РС, выделяет для нее больше средств, чем когда — либо: 94 миллиона долларов в 2015 году, 106 миллионов в 2016, и выделение 120 миллионов запланировано на 2017 финансовый год.

— Спрашиваете — зачем? — пояснял Том Дайн, — Ответ — Путин! Он отличный фандрейзер. Так или иначе, необходимость расширения РСЕ/РС сегодня очень велика, поскольку уровень страха перед Россией в странах Восточной Европы и Прибалтике очень высок[3].

Игорь Хлебников, ветеран КГБ СССР

Думы о «Свободе»

Книга Олега Александровича Туманова, прошедшего удивительный и достойный восхищения путь, отличается точным подбором фактов, высоким уровнем грамотности и эмоциональной насыщенности. В ней прослеживается становление мировоззрения совсем еще молодого советского человека, посвятившего себя служению Родине, и исключительно грамотно внедренного спецслужбами в святая святых западной пропаганды — Радио Свободная Европа/Радио Свобода (РСЕ/РС), в то время структурное подразделение ЦРУ США. Благодаря природной смекалке, железной воле, блестящей интеллектуальной подготовке, советский разведчик под руководством опытных наставников-нелегалов совершил уникальный для подобных ситуаций путь от рядового сотрудника до руководителя структурного звена РСЕ/РС — главного редактора русской службы Радио Свобода. Он выполнил перед страной долг истинного патриота, и в 1986 году с чистой совестью вернулся на Родину.

Я был в числе первых четырех московских корреспондентов русской службы Радио Свобода, которые из своего жилища передавали материалы в штаб-квартиру РСЕ/РС в Мюнхене в 1988–1991 гг. вплоть до образования в августе 1991 года московского бюро русской службы и переходу на официальное вещание. Моя миссия на радиостанции завершилась в феврале 2011 года в качестве специального корреспондента, ведущего программ и первого (и последнего) председателя профсоюзной организации российских работников Радио Свобода, на создание которой у меня ушло почти два года.

Западные радиоголоса вызывали у меня большой интерес с юношеских времен; первой публичной лекцией, которую я прочитал в 1979 году во время срочной службы перед личным составом батальона, называлась «Антенны направлены на Восток», и была посвящена подрывной идеологической деятельности западных радиостанций в лице «Голоса Америки», «Радио Свобода», «Би-би-си» и «Немецкая волна». Знал ли я, что через десять лет сам окажусь в одном из этих «оплотов реакции и мракобесия»?

Мною руководило стремление стать независимым журналистом, а подходящей площадки для самовыражения в конце восьмидесятых годов прошлого века в Советском Союзе не было. Мои репортажи были посвящены главным образом социально-экономическим проблемам советского, а потом и

российского общества, которые и как журналиста, и как ученого-юриста, и как писателя волновали и продолжают меня волновать по сей день более всего, так как от их решения зависит спокойствие в государстве. В программа «Лицом к лицу. Лидер отвечает журналистам», которую я координировал и вел в 2000–2011 гг., принимали участие видные политики, экономисты, деятели культуры, науки и спорта, а программа «Человек имеет право», ведущим которой я являлся в 2004–2008 гг., была направлена на защиту основополагающих прав и свобод человека и гражданина.

С какого же времени я и многие из тех, кто покинул РС не по своей воле, почувствовали, что больше не вписываемся в новый формат «Свободы»? Это произошло не сразу и не вдруг, а началось в конце девяностых годов, когда к руководству в пражской штаб-квартире и московском бюро пришли люди, далекие от журналистики, зато имеющие за плечами большой опыт политических интриг и сомнительных финансовых операций. Непредвзятый анализ ситуации в стране и мире уступил место огульному охаиванию со стороны заполонивших эфир прозападных псевдожурналистов всего и вся, что связано с происходящими в России событиями, а программы с участием гостей превратились в злобные ток-шоу с одними и теми же квази экспертами-русофобами. (Странно, как российская власть до сих пор терпит этот очаг мракобесия в самом центре Москвы.)

Забота об условиях труда сотрудников сменилась банальным отмыванием средств американских налогоплательщиков, выделяемых Конгрессом США на нужды РС (под видом бесконечных ремонтов, мифических премий работникам и прочими «проверенными» способами). Московское бюро наводнилось мертвыми душами, связанными с руководством кровными родственными узами, а на работу в пражскую штаб-квартиру стали отправлять откровенных бездарей, восхваляющих американский образ жизни и презирающих русский народ. Возникла спайка американской и российской бюрократии, движимой двумя страстями — неумной любовью к деньгам и лютой ненавистью к России.

Выступления, в том числе и мои, на собраниях с критикой проводимой руководством РС эфирной политики ни к чему не приводи, порядочные квалифицированные журналисты или увольнялись сами, или их выдавливали. Я держался до последнего, и чашу терпения американских работодателей переполнила моя книга «Приключения Петра Макарыча, корреспондента радиорубки американской парфюмерной фабрики «Свобода» (издательство «Серебряные нити», Москва,

2007 г., 382 стр.), одно только название которой повергло руководство в шок, и создание профсоюзной организации российских работников Радио Свобода, которую я пестовал около двух лет и довел дело до заключения коллективного договора между работодателем и трудовым коллективом в лице профсоюза, значительно улучшившим материальное и социальное положение журналистов за счет урезания доходов администрации.

Создание на Радио Свобода впервые за шестьдесят лет его существования профсоюзной организации, да еще в Москве, вызвало широкий отклик. Нашу борьбу поддержали многие журналистские коллективы в России и за рубежом, а перспективные направления профсоюзного движения были мной обозначены в письмах президентам России и США и в интервью «Независимой газете» 28 июля 2009 года, вызвавшие очередную бурю гнева со стороны администрации. К сожалению, коллектив, как это часто бывает, не оценил усилий по его защите, а руководство после всего этого предприняло беспрецедентные меры давления, вынудившие меня покинуть радиостанцию после двадцати двух лет честного труда. С моим уходом развалилась и профсоюзная организация.

Аналогичная ситуация сложилась и в пражской штаб-квартире РСЕ/РС. От журналистов как русской службы, так и других национальных редакций, у которых осталась профессиональная совесть, безжалостно избавляются. Тем не менее, мы не прекращаем борьбу. Я, со своей стороны, веду переписку с Советом управляющих по вопросам вещания BBG, курирующим в том числе и РСЕ/РС, общаюсь с российскими коллегами, и 25 марта 2016 года на НТВ вышла в эфир программа «ЧП. Расследование. РАДИО не СВОБОДА» с моими комментариями о безобразиях на радиостанции.

Так что книга Олега Александровича Туманова имеет ярко выраженный современный характер, и призвана раскрыть миру глаза на несвободную «Свободу».

Агамиров Карэн Владимирович[4]

Часть первая. Детство в «реальном социализме», или «У нас на тебя другие планы …»

Это произошло однажды в пятницу вечером в Мюнхене, в ноябре 1969 года. Как обычно, я зашел в уютный югославский ресторан в 10 минутах ходьбы от моего дома, чтобы перекусить. Я сел за свой обычный стол, заказал остро приправленный стейк, красного вина и рюмку сливовицы. Сливовый самогон тут был хорош — ароматен и крепок, так что захватывало дух. Его варили по домашнему рецепту, который был предназначен только для завсегдатаев. Хозяйка за стойкой любезно мне улыбалась. Она давно знала молодого русского эмигранта, частенько захаживавшего вечерами пропустить одну-две рюмки и внимательно полистать вечерку за чашкой кофе.

Как всегда, здесь было немноголюдно. Пожилая баварская супружеская пара в противоположном углу небольшого трактира завершала свой скромный ужин. За столом прямо у входа мужчина с волнистыми волосами, одетый в твидовый пиджак, в скуке опустошал свой бокал пива. Я видел его здесь уже в прошлый раз и вот он опять сидел спиной к окну, погруженный в свои мысли. Но на сей раз, наши взгляды встретились и мне показалось, что я знал этого человека, как и он — меня. Но его мимика осталась бесстрастной, а глаза, которые на минуту вспыхнули, вернулись к пивной пене в его бокале.

Странно, подумал я, мы ведь уже наверняка виделись. Но где?

После того, как мужчина с волнистыми волосами оплатил у официантки свой счет, он встал, собираясь уходить, и в смятении шарил в карманах, чтобы найти спички и прикурить сигарету. Тут он подошел к моему столу и на ломанном немецком языке попросил огонь. Я протянул ему коробок спичек. Когда наши взгляды вновь пересеклись, он едва подмигнул мне и тут я вспомнил этого незнакомца в твидовом пиджаке. Не спеша прикурив, он вернул спички на стол. Но это был не мой коробок, а коробок с рекламой, которую обычно раскладывают на столах в ресторанах и отелях. «Спасибо», — поблагодарил он, повернулся и пошел к двери. Мы никогда не встречались снова.

Я вспомнил, откуда я его знал. Пять-шесть лет тому, будучи еще комсомольцем, я был членом спецотряда, организованного КГБ для борьбы со спекулянтами и фарцовщиками. Этот человек

возглавлял отряд, перед которым стояла задача «зачистить» отели от сомнительных лиц, где останавливались иностранные туристы.

Я взял в руку подкинутый мне коробок и стал его разглядывать. На нем красовались обычные названия гостиниц в Западном Берлине с адресами и телефонами, как это принято в рекламе. Но по нижнему краю коробка аккуратно, шариковой ручкой были выведены две даты. Мое сердце билось от волнения. Наконец это случилось. У меня была дата и время долгожданной встречи.

Я быстро рассчитался и пошел домой. Мне необходимо было немного побыть одному, все взвесить и переосмыслить. Моя жизнь явно принимала крутой поворот. С момента, как этот коробок с наклейкой обжигал мой карман, я давно так не волновался. *В этом коробке мог оказаться шнур от заряженной мины, которая напоследок разорвет меня в пух и прах.*

Ровно четыре года я успешно играл беженца из СССР. КГБ поручил мне внедриться в эмигрантскую среду, закрепиться и, приобретя определенный авторитет, попытаться выйти на след между эмигрантскими организациями и спецслужбами. Офицеры КГБ, которые инструктировали меня, прежде всего говорили, что речь идет о необходимости интегрироваться в западный мир, наладить связи и найти работу. Только тогда я должен дать оговоренный сигнал, по которому меня разыщут. В Москве мне объяснили, что, возможно, свяжутся со мной не сразу, и это может вызвать чувство потерянности или будто меня исключили из оперативных списков. Но я не должен паниковать. Со мной обязательно свяжутся, когда понадоблюсь. Я должен запомнить, что первый связной будет знаком. Обо всем остальном я мог не волноваться.

У меня даже не было никаких мыслей. Все эти годы я выполнял приказ, чтобы акклиматизироваться и адаптироваться, так что сейчас я чувствовал себя в Германии как дома.

Мои связи со старыми эмигрантами складывались наилучшим образом. Я поддерживал хорошие отношения с НТС (Народным трудовым союзом, основанным в 1930 году, солидарным с идеей свержения коммунистического режима и построения «независимого российского государства» в СССР). Работал на финансируемой ЦРУ радиостанции «Свободная Европа», где служили русские эмигранты. Пользовался их всеобщим уважением, и мне светила блестящая карьера. Радиостанция безвозмездно предоставила мне обустроенную квартиру в элитной новостройке и платила царскую зарплату, на которую я мог объездить весь мир. Я завел интересные знакомства и полностью приспособился к западному образу

жизни.

И тут Москва внезапно напомнила мне, что в первую очередь я был разведчиком, а все остальное было второстепенным. Конечно, это было вопросом совести для парня, которому только исполнилось двадцать пять лет.

Так вот, обо мне вспомнили, посчитав целесообразным активировать в качестве разведчика. Это означало, что мне придется расстаться с размеренной жизнью эмигранта. КГБ выполнил свое слово: спустя четыре года меня нашли в Мюнхене, и первый связник не был для меня незнакомцем. Все как обещали. Но что ждет меня впереди?

Когда я проходил мимо ярко освещенных окон «Радио Свобода» на Арабеллаштрассе, я невольно замедлил свой шаг. Еще сегодня утром я переступал порог этого дома как один из сотен обычных сотрудников радиостанции. Но завтра я войду в это здание как «реактивированный» сотрудник КГБ.

Начиналась жизнь с «двойным лицом».

Обе даты, указанные на спичечном коробке, чередовались следовавшим друг за другом воскресеньям. Утром первого воскресенья я улетел в Берлин. Указанный ресторан на Фридрихштрассе оказался около аэропорта Темпельхоф. Я нашел вблизи недорогой пансион, оставил свою ручную кладь и отправился на прогулку по городу, где еще никогда не был. В обед я вернулся в оговоренный ресторан на Фридрихштрассе.

Он оказался небольшим кафе с типичным для таких заведений меню: жареными сосисками с кислой капустой, гуляшом, гороховым супом, пивом и дешевым шнапсом. Никто ни на кого не обращал внимания. Гости за столами насыщали свой аппетит и быстро перекусив, освобождали место для следующих гостей…

Чтобы как-то скоротать свободное время, я заказал немудреное блюдо, потихоньку потягивал пиво, но никто не подходил к моему столу и не проявлял ко мне интерес. Засиживаться становилось уже неудобно. Поэтому я решил повторить попытку вечером.

По дороге в пансион я остановился у газетного киоска, чтобы осмотреться. Я стал делать вид, что разглядываю журналы, не обнаруживая при этом ничего подозрительного. Если за мной на самом деле вели наблюдение, то делали это очень искусно.

Я купил берлинскую газету и бутылку виски и отправился с этими трофеями в отель. Там я немедленно отхлебнул несколько глотков прямо из горла, чтобы как-то успокоить свои нервы, но это не помогло побороть внутреннее беспокойство.

Как бывает в таких случаях, время будто стояло на месте. Я

пробовал читать, включал телевизор, но ничто не снимало мое внутреннее напряжение.

В разведке контакт со связником стоит в списке самых опасных операций. Каждая такая операция связана с двойным риском, так как за каждым участником тайной явки могут следить и это осложняет дело. Мне мало было чего бояться. Американцы «просвечивали» меня очень долго, приостановив слежку три года назад. С тех пор я не замечал за собой никакого наблюдения, либо интереса к моей персоне со стороны спецслужб. Но как обстояли дела в отношении еще неизвестного мне контактного лица от КГБ? Вообще, существуют ли гарантии на все сто процентов? Вдруг за ним сейчас незаметно следят?

Ровно в семь вечера я опять присел у голого деревянного стола в кафе на Фридрихштрассе. Я заказал ужин и стал разглядывать окружающих. От изумления меня чуть не хватил удар! В дальнем углу, внимательно рассматривая меня, сидел мой друг Сережа. «Друг», пожалуй, неверное слово — он был моим ведущим офицером в КГБ. Он был последним лицом, с которым я имел дело до отъезда на Запад. Тогда он пообещал, что меня отыщут и найдут способ выйти со мой на связь. А сейчас он приехал персонально…

Видимо, я выглядел настолько скованно, что сидя в углу, Сергей не смог скрыть своего удовольствия и улыбки. Он и не сдерживал себя. Поднявшись, он прошел мимо меня в туалет. Я проследовал за ним как под гипнозом. Кроме нас, в туалете никого не было. Мы стояли рядом, и тогда Сергей сказал мне: «Иди за мной на отдалении, но не теряй меня из виду».

Мы пошли вдоль длинной, совершенно пустынной и слабо освещенной улицы. Уголками глаз я проследил, как за мной следом идет просто одетый, на вид пьяный, рабочий. Вероятно, он был напарником Сергея, который страховал нас с тыла. Мы повернули за угол в темную улицу и оказались в полной темноте под козырьком старого дома. Рабочий прошел мимо нас, тихо напевая какую-то песенку. Сергей быстро и крепко обнял меня: «Привет, Олег. Как ты? Выглядишь молодцом!».

В две минуты ему удалось инструктировать меня о нашей следующей встрече: «В январе оформляй неделю отпуска и возвращайся в этот же ресторан. За обедом или ужином увидишь меня. Пойдем вместе в Восточный Берлин». Он вновь вручил мне спичечный коробок с указанными на нем датами нашей следующей встречи и растворился в темноте зимнего вечера. По дороге обратно в пансион меня все так же сопровождал на некотором отдалении «рабочий».

…Мне не составило никакого труда оформить в январе десять

дней отпуска. Вторым воскресеньем нового, 1970 года я уложил в портплед удобный костюм, пару рубашек и бритвенный прибор и утренним рейсом вылетел в аэропорт Темпельхоф. Сергей ожидал меня в полдень. Около полутора часов мы ходили на безопасном друг от друга расстоянии, ездили туда-обратно на метро и сворачивали на кладбище. Наконец, убедившись, что за нами не следят, Сергей направился со мной к метро на Фридрихштрассе, где находился тайный переход границы из Западного в Восточный Берлин. Мы спустились в метро, но Сергей не пошел к толпе людей, ожидавших переход у официальной въездной стойки. Он провел меня в сторону незаметной двери и показал офицеру пограничной службы свое удостоверение. Тот молча пропустил нас через шлюз на территорию ГДР.

Коммунистический Берлин шокировал меня своим запущенным и блеклым видом. Контраст был слишком велик. В мгновенье я поменял царство ярко светящихся витрин, жизнерадостных и открытых лиц, шикарных машин и ухоженных фасадов на хмурый мир «реального социализма». Мне казалось, что вчера здесь закончилась война и еще не сняли затемнение.

Мы сели в припаркованный недалеко от вокзала «Фольксваген», и я стал снимать свой эмоциональный накал. Сергей обнял меня за плечи и сказал, что сейчас я могу чувствовать себя, как дома.

Из уверенного поведения Сергея я сделал вывод, что он давно в Берлине. Судя по всему, в данный момент он там жил.

Мы поехали в район Карлсхорст, где располагались военный штаб, военная разведка и представительство КГБ. В трехкомнатной квартире для приемов специальных гостей, вроде меня, был накрыт богатый стол со всеми разносолами, которые может предложить русская кухня. Экономка по имени Зоя, также сотрудник КГБ, которая отвечала за содержание квартиры, сегодня потрудилась на совесть. Из кухни доносился приятный аромат крепкого украинского борща. На столе красовалась охлажденная бутылка водки, расписанная ледяной изморозью. Искрами светилась свежая черная икра. На столе — мои любимые горячие сибирские пельмени. Холодец приправлен грузинскими специями. Тут же на столе стояла малосольная селедочка и огурчики, крабы, маринованные грибочки и творожные кушанья. Такого богатого русского стола я давно не видал.

Ужинали мы вчетвером. Кроме нас двоих, за столом была Зоя и молодой человек по имени Женя из отдела личной безопасности.

Естественно, за ужином о моем истинном задании мы не говорили, хотя Зоя и Женя явно были в курсе, что я приехал

«оттуда».

Перед тем, как уходить, Сергей обронил: «Я вернусь завтра в 9 утра. Начнем работать. Тебе придется вспомнить все, что с тобой происходило последние четыре года — отдельно каждый день. Нам важны малейшие детали. Потратим на это два или три дня. Сколько понадобится. А пока отдыхай».

Он ушел, но этим вечером меня овеяло необычное чувство абсолютного уюта и покоя. Это было давно забытое чувство дома, к которому я привык с детства. Внимательно осматриваясь в квартире, я обнаружил все реликты советского быта — ржавые трубы в туалете и ванной комнате, безвкусные обои и старомодную мебель, неровный линолеум на кухне и торчащие доски паркета в комнатах. Но это не тревожило меня, а наоборот вызывало чувство умиротворенности. Я осваивался с окружением и думал о Москве, о моих родителях и так быстро завершившейся юности.

Родился я счастливчиком. Так, во всяком случае, утверждали в детстве мои родственники. На свет я появился «в рубашке», что по народному поверью сулит счастливое будущее. Узнав, позднее, что это всего лишь значило, что родился я, «одетый» в родовую плеву, я даже несколько разочаровался.

Но на судьбу я на самом деле не мог жаловаться. Во-первых, это уже было наполовину счастьем — родиться почти в центре Москвы рядом с Белорусским вокзалом, провести там детство и не испытать все тяготы послевоенных лет, как большинство сверстников.

Дом, в котором я увидел свет в 1944 году, все еще стоит на Ленинградском проспекте, хотя в нем уже не живет никто из прежних жильцов. Наша квартира, как и большинство остальных, была коммунальной. На самом деле она была спланирована на одну семью, но из-за большой нехватки площади здесь расположилось несколько семей. Наша семья Тумановых (т. е. мои родители, мой старший брат Игорь, бабушка Пелагея и я) проживали в двух комнатах. Симоновы жили в других двух комнатах, поменьше. Совсем бедные Волковы жили впятером в одной комнате. Глава этой семьи, инвалид дядя Степа, был азартным игроком и проводил большую часть время на ипподроме. Его пускали домой только тогда, когда ему улыбалась удача в игре, и он возвращался домой, не «пропустив через горло» все выигранные деньги. Из-за отсутствия жилой площади мама дяди Степы, бабушка Матрена, спала на коммунальной кухне, где стоял сундук с ее вещами. Она ложилась спать после того, как с кухни уходили последние домохозяйки, и вставала засветло. Бабушка Матрена подрабатывала, занимая рано утром очередь в

магазинах, где продавали дефицитные товары. Потом она за вознаграждение уступала свою очередь, естественно, не имея возможности позволить себе ничего из этого дефицита. Кроме сундука со старьем, она ничем не обладала.

Быть может, это звучит немного нереально, но практически никто из наших соседей не стыдился своей бедноты. Кто-то, храпя, спал на полу. Единственным «предметом люкс» был электрический динамик в коридоре, с утра до ночи издающий рев веселых маршей и подбадривающих мелодий. Нам, Тумановым, жилось куда лучше. Мы, например, не готовили еду в скверно пахнущем сале, а на масле или маргарине, которые не всегда могли позволить себе наши соседи. Но мы сами, да и наши соседи не задумывались о нашей скромной жизни, так как попросту другой не знали. Для сравнения у нас просто не было примеров. В Советском Союзе условия жизни считались самыми справедливыми и лучшими на всей планете. Это ежедневно радостно объявляли по телевизору дикторы, твердили газеты и рассказывали учителя в школе. А тех, кто чуть в этом сомневался, немедленно вызывали в особые органы и «исправляли» многолетними жестокими тюрьмами и лагерями. Когда я родился, те, кто в этом был не уверен, по всей видимости, уже были расстреляны, или отбывали сибирские ссылки, так как никто из них в детстве мне не встречался.

Нам твердили о капиталистическом мире с маленькой группой жадных капиталистов, эксплуатирующих массы, ведущие жалкий, бесправный, несчастный образ жизни. Испытывали к ним настоящую жалость, в первую очередь к неграм, по сведениям наших СМИ, особенно притесненным, те были нашими «классовыми братьями». И когда Москву посетила делегация США с негром в ее составе, тот никак не догадывался, зачем его жалостно разглядывают и пытаются накормить. Ведь он был миллионером.

Понимание не всегда делает человека счастливым и, быть может, это было хорошо, что мы не знали, насколько бедно мы жили.

Во время войны отец служил в НКВД. Не знаю, в какой должности или функции. Об этом дома он не говорил. Могу только предполагать, что служил он в разведке. По неизвестным причинам в 1948 году отец покинул Лубянку и с тех пор возглавлял отделы кадров на различных предприятиях. Мама тоже получала зарплату в разведке в чине подполковника. С виду казалось, будто она работает в призывной комиссии, отвечая за регистрацию призывников. Брат был старше меня на двенадцать лет и учился на геологическом факультете Московского

университета, много лет затем самоотверженно проработав на этом поприще.

Я ничем не отличался от других мальчиков мужской школы № 155 близ Дворца спорта «Крылья советов» до инцидента, сделавшего меня известным или даже прославившего меня в девять лет. Дело было так, что я уговорил двух мальчиков навсегда отправиться со мной в Африку.

В феврале 1954 года, избавившись от впредь ненужных нам учебников, дневников и тетрадей и оставив родителям записки: «Не ищите нас — мы уехали навсегда», — втроем мы сели в местную электричку, направлявшуюся на юг. Мой сосед по коммунальной квартире, Сашка Симонов, по какой-то причине отправился в путь в Африку, взяв с собой теплые валенки, всю дорогу крепко пряча их под мышкой. Кстати, наше отчаянное путешествие длилось недолго.

На следующее утро милиция сняла нас с поезда вблизи Калуги и вернула обеспокоенным родителям.

Сашкина мама работала надзирателем бутырской тюрьмы, и ему досталась знатная порция порки. Отчаянные вопли раздавались по всему дому. Мои родители обрадовались возвращению «блудного сына», встретив меня теплыми пирожками, которыми я смог вдоволь наестся.

Прием в школе был менее сердечным. Директриса быстро вычислила, кто был инициатором «преступления», пригрозив исключить меня из школы. С тех пор она меня недолюбливала. «Таких учеников нам не нужно», — приговаривала она, просверливая меня своим холодными глазами.

После того, как мой одноклассник побил сына комментатора «Правды» Виктора Маевского, я попал к ней в окончательную немилость. Дело в том, что этот журналист принадлежал к абсолютной элите партийной номенклатуры и был среди выездных кадров. Соседствуя с власть имущими, его семья ни в чем не нуждалась. Поэтому его сын постоянно приносил с собой на завтрак бутерброды с ветчиной и колбасой, съедая их, естественно, под текущие слюнки и зависть остальных ребят, которые в лучшем случае могли позволить себе пирожок с капустой.

Однажды наш одноклассник избил «буржуя» Женьку, явно будучи не в силах больше видеть его пухлое и самодовольное лицо. По причине чего наша учительница пришла к выводу, что я виноват в этой потасовке. Неудавшийся побег в Африку навсегда превратил для нее ученика третьего класса Олега Туманова в преступника.

«Знаете, кто папа этого мальчика? — ораторствовала она

перед всем классом, при этом пристально глядя на меня. — Его папа жмет руку самому товарищу Сталину! Да, товарищу Сталину! А вы побили этого ребенка. Мы запрячем вас в тюрьму или детскую колонию. Поделом вас всех в Сибирь или на Колыму, за самый Полярный круг!».

Нет, эта женщина никогда не простит мне неразумную прогулку в Африку. Вероятно, она принадлежит к людям, подозрительно смотрящих на каждого человека, выделившегося из серой массы. Такие, как она, стали опорой сталинскому режиму. На следующий год меня перевели в школу, которую я с успехом закончил в 1961 году.

Там я познакомился с моим лучшим другом Толиком Яссявой. Его отец только освободился из тюрьмы, где провел шесть лет как жертва сталинских репрессий, на строительстве Беломорского канала. На самом деле отец Толи не был жертвой репрессий в прямом смысле этого слова, а скорее жертвой обстоятельств. До войны он служил высоким функционером «вождя народов», командуя Службой управления транспорта Сталина, т. е. всеми автомобилями, поездами, кораблями и самолетами вождя. Можно себе представить этого могучего генерала разведки и ожидавшее Толика безоблачное детство.

Но внезапно все изменилось. Однажды отец моего друга здорово выпил с другими высокопоставленными чекистами в ресторане на горе Ачун вблизи Сочи. Он прекрасно управлял любым транспортным средством, за исключением самолета. Сев за руль внедорожника марки «Паккард», спускаясь со всей командой по серпантину с горы, он соскользнул в ущелье. При этом его товарищ «по цеху» разбился насмерть, а другой стал инвалидом. Любимца Сталина, оставшегося целым и невредимым, все же приговорили к трудовому лагерю. Когда диктатор узнал о происшествии, он якобы произнес: «Если Яссява виноват, то его следует наказать». Той же ночью семью генерала выселили из роскошной квартиры в центре Москвы, конфисковав все имущество семьи. Когда я познакомился и подружился с Толиком, его отец только освободился из трудового лагеря, и они жили в такой же квартире, как и мы. Старый чекист скончался в 1956 году.

С детства я любил фотографировать. С фотоаппаратом я не расставался ни в школе, ни дома, и к 15 годам заслужил честь официального классного фотографа. После того, как директор школы позволил оборудовать в туалете на четвертом этаже фотолабораторию, мой статус еще больше повысился. Теперь, будучи учеником, я располагал ключом к собственной комнате. Оформление классных газет давало мне не только внутреннее

удовлетворение, но и предоставило преимущества, в которых я очень быстро убедился. Под предлогом срочных работ в фотолаборатории я скрывался от уроков физкультуры, рисования и естествознания. Когда все занимались пробежками и кроссом, я с серьезной миной на лице стоял на финише и фотографировал.

Лето я проводил на даче у матери отца — бабы Домны До войны в ее деревне вблизи Смоленска было пятьдесят изб. Из них уцелело только шесть. Остальные немцы подожгли перед отступлением. Несмотря на этот прискорбный факт, к моему удивлению, баба Домна всегда говорила с уважением об оккупантах, прожив с ними под одной крышей более двух лет. Немцы разбили в избе лазарет и операционную. Бабуля таскала в дом воду из колодца и разогревала ее на печке. За этот труд немецкий хирург расплачивался с ней продуктами. «Если бы не добрый Фриц, — всегда приговаривала бабушка, — мы умерли б с голоду».

В 1943-м по всему фронту началась большое наступление советских войск и на этой территории пытались окружить немцев. Проходили ожесточенные бои. Деревню, где, кроме лазарета, стоял немецкий штаб, бомбардировали с воздуха наши самолеты. Один осколок попал в ногу моему деду. И опять «из-за доброго Фрица» он поправился. Моя родня была хорошего мнения об армии, но проклинала гестапо и СС: те перед отступлением все за собой жгли. Наш дом уцелел только потому, что в нем до последнего момента проходили операции. У эсэсовцев не хватило время, чтобы его поджечь.

Полтора года до конца школы Толя Яссява нашел мне занятие. Он тогда участвовал в оперативном комсомольском отряде, предназначенном бороться с малолетними преступниками и хулиганами, и уговорил меня присоединиться к этой группе, настаивая, что ему нужен фотограф.

Судьба шла своим чередом. В этот день началась моя борьба на невидимом фронте.

Если меня не подводит память, комсомольские спецотряды возникли в СССР в связи с проведением Международного фестиваля молодежи и студенчества в Москве в 1957 году. До этого большинство москвичей встречались с иностранцами только на фотографиях или на страницах газет и в кино. Страна Советов давно жила за непроницаемым железным занавесом. В то время неосторожных людей, осмеливавшихся получать почту из заграницы, арестовывали или даже расстреливали.

Идея подать заявку на проведение международного фестиваля возникла годом раньше на XX съезде КПСС, когда Никита Хрущев впервые заговорил о преступном режиме Сталина,

будучи заинтересованным в улучшения имиджа большевизма в глазах западной общественности. Можно себе только представить, какую панику это заявление вызвало у функционеров, которым полагалось внимательно следить за проведением фестиваля. Особенно это касалось сотрудников органов безопасности. До сих пор они вели слежку за каждым (!) иностранцем в отдельности, а сейчас Москва ждала тысячи гостей со всего света. Как отличить, кто из них работает на спецслужбы? Как организовать наблюдение? Как предупредить нежелательные контакты с москвичами?

Даже в случае, если столичные органы получат поддержку нестоличных оперативных сотрудников, это не позволит уследить за всеми. К тому же Хрущев приказал органам работать ненавязчиво, не бросаясь в глаза гостям, «выказывая истинно русское гостеприимство».

Коротко говоря, печально известным своей жестокостью сотрудникам Лубянки на площади Дзержинского пришлось «сварганить» что-то новенькое. Тут кто-то и предложил: почему бы не задействовать помощниками в фестивале московскую молодежь, т. е. советских студентов, учеников и молодых рабочих? Привлечь следовало самых надежных, поставить им задачу, разбить на спецотряды, а старших подчинить непосредственно КГБ. Пускай веселятся на фестивале, присматривая одновременно за иностранцами, а заподозрив кого-то, немедленно информируют органы.

Эта идея настолько понравилась советскому руководству, что после завершения фестиваля оно распорядилось осуществить московскую модель по всей стране. Запал молодежи искусно использован для того, чтобы очистить всю страну от криминальных элементов. Оперативным комсомольским спецотрядам поручили бороться с хулиганами, черным рынком и проституцией.

Их использовали во время рейдов (для образования котлов) и в качестве хранителей порядка на крупных политических мероприятиях и ежегодных парадах на Красной площади.

Особенно наши органы контролировали крупные города, когда их посещало большое количество иностранцев. В остальное время города подчинялись милиции и уголовным управлениям. Оперативные отряды стали надежным кадровым резервом органов. Чекисты и офицеры милиции спокойно контролировали своих молодых помощников, подбирая лучших для рекомендаций на учебу в соответствующие образовательные заведения КГБ и МВД. Большинство сегодняшних генералов и полковников в своем юношеском запале участвовали в этих оперативных спецотрядах

против бандитов и преступников в конце пятидесятых и начале шестидесятых.

Я говорю об этом совсем без иронии.

Даже если некоторые из бывших сотрудников оперативных спецотрядов (в семье не без урода) замарались, мне самому незачем стыдиться своей ранней молодости. Слава Богу, мы не шпионили ни за иностранцами, ни за нашими собственными диссидентами. Главной обязанностью нашего отряда было следить за порядком в центре Москвы и не пускать хулиганов в кафе, рестораны и гостиницы. Нам полагалось охранять иностранных гостей столицы от проституток, фарцовщиков и препятствовать дельцам наркотиками и наркоманам. В наши полномочия не входили обработка, аресты или допросы. За это отвечал основной состав милиции и КГБ. Для них мы были своего рода «легкой кавалерией».

В качестве ученика старших классов я нашел это заманчивым и мне даже нравилось участвовать в этих почти секретных мероприятиях. Я самоутверждался в определенной степени относительно одноклассников, которые не состояли в этом «тайном сообществе». Нам выдавали удостоверения и пропуска, которые обеспечивали нам почти везде свободный доступ. После одной особенно успешной операции против фарцовщиков нам выдали в качестве премии несколько отнятых у фарцовщиков трофеев. Мне достались рубашка и стяжки — единственное поощрение за три года труда.

Безусловно, сегодня меня можно упрекнуть, что я все еще хвалюсь своей борьбой против собственных соотечественников. На что я могу ответить, что, вне всякого сомнения, это так и есть. Но я боролся с теми, кого еще сегодня считаю сволочами.

К слову сказать, в наши обязанности также входило перевоспитывать молодых преступников и возвращать «отщепенцев» в активную борьбу за построение коммунизма. Еще помню, как наш отряд взял шефство над двумя девушками легкого поведения. Стелле и Элле, жизнерадостным и хорошо сложенным близнецам, после работы на фабрике неподалеку полагалось рапортоваться у нас в штабе на ул. Горького, там, где сегодня стоит гостиница «Интурист», и помогать оперативному отделу с канцелярской работой. Насколько мне известно, энергичные комсомольцы из нашей секции использовали перерывы между этой скучной работой, занимаясь с девушками тем, за что в гостинице клиенты платили им деньги.

Стелла и Элла не противились. Такое «перевоспитание» устраивало их больше, чем высылка в места, удаленные от Москвы по крайней мере за 100 км. Так в то время наказывали

проституток, алкоголиков и мелких жуликов.

Иногда «перевоспитание» практиковалось таким образом, что ощущалось всеми частями тела. Вспоминаю, как однажды летним вечером мы захватили молодых хулиганов. Запрятав им в штаны крапиву, мы усадили их в метро и приказали больше в городе не появляться.

Возможно, все это не совсем отвечает принципам демократии и декларации о правах человека. Но никто не станет отрицать, что тогда в Москве царило больше справедливости и порядка, чем сегодня. С хулиганами в те годы мы на самом деле не обходились мягко. Зато по Москве можно было ходить с раннего утра до поздней ночи, не беспокоясь. Сегодня лучше не показываться на улице после девяти вечера без оружия самообороны. «Лучший коммунистический город», как еще недавно называли Москву, стал свалкой спекулянтов, наркоманов, проституток и организованной преступности.

В конце мая 1961 года я прекратил работу в оперативном спецотряде, т. к. оставалось недолго до выпускных экзаменов. Я серьезно взялся за учебники, рассчитывая сдать выпускные экзамены на серебряную медаль, что серьезно облегчило бы предстоящее поступление в вуз. На будущее у меня были совершенно конкретные планы: я мечтал о поступлении в Институт кинематографии на факультет операторов.

Когда экзамены были еще в полном разгаре, раздался телефонный звонок из штаба оперативного спецотряда: «Появись у нас, надо поговорить. Иван Иванович хочет с тобой увидеться».

Мне было ясно, о ком идет речь. Иван Иванович Зайцев ни с кем не делился, какой пост он занимает. Но все в спецотряде знали, что он из КГБ, из-за чего все вопросы отпадали. Этот нимб секретности усиливался еще из-за того, что он не шел на контакты и не разговаривал со всяким в спецотряде. Зайцев представлял организацию, о которой вслух не говорили, избегая упоминать даже ее название, упоминая ее как «контору» или «комитет», или многозначительно постукивая по плечу, имея в виду погоны.

И этот человек желал со мной говорить. Зачем же вдруг? Возможно, его интересует, почему я больше не сотрудничаю?

Переполненный любопытства, я отправился в штаб. Наш разговор состоялся с глазу на глаз. Постороннему человеку он мог бы показаться крайне странным.

Иван Иванович вежливо просил меня присесть. Сам встал и проследовал к двери, чтобы убедиться, что дверь за мной плотно закрыта. Потом он убрал со стола документы в старомодную папку с металлическими скрепками и надписью «И.И. Зайцеву за

заслуги в работе с молодежью». Этой папкой его якобы наградил шеф КГБ Семичастный, лично. На меня этот весьма немолодой и побитый Зайцев скорее производил впечатление провинциального бухгалтера, нежели воинствующего чекиста.

«Итак, как идут экзамены?», — многозначительно спросил он. — Ты хорошо подготовился?»

«Неплохо, на мой взгляд».

«Ты вообще молодец, со всем справляешься. Кстати, Олег, что ты собираешься делать после школы? Какие у тебя планы?»

Я ответил, что хотел бы стать кинооператором.

«Здорово!». Он сделал вид, что истинно радуется за меня. «Имей в виду, что в Институт кинематографии стремятся многие. Если ты окончишь школу с медалью, у тебя будут шансы, а иначе… Но почему это обязательно должен быть Институт кинематографии?»

Я напомнил ему, что фотографирование уже давно является моим увлечением, и что я даже отснял один любительский фильм.

«Верно, снимаешь ты хорошо, — озадачил меня Иван Иванович, — а о другой профессии ты еще никогда не задумывался?»

«О какой еще другой профессии?», — спросил я.

«Например, связанной с работой за границей?»

«Нет, — сознался я откровенно, — об этом я еще никогда не думал».

«Видишь, — обрадовался он, — не думал, хотя должен был. Не торопись, обдумай хорошенько и только тогда решай».

…Нет, но я уже все решил. Сразу после завершения экзаменов (на медаль, к сожалению, мои оценки не дотянули), я подал заявление на поступление в Институт кинематографии. К заявлению я приложил свои фотоснимки, которые считал особенно удавшимися, и короткий любительский фильм, который сам отснял на 8-миллиметровую кинокамеру «Адмирал». Это должно было убедить приемную комиссию о моем «откровенном» таланте. В силу какой-то необъяснимой причины я был почти уверен, что справлюсь с творческим конкурсом и сдам вступительные экзамены на поступление в институт.

Но почему-то именно в этом году неутомимый реформатор Никита Хрущев задумал новую реформу, в соответствии с которой всем кандидатам в вузы полагалось, до вступления в вуз провести два года на практических работах или военной службе. Наш лидер наивно полагал, что молодежь, поработавшая в колхозе или на предприятии, либо познавшая солдатскую жизнь, лучше справится с наукой. Кроме того, и это следовало

приветствовать, в нашей стране необходимо было положить конец тому, что называлось «использование личных связей». В то время дети высокопоставленных родителей без особых препятствий проникали в престижные школы, закрывая туда дверь всем остальным. А новой мерой Хрущев отправил всех, не исключая меня, «на производство». Приемная комиссия вернула мне документы, рекомендуя вернуться не раньше, чем через года два, подтвердив практическую работу, по возможности, имеющую связь с моей будущей учебой.

Недолго думая, я отправился на студию «Мосфильм», куда меня немедленно приняли в качестве ассистента оператора. Мои поручения не требовали большой сноровки. Мне полагалось таскать за оператором камеру и штатив и выполнять другие мелкие поручения. Я почти свыкся с этой не требующей большого таланта работой и окладом в 60 рублей, как вдруг вмешались мои родители.

«Работа без постоянного графика? — с недоверием поинтересовалась у меня мама. — Дома ты появляешься когда вздумается? И это в 17 лет? Нет, мне эта работа не по душе».

«Увлекся кино, — поддержал ее отец, — связался там с уродами, пьяницами, телками и всякими искушениями».

Быть может, заслуженному функционеру выбор его сына на самом деле показался против шерсти. Хотя иногда я задумываюсь, что отец уже тогда был в курсе о моем запланированном будущем и занятие кинематографией совершенно не укладывалось в эту концепцию. Возможно, его, бывалого офицера с Лубянки, частично посвятили в то, что со мной задумали или просто посоветовались с ним, намекнув ему о моем будущем. Во всяком случае, через неделю после того, как на студии получили письмо моих родителей, я вылетел с «Мосфильма», который со мной раз и навсегда расстался. Таким образом, мои мечты о карьере кинооператора развеялись навечно.

В штабе оперативного спецотряда мне опять передали пожелание Иван Ивановича поговорить со мной в гостинице «Советская» в (нанятом КГБ) номере на третьем этаже. В большинстве московских гостиниц были такие «конспиративные номера», предназначавшиеся для встреч служащих Комитета с агентами или агентами доверия, для вербовки новых неофициальных сотрудников и других тайных целей.

В помещении, оборудованном как обычный гостиничный номер (где явно была встроена прослушка), меня приветствовал мой ведущий офицер КГБ.

«Присаживайся, Олег. Закуривай, если желаешь».

Иван Иванович, как обычно, был одет в незатейливую одежду

отечественного производства. Как я смог убедиться на следующих встречах, он не курил и не пил крепких спиртных напитков.

«Итак, мой друг, из затеи с кинооператором ничего не получилось?»

Таким образом он сразу показывал, что был обо всем в курсе.

«Не принимай это слишком трагично. Кинематография никуда не годится, это не соответствующий вид деятельности для настоящего мужчины. МЫ (это он произнес внушительно) давно тобой интересуемся. Ты самбист, спортивный защитник и отличный фотограф. В оперативном отделе о тебе прекрасного мнения. Нет, Олег. Тебя ждет другое будущее, не в кино…»

Услышав эти слова, честно говоря, я подумал, что меня отправят в школу для разведчиков. Но, к моему удивлению, он продолжал:

«Мой друг, становись выпускником высшей школы ГРА».

«Чего?», — спросил я в недоумении.

«В Институт гражданской авиации», — сказал он, акцентируя каждое свое слово.

Я кивнул безучастно.

«Не торопись с решением, — добродушно улыбаясь, продолжил Иван Иванович, — в Институт кинематографии ты все равно не поступишь. Думаю, тебе это понятно…»

Я опять кивнул, тем временем понимая, что моя учеба в Институте кинематографии как-то не входит в ИХ планы и что все мои попытки поступить туда будут бесполезны.

«Понял меня, — сказал он удовлетворенно. — Зачем тебе убивать время, делая вид, что ты где-то работаешь? Нет, дружище, так не пойдет. В Институт гражданской авиации можно поступить без двухлетней обязательной практики. Тебе всего лишь необходимо пройти медицинскую комиссию и сдать вступительные экзамены. Ты поступишь на факультет по специальности “радиоаппаратура для авиации”. Когда ты закончишь учебу, мы предложим тебе (вновь многозначительно подчеркнул он) интересную перспективу».

… Покажите мне в Москве 17-летнего парня, в то время решившегося воспротивиться органам. Если они того желают, надо это делать. У них все на обозрении. Но почему меня посылают непременно в техническую службу радиосвязи? По физике у меня в школе была только тройка… Может, после учебы определят в радисты или шифровальщики? В моем представлении рождались размытые картинки, как в шпионских фильмах, которые я видел: мужчина в наушниках, попискивающая морзянка в полутемном подвале…

«Согласен, — ответил я. — Куда мне подавать вступительные

документы?»

Он продиктовал мне адрес приемной комиссии, добавив, что медицинскую комиссию необходимо проходить на секретном военном объекте рядом со стадионом «Динамо».

«Там проверяют всех пилотов, — пояснил он. — Там же пройдешь экзамен на профпригодность».

К моему большому удивлению, медицинская комиссия оказалась самым сложным вопросом из того, что мне предстояло. Целых пять дней меня гоняли по врачам. Постукивали, просвечивали, мучили на каких-то симуляторах, запирали в камерах и крутили на центрифугах, будто мне предстояло попасть в космонавты, а не в гражданскую авиацию. Наконец я держал в руках долгожданное заключение: «Готов к полетам без ограничений».

Институт, куда я подавал документы, был в Киеве. Но вступительная комиссия в то время находилась в Москве в Центральном аэропорту, куда мне было недалеко добираться — всего каких-то пять троллейбусных остановок от дома. На экзаменах я получил две пятерки и одну тройку — по математике. Общая оценка оказалась вполне достойной, и я уже чувствовал себя новоиспеченным студентом. Но когда на черной доске вывесили список принятых студентов, моего имени среди них не оказалось. Я вновь, и вновь пробегал глазами по списку, думая, что произошло недоразумение и мое имя забыли случайно. В списке значились имена кандидатов со средней оценкой гораздо ниже моей. Но моей фамилии нигде не было.

Медленным шагом прогуливаясь в сторону дома по Ленинградскому проспекту, я думал, что бы это значило. Честно говоря, я не особенно расстроился. Меня никогда не тянуло в небо, тем более работать с радиоприемниками. Поэтому неудача особенно меня не расстраивала, хотя было все же досадно и в то же время непонятно.

Уже какое-то время я казался себе чем-то вроде мяча, которым играют чужие властные руки. С этим пора было свыкаться.

Дома я демонстративно бросил в сторону учебник по математике:

«Все равно я поступлю в Институт кинематографии. Инженер из меня никогда не получится…»

Но мой отец не возмутился моему эмоциональному выпаду.

На следующий день опять появился Иван Иванович. С потупленной головой я пытался объяснить ему, что из его плана ничего не вышло. Получил подножку на математике, о чем сожалею. Но он не выглядел от этого нисколько расстроенным.

«Не вешай голову, юный друг. Это не повод расстраиваться. Конечно, летать — это здорово и заманчиво. Но для тебя еще не все потеряно».

Я глядел на него как на иллюзиониста в цирке. Какой номер он сейчас предложит? Не добавляя никаких слов в мое утешение, он заявил:

«Олег, дорогой, пойдешь работать на почтовый ящик 1303 (так в СССР называли секретные предприятия, Научно-исследовательские институты и Конструкторские бюро). Кстати, Олег, этот п.я. неподалеку от твоего дома и имеет что-то общее с воздухом. Поработаешь там и утвердишься в своих силах. Тогда поглядим дальше».

Иван Иванович прекрасно умел игнорировать настроение своего собеседника. На сей раз, не моргнув глазом, он опять застал меня врасплох. Совершенно спокойно он принялся объяснять мне, где находится этот злополучный почтовый ящик, к кому мне там обращаться и кем я буду работать — техническим рисовальщиком…

Это было немыслимо! На «Мосфильме» у меня могла быть должность ассистента оператора, которая меня удовлетворяла, с перспективой поступить в элитную школу, но меня обязательно хотели запереть на сером «почтовом ящике», усадив за чертежную доску и заставив тупо отсиживать весь рабочий график. Это было невозможно! Я уставился на него:

«Я не расстался с надеждой работать в кино».

«Да? — с удивлением спросил он, будто это было для него новостью и затем продолжая абсолютно официозно: — Итак, Олег Александрович, у нас каждый имеет право выбирать себе профессию на собственное усмотрение. И вы — не исключение. Но я рекомендую вам реально посмотреть на свои возможности. Реально! Думаю, вам понятно, что я имею в виду!»

И чтобы показаться еще серьезнее, он однозначно произнес:

«В Институт кинематографии вас никогда не примут. Это вам абсолютно ясно, или еще требует разъяснений?»

После этого мы опять беседовали как два многолетних друга, хоть и разного возраста. Будучи моложе, я внимательно слушал слова опытного ветерана. Иван Иванович посоветовал мне не бросать спорт и принимать участие в оперативной работе спецотряда. В заключение он добавил, что, возможно, скоро мы вновь увидимся.

«Ты ведь не против наших встреч? — спросил он, наконец, похлопав меня по плечу. — Но помни, ни одна душа не должна узнать об этих встречах».

Для меня навсегда осталось загадкой, кто придумал этот

обходной путь через поступление в Институт гражданской авиации. Единственным разумным доступным мне объяснением остается, что кто-то желал досконально проверить мое состояние здоровья до приема на оперативную службу. Я до сих пор уверен, что закрытая медицинская комиссия на стадионе «Динамо» предоставила кому-то возможность провести полную и тщательную оценку моего физического здоровья и проверки на способность перенесения психических нагрузок.

Если на самом деле все было именно так, признаю за некоторыми людьми определенную предприимчивость мысли.

К этому моменту в нашей семье после длительного отсутствия появился мой дядя. Он служил полковником в 9-м управлении КГБ, и вышел на пенсию в чине генерала. 9-е управление отвечало за личную безопасность самых высоких партийных и правительственных лидеров. Находясь рядом с руководством этого Управления, дядя располагал определенным положением и смотрел на всех свысока. Ничего там не менялось до попытки смещения Михаила Горбачева и реорганизации 9-го управления и вывода из органов секретной службы.

Дядя выразил удовлетворение моим устройством в п.я. 1303 и показал удивительное знание моего будущего рабочего места. Разговор шел о конструкторском бюро А. Яковлева, к которому также относилось испытательное предприятие, на котором тестировались конструкторские изобретения. Мне была поручена работа в области конструкций СПК.

Однажды в августе 1961 года я представился в кадровый отдел конструкторского бюро и заполнил подробную анкету, в которой необходимо было указать всех родственников вплоть до прабабушки. «Вас направил Сергей Ильич?», — дружелюбно спросила пожилая женщина, возглавлявшая отдел кадров, принимая мои документы. «Да», — как договаривались, ответил я, не имея никакого представления о том, кто был этот Сергей Ильич. Спустя три дня мне вручили пропуск и разъяснили мои обязанности. Зарплата, целых 50 рублей, оказалась ниже, чем на «Мосфильме».

Так началась моя монотонная многомесячная работа в КБ…

Бюро Яковлева переживало на тот момент тяжелые времена. Многие годы оттуда в авиационную промышленность не поступало никаких инноваций. Яковлев, известный в прошлом любимчик Сталина, и его многотысячный, обширный коллектив, который разработал в 30-е и 40-е годы серию великолепных истребителей, попал в тяжелый кризис. Будучи всего лишь учеником, осваивающим техническое черчение, я тоже смог это почувствовать. Сотрудники работали небрежно, все отдавало

застоем и рутиной.

Не могу сказать, что я серьезно над этим задумывался. Конструкторское бюро было всего лишь этапом на моем пути, на котором, как я уже мог предположить, будет еще много удивительного. Меня не особенно перегружали работой. Под предлогом, что мне необходимо в оперативный отряд, я уходил с работы задолго до завершения рабочего дня. Никому не было дела до того, чем я занимаюсь.

Иван Иванович появился только через полгода. Мы опять встретились в элегантном номере на третьем этаже гостиницы «Советская».

Он оглядел меня с головы до ног.

«Помнишь, Олег, о чем мы с тобой говорили?»

«Помню, конечно, но сейчас мне необходимо подумать о службе в армии. Меня скоро призовут».

«Правильно, это твоя святая обязанность — защищать Родину, — похвалил меня мой куратор из Комитета госбезопасности и, не ожидая воздействия своих слов, немедленно продолжил: — но сначала ты поступишь на подготовительные курсы в вуз».

Какой сюрприз сейчас мне подготовил мой старый друг? Я пытался скрыть свое удивление, но непроизвольно у меня сорвался с губ вопрос:

«И в какой же Институт?»

«В самый престижный институт», — невозмутимо заявил старый чекист, — Московский государственный институт международных отношений, кузницу дипломатов и специалистов международной экономики. Слышал о таком?»

«Слышал, конечно, но никогда не думал, что смогу там учиться».

«Сможешь, — обещал Иван Иванович, — и работать за границей будешь. Но сначала тебе придется поступить на подготовительные курсы для рабочей молодежи. Сначала усовершенствуешь и углубишь ранее усвоенные знания. Наверное, ты уже многое после школы подзабыл?»

«Да, подзабыл. Но курсы и учеба в Институте международных отношений — для меня некий неожиданный сюрприз…»

«Придется привыкать, друг, нежданных сюрпризов впереди у тебя еще много».

…Эта встреча оказалась очень поучительной. Иван Иванович дал мне понять, что он в курсе всех моих намерений и действий. Я уверен, что в то время он даже был в курсе и знал имена всех моих друзей. Из его точно изложенных предложений можно было понять, насколько хорошо он обо всем информирован: «Ты

молодец. На работе тобой все довольны. И друзья у тебя тоже надежные…»

Вскоре несколько молодых людей, меня включая, органы направили из КБ учиться на подготовительных курсах в МГИМО. Я интенсивно готовился к учебе на факультете мировой экономики, окончательно похоронив юношескую мечту о поступлении в Институт кинематографии. Учеба в Институте гражданской авиации уже унеслась совсем далеко в небытие. Сейчас я абсолютно ответственно готовился делать карьеру в зарубежье.

Занятия проходили вечером после работы в главном здании МГИМО на Крымском валу. (Там по сегодняшний день размещается Дипломатическая Академия.) В расписание входили английский, география, математика и основы мировой экономики. Я очень старался и справлялся с занятиями не хуже других. Честно говоря, я не имел никакого представления о своей жизни в будущем. Возможно, подспудно я чувствовал, что не могу сам планировать свою судьбу и будущее. Меня будто несло по течению, и я не знал, куда и зачем он меня вынесет. Но я был уверен, что не дам себе погибнуть.

Летом 1963 года опять появился Иван Иванович. В этот раз встреча проходила в ресторане за большой застекленной витриной напротив часовой фабрики на Белорусском вокзале. Судя по всему, руководство моего куратора в КГБ на сей раз имело ко мне нечто конкретное, так как Зайцеву было позволено заказать на троих обед за государственный счет. Третьим за столом был коллега Иван Ивановича — худощавый, модно одетый молодой человек по имени Сергей. После того как Иван Иванович нас представил, он намекнул, что возможно в будущем Сергей станет постоянно поддерживать со мной контакты. Он вел себя покамест весьма сдержанно, разглядывая меня сверху донизу. Мне все время казалось, будто он сейчас попросит меня открыть рот и показать ему свои зубы, так, как это делали раньше на базаре, приобретая в рабство негров.

Иван Иванович заказал нам по рюмке коньяка и стакан грузинского вина себе. (В то время в Москве на самом деле еще можно было без особого напряга найти сухое вино за пару копеек.) Мы пили и непринужденно общались. С момента нашей последней встречи прошло немало времени, но я считал само собой разумеющимся рассказать все о своей жизни, так как Иван Иванович и так обо всем был в курсе. «Куратор» ни о чем меня не расспрашивал. В отличие от наших предыдущих встреч, я обещал себе ничему не удивляться и не терять самообладания, как это принято у опытных разведчиков. Но Иван Иванович вновь

заставил меня возмутиться.

«Скажи Олег, а что ты там потерял в этом МГИМО? Не пора ли потихоньку завязывать?»

«На что вы намекаете? — мгновенно куда-то исчезла моя смелость. — Мне скоро сдавать вступительные экзамены. Для этого я упорно учился полтора года. Даже над математикой постарался».

Но мое эмоциональное восклицание не произвело на него никакого впечатления.

«Забудь, — сказал офицер безучастно, будто говорил о каких-то мелочах. — Пей лучше коньяк и слушай, что я тебе скажу. Вот ты сдашь экзамены в этом самом МГИМО. Думаешь, тебя сразу пошлют за границу в Лондон, Париж или Нью-Йорк? Нет, друг, это только иллюзии. За границу уезжают единицы — для этого нужны удача и связи. Остальные работают преподавателями. Хочешь стать учителем?».

Я отрицательно покачал головой.

«Так что же, этого ты не хочешь. И правильно, что не хочешь. У нас на тебя другие планы…»

«Но вы ведь сами рекомендовали мне учебу в МГИМО».

«Забудь, — повторил он уже более раздраженно, не считаясь с моим возражением. — Призовешься в армию, правильнее сказать — во флот пойдешь. Ты же крепкий и выносливый. Потом отслужишь свой срок и возмужаешь немного, поглядим дальше. Тебя ждет интересная работа, ты не пожалеешь. А придумал себе карьеру какого-то дипломата или ученого-экономиста… Мы тебе другое дело приготовили…»

Я промолчал о том, что верю, что все это он сам себе выдумал, но не смог сдержаться от одного вопроса:

«Какая работа меня все же ждет?»

Тем самым я давал понять, что сам снова капитулировал.

Он улыбнулся и налил мне еще одну рюмку коньяка.

«Всему свое время. Еще узнаешь. Дождись сначала повестки от призывной комиссии и готовься к мобилизации».

Я еще раз предпринял слабую попытку выпутаться из этой туманной истории. Что-то пролепетал о своих отличных перспективах, напомнил о предстоящем поступлении в МГИМО, о том, что преподаватели в Институте обо мне хорошего мнения. Но все было попусту. Я был мячом в чужих руках, стал безволен и бессилен.

Помню, как меня сочли безумцем, забирающим документы из приемной комиссии МГИМО накануне вступительных экзаменов, считая меня почти поступившим студентом, т. к. экзамены были формальностью для посещавших подготовительные курсы.

Возвращая мне мое личное дело, секретарь расстроенно спросила: «Что вы делаете? Запомните, второго такого шанса у вас никогда не будет».

Я ответил ей вынужденной ложью, после чего для меня навсегда закрылись двери этого элитного московского института.

Сначала органы помешали моему поступлению в Институт кинематографии. Затем отстранили от авиации. Сейчас, как видно, лишили практически гарантированной учебы в элитном МГИМО, откуда дорога вела прямо в дипломаты. Куда это меня выведет, и что за секретную работу мне приготовил КГБ? Какой смысл был скрыт во всех этих обходах?

В начале сентября я получил повестку, что «гражданин Олег Александрович Туманов призван в соответствии с законодательством СССР в действующую армию». В повестке значилось, что я распределен в 141-ю часть военной пехоты. Пользуясь своими прежними связями в призывной комиссии, мама безуспешно пыталась узнать, какая это часть и куда меня потом направят.

5 сентября, распрощавшись с друзьями и родней, вместе с другими призывниками с пункта призыва, расположенного на Беговой улице в районе Красная Пресня, автобусом нас доставили на городской призывной пункт.

Там нас побрили наголо. Продезинфицировали нашу одежду в специальных барокамерах. Затем всех нас отвезли на железнодорожный вокзал и погрузили в поезд. После отправки состава вскоре пролетел слух, что нас везут в Калининградскую область, на территорию бывшей Пруссии, на Балтийский флот.

В городе Пионерск, мы попали в учебную часть. После прохождения «курса молодого бойца» была определена наша военная специализация. Кто-то должен будет служить на границу, других переодели в матросские формы. Меня отправили в другую учебную часть, где готовили расчеты для корабельной артиллерии.

Ладно, стану артиллеристом. Мне было безразлично. Гражданская жизнь ушла в далекое прошлое, передо мной лежали долгих четыре года службы и следовало привыкать к совершенно новым условиям. Поэтому я твердо дал себе слово ничего не принимать близко к сердцу и переносить происходящее со стоическим спокойствием. Мне можно было приказать служить на подводной лодке и ремонтировать в затхлой техничке дизельные моторы, и я это все равно посчитал бы мечтой своей жизни…

Несколькими месяцами позже меня, с остальными будущими минерами и артиллеристами передислоцировали в расположенный вблизи польской границы городок Мумановo

(ранее он назывался Хейлигенбайль). Зона прежде была пограничной, и мы везде натыкались на ворота с нарисованными на них красными звездами, за которыми располагались военные объекты, тренировочные плацы, ракетные позиции и т. д. По всей видимости, нигде в мире не было большей концентрации военных расположений.

В тренировочном лагере я проходил подготовку в артиллерийской наступательной части, считавшейся на флоте элитной. В скором будущем мне полагалось иметь дело со сложными расчетами, в том числе с электроникой, которая в то время в СССР находилась на экспериментальной стадии.

Нас разместили в старых казармах вермахта, оставшихся там еще со времен размещения элитной танковой дивизии Гитлера «Викинг». Никогда не забуду длинных коридоров, которые мне иногда приходилось ночью драить — в то время это являлось обычным дисциплинарным наказанием в советской армии и флоте. Другим наказанием была чистка картошки на кухне для еды нескольких сот солдат.

«Чтобы ты запомнил, что служба — это не мед кушать», — наказывая по мелочам, язвительно постоянно напоминал мне старшина.

Старшина явно что-то имел против молодых столичных рекрутов, считая их «шибко деловыми». Москвичей в нашей наступательной части было целых трое.

С приближением весны мы все стали подумывать о том, куда мы попадем после обучения. Можно было рассчитывать на службу на Балтийском, Черноморском или даже Североморском флоте. Среди матросов считалось самым страшным попасть на службу на крейсер «Свердлов». Его называли плавучей тюрьмой, которую в состоянии были вынести только сибиряки, да и то не каждый. В качестве талисмана экипажу крейсера каждые два года дарили молодого медвежонка. После наступления своего двухлетия медвежат спускали на берег, и они проводили оставшуюся жизнь в зоопарке.

По окончанию подготовки свежеиспеченные артиллеристы и минеры строились на плацу. Там во время переклички им объявляли их будущее место службы.

«Матрос Туманов — в 165-ю бригаду ракетных эсминцев».

Боже! Во главе этой бригады был флаг крейсера «Свердлов». Неужели мне придется попасть на эту плавучую тюрьму? Но нет, мне повезло. Бригадный штаб в городе Балтийск командировал меня на эсминец «Справедливый».

После того, как я понемногу обжился на корабле, мне стало очевидно, что здесь я смогу использовать некоторые навыки из

прежней гражданской жизни, например, мои фотографические способности. Я подружился с Валерием Шульгиным, корабельным фотографом, которому оставался всего год до демобилизации из флота. Валерий представил меня замполиту.

«Товарищ капитан, я нашел себе замену. Я скоро закончу службу и бы целесообразно, если он пока подучится».

С этого момента у меня появились значительные преимущества.

Пока матросы скучали на политзанятиях, я проявлял в фотолаборатории пленки или готовил стенгазету. На корабле меня полюбили даже сверхсрочники. Каждому хотелось послать домой родственникам свой фотоснимок бравого моряка.

Однажды штурман узнал, что я обучался на технического чертежника.

«Матрос Туманов, — обратился он ко мне радостно, — вы для меня настоящая находка. Начиная с сегодня, вы будете чертить карты и навигационные планы».

Он не отличался особым трудолюбием и искал любую возможность переложить на кого-то свои обязанности.

Я был востребован и попросил своего непосредственного командира освободить меня на следующей неделе от моих обязанностей, т. к. замполит поручил мне побыстрее соорудить почетную доску «Наши лучшие воспитанники по военной и политической подготовке». Замполиту я объяснял, что выполняю срочное поручение штурмана. А последнему ссылался на срочную работу в фотолаборатории.

Приятно иметь свое собственное пространство на тесном корабле, где можно было ненадолго вытянув ноги и прикрыв глаза, собственным ключом отпирая крошечную каюту, оборудованную под фотолабораторию. Для матроса первого года службы это было невероятным преимуществом.

Естественно, не злоупотребляя «привилегиями», я стремился быть полезным и замполиту, и штурману, и капитану, при этом не показываясь их любимчиком в глазах других военнослужащих.

Мое реноме повысилось после появления во флотской газете «Страж Балтики» статьи об успехах нашего эсминца за подписью «Матрос О. Туманов». Став репортером, я использовал возможность, чуть ли не ежедневно спускаться на берег, когда корабль стоял у причала, сославшись, что несу статью в редакцию.

Ввиду моих успехов командир рекомендовал меня в кандидаты в коммунистическую партию, с чем я согласился, т. к. в предстоящей гражданской жизни принадлежность к КПСС могла очень пригодиться. Без этого труднее было найти подходящую

работу. Вот так я стал кандидатом партии.

Весной 1965 года заместитель главного редактора газеты посоветовал мне поступать в Львовское высшее военно-политическое училище, где учились будущие политработники и военные журналисты. Он осторожно обрисовал мне преимущества, которые будет иметь для меня этот шаг. Во-первых, благодаря учебе будет положен конец моей службе матросом, постепенно мне приедавшейся. Во-вторых, утверждал он, диплом военного журналиста пользуется уважением и предоставляет блестящие шансы в будущей гражданской жизни. Честно говоря, в первую очередь меня интересовала хотя бы на какое-то время возможность освободиться от оперативной службы. Из его слов можно было понять, что на время подачи документов солдатам и матросам полагался месяц отпуска, а потом еще месяц подготовки к факультативным экзаменам для поступления в училище. Стоило попробовать, подумал я, это два месяца на суше… Почти без обязательств… Ну, а все остальное сложится. Честно говоря, я не планировал стать военным журналистом, посвятив жизнь армии.

После участия нашего эсминца в военном параде нам объявили, что порт Лиепая будет переоборудован под сухой порт. Многих матросов, меня включая, расписали в отпуск. Я запасся авиабилетом, купил подарки родителям и вечером был уже в Москве.

Через три дня раздался звонок.

«Приветствую, тебя, моряк. Иван Иванович с тобой разговаривает».

«Добрый день», — ответил я, чуть смутившись, потому что уже два года мой куратор не давал ничего о себе знать. «Ты примерно служишь. Знаю. Стал корреспондентом и кандидатом в партию… Теперь хочешь поступать учиться… Отличный парень. А наш разговор, надеюсь, не забыл. Завтра увидимся. Есть о чем потолковать».

В обозначенное время я появился в известной мне гостинице «Советская». Сейчас разговор проходил в хорошо обставленном двухместном номере с коврами и хрусталем. В порыве гордости, я решил, что моя значимость у НИХ возросла.

Иван Иванович был не один.

«Знакомься, — он представил мне молодо выглядящего, с иголочки одетого мужчину: — Олег Максимович».

Так я познакомился с лучшим оперативным сотрудником внешней разведки КГБ. После этого мы еще неоднократно встречались в различных городах Европы. Об этом будет еще возможность рассказать читателю в будущих главах.

Олег Максимович, среднего роста, моложавый, в дорогом импортном костюме, произвел на меня большое впечатление. Люди с Лубянки до сих пор казались стереотипными.

Они были невыразительны и невзрачны. А этот мужчина был импозантен и уверен в себе. Его темные глаза и аккуратная бородка делали его похожим на иностранца, а не на советского гражданина. У его ног стоял элегантный портфель «дипломат», что в то время было большой редкостью в Москве. Разговаривая со мной, он непринужденно покачивал ногой.

«Думаю, вам известно о том, что я являюсь сотрудником Комитета госбезопасности», — начал он наш разговор, осмотрев меня сначала с головы до ног.

Я кивнул головой.

«Хорошо. Тогда расскажите немного о себе и своих планах».

Я был подробен, так как знал, что им и так все обо мне известно. Но Олегу Максимовичу явно хотелось составить собственное мнение обо мне.

«Так, может все же вам интересны иные перспективы?», — задал он мне вопрос, когда я стал посвящать его в свои планы о поступлении в Львовское высшее военно-политическое училище.

Пожав плечами, я стал ждать, чтобы сначала услышать их планы.

«Мы знаем, что вы являетесь старостой комсомольской ячейки и хороший фотограф. Кроме этого, нам известно, что комендант корабля будет рекомендовать вас на пост шифровальщика. Это является выражением высшего доверия, которого мог бы ожидать матрос. Вы подготовились к учебе в МГИМО и владеете английским языком».

«Но совсем слабо», — добавил я.

«Вы занимаетесь спортом и справляетесь с тяжелыми ситуациями, — перечислял он мои достоинства, чуть озадаченный моими возражением. — Вы коммуникабельный и компанейский, любите приключения и не женаты, что тоже для нас преимущество. Ну, что же, Олег, хотите работать за границей?»

«Когда отслужу и закончу учебу, готов к любому заданию», — ответил я, решив, что меня вербуют в нелегальные разведчики.

«Вам не обязательно учиться, — ответил Олег Максимович, улыбаясь, будто угадал мои мысли. — Ваша подготовка нам на сегодня уже достаточна. Кроме того, мы не говорим о работе в разведке».

«А где же тогда?»

«Вам желательно пожить за границей и осмотреться. Просто пожить там, без особого задания от разведки».

Я не понял. Какая ИМ польза, что я просто поживу за границей? В качестве кого — матроса Туманова?

Ничего не поняв, я спросил:

«А как же с моей учебой в Львовском высшем военно-политическом училище?!»

«Это не помешает. Пусть все идет своим ходом. Наслаждайтесь отпуском и езжайте в Львов. Держите себя в форме. Единственная просьба во время отпуска — будем поддерживать с вами контакт. Вы согласны?»

В этом месяце мы встречались раз десять — иногда в гостинице, либо опять в ресторане за богато накрытыми столами. Обычно Сергей участвовал в наших встречах. Он вел себя с настороженным уважением по отношению к своему элегантному руководителю с бородкой.

Каждый раз Олег Максимович подчеркивал, что мне следует больше интересоваться жизнью на Западе. Иногда мне даже казалось, что он наводит меня на мысли о том, как мы плохо здесь живем и как хорошо живут на Западе. О жизни на Западе он явно знал более чем достаточно.

Много позже я понял, чего он добивался, и оценил тонкую работу этого офицера внешней разведки. Однажды он спросил меня, что мне известно о работе антисоветских эмигрантских организаций за границей. Я задумался. В газетах я кое-что об этом читал. Обычно наша пресса не жалела громких ругательных слов, когда речь шла об этих организациях. Но детали я не помнил.

«Хорошо, давайте представим себе, что вы попали на Запад. Как вы поведете себя в отношении бывших советских граждан, которые продали себя радиостанциям “Голосу Америки”, “Би-Би-Си” и “Радио Либерти”?

«Плюну им в лицо», — ответил я, демонстрируя свою политически-идеологическую подкованность.

«Ну, ладно, но вы же тоже приехали на Запад эмигрантом. Вам там с ними полагается долго жить. Кроме того, они очень разные, там не только враги. Вы должны их раскусить, работать с ними».

Я замолчал, потому что вовсе перестал понимать этот мир.

Перед тем, как попрощаться, он подал мне стопку газетных статей и брошюр о русских эмигрантских организациях в Европе и Америке. Сергею он поручил к нашей следующей встрече подготовить больше литературы подобного направления.

В следующий раз офицер спросил меня:

«Знаете вы, что такое конституция?»

«Да, знаю».

«И что же это значит — охрана конституционного порядка?»

«Так вот, на моем эсминце я храню этот порядок…»

«Правильно, но есть разные возможности блюсти наш порядок. Враги есть везде. В прошлый раз мы говорили об эмигрантских организациях. Таковых много — НТС, Организация украинских националистов униатов ОУН, Военной союз за освобождение России, “Радио Либерти”… Они мечтают о том, как бы нас раздавить и порочат Советский Союз. Поэтому мы должны сохранять бдительность, точно изучать противника, предугадывать его намерения и производить превентивные удары».

… Он опять вручил мне стопку скучных книг и за этими «волнующими душу уроками» я провел весь свой отпуск.

Получив все необходимые документы с корабля и рекомендации из «Стража Балтики» для поступления в училище в начале июня, я отправился во Львов. Я сдал багаж на вокзале в камеру хранения и беспечно направился в это учебное заведение, находившуюся рядом с живописным парком. Как и полагалось, я отрапортовал командиру: «Матрос Туманов прибыл для поступления на журналистский факультет».

Но у меня не было намерений сдавать экзамены. В этом не было никакого смысла — становиться офицером. Кроме того, я ощущал, что очень скоро воля судьбы опять решит за меня мое будущее.

На подготовительном факультете в основном занимались солдаты. Мы, матросы, от них отстранялись и снисходительно называли их «землекопами». Я устроил себе красивую жизнь, т. к. экзамены меня не волновали. На занятиях я дремал. Вечера проводил не за учебниками в библиотеке, а перебирался через забор и гулял по Львову. Это было вопреки строгим правилам, запрещающим абитуриентам покидать территорию общежития.

Скоро я познакомился с матросом по имени Валентин. Он прибыл во Львов с Тихоокеанского флота с единственным желанием — отвлечься от ненавистной четырехлетней службы на корабле. Вместе мы только занимались пакостями. Как только наступал вечер, мы без разрешения перелезали через забор и убегали распивать пиво и водку. С удовольствием проводили время, гуляя с девушками. Львов — это старый и красивый город. Там приятно было проводить время.

Когда у нас закончились деньги, Валентин придумал легкий способ пополнять наш бюджет. Метод состоял в понимании психологии поведения офицеров флота, которые прогуливались со своими девушками вдоль набережной. Вычислив такую парочку, он становился рядом и смело просил офицера не

хватающих нам двух или трех рублей, якобы на приобретение обратного билета в часть, т. к. в кассе продавались билеты исключительно в спальные вагоны, а по военно-транспортной накладной можно было купить только плацкарту. Какой офицер, еще в присутствии женщины, откажет в помощи бедному матросу? Конечно, это немного выглядело как шантаж и не делало нам чести.

Но наша непринужденная жизнь длилась достаточно долго, и мы уже даже начинали скучать. К тому же близились экзамены, к которым мы абсолютно не готовились. Мы ощущали, что скоро отсюда исчезнем и что нам положено вернуться на наши корабли. Насладились свободной жизнью, пора было уже с этим кончать.

«Пойдем к руководству, — предложил я, — признаемся, что передумали и не хотим никуда поступать, а хотим продолжить службу. Ведь нас не расстреляют за это на месте».

«Не расстреляют, — согласился мой друг Валентин. — Но все прегрешения просто так точно не сойдут нам с рук».

Как думаете, что прервало наши мрачные раздумья и выручило из беды? Это был юный чекист Сергей. Каким-то непонятным образом он появился во Львове в нашей академии, к тому же в военной форме капитан-лейтенанта.

Он отозвал меня в сторону и попросил помолчать.

«Слушай внимательно, я штабной офицер бригады, в которой ты несешь службу, и прибыл, чтобы узнать, как наши матросы справляются с экзаменами. Понятно? А теперь по делу. Да, матрос Туманов, мы несколько встревожены вашими приключениями во Львове».

«Какими такими приключениями? — Я попытался изобразить из себя невиновного.

«Вспомни, что вы проделывали на вокзале, — напомнил он мне и добавил — Вы настоящие артисты».

Я потупился и больше не оправдывался, так как это было бессмысленно.

«Но мы тобой все равно довольны. Ты опять доказал, что можешь о себе позаботиться. Это нам важно».

Я все еще смотрел на Сергея с недоверием, надеясь, что гроза уже миновала. Так, по крайней мере, мне казалось. Ведь Сергей явно не приехал в Москву, чтобы прочитать мне лекцию о правилах поведения.

«Дело идет вот о чем, Олег. Из училища тебя точно выкинут. С этим тебе придется смириться».

«Я так или иначе хотел с этим заканчивать…»

«Несомненно, характеристику получишь ту еще и на эсминец вернешься с подмоченной репутацией…»

«Да мне все равно…»

«Это даже хорошо для НАШИХ будущих планов. Но об этих планах поговорим завтра. Я завтра зайду к тебе. А пока ночью обдумай все предыдущие встречи с Иваном Ивановичем, Олегом Максимовичем и со мной. Вспомни, чему мы тебя учили и к чему готовили».

Мы попрощались до завтрашнего дня, и он пожал мне руку, будто мы с ним были равные.

Назавтра я, наконец, узнал, что же меня ждет.

Все происходило довольно прозаично. Без высокопарных слов и особых инструкций.

Кстати, это соответствовало методике, по которой происходила моя вербовка, о чем я позже смог должным образом сделать выводы.

Сергей так запросто меня спросил:

«Что думаешь о том, чтобы пожить на Западе?».

«Я могу себе это представить», — осторожно ответил я. Я твердо обещал себе не задавать лишних вопросов.

«Тогда слушай внимательно. В сентябре твой эсминец берет курс на Средиземное море. Там будете стоять больше месяца. Следующее запоминай тщательно. Эсминец также бросит якорь между Египтом и Ливией, а точнее — напротив поселения Эль-Салум. Там оставишь корабль, проберешься в Ливию и попросишь политическое убежище у англичан или американцев. Говори, что всегда мечтал о свободе и жизни на Западе. Ругай советскую власть. Придумаешь, что говорить.

Как бежать с корабля, тоже придумаешь сам, исходя из сложившейся ситуации. Но знай, что на эсминце никто не посвящен в данный план. У тебя нет права на ошибку. Если попадешь в руки египтянам, они тебя немедленно выдадут в СССР. Это обернется скандалом».

«И что тогда случится?»

Он ответил с улыбкой: «Вероятно, тебе как предателю, придется провести какое-то время в одиночной камере с клопами. Мы тебя, конечно, оттуда достанем, но постарайся, чтобы так не получилось. Мы возлагаем на тебя очень большие надежды.

Теперь слушай дальше. Постарайся долго не задерживаться в Ливии. Это тоже опасно, потому что наше посольство, вероятно, потребует у ливийцев твоей выдачи на родину. Тебе надо как можно быстрее оказаться на Западе, освоиться и наладить связь с эмигрантами».

«Но англичане или американцы, скорее всего, будут меня расспрашивать о моем прошлом. Что мне им рассказывать и о чем молчать?»

«Тут не о вопросах разговор, — улыбнулся Сергей. — Они постараются вывернуть тебе на допросах все кишки. Они будут проверять тебя не один месяц, вплоть до бабушек и дедушек, возьмут под лупу даже твоих ранних подруг».

«И что мне делать?» — запутавшись, спросил я.

Сергею было по душе мое замешательство и, чуть посмеявшись надо мной, он опять принял серьезный тон.

«Слушай, Олег. Ты покидаешь корабль, потому что ты жаждешь свободы и комфортной жизни на Западе. Ведь так? Ты всегда мечтал познать мир? И это так? В твоей жизни нет ничего, что ТАМ вызовет подозрение, и ты не оставляешь позади ничего, что бы тебя задерживало. Ты посещал школу, добровольно боролся против хулиганов. Потом у тебя не заладилось с учебой в кинематографии. Ты работал на оборонном предприятии и посещал подготовительные курсы Института международных отношений. Служил во флоте. Говори обо всем, повторяю, обо всем совершенно откровенно. О родителях, о дяде из КГБ и о службе на эсминце. Ничего не скрывай и не старайся никого обмануть. Если поймают тебя на лжи, все потеряно. Да и врать ни к чему. Успех твоего предприятия кроется в твоей откровенности. Когда они станут тебя расспрашивать о работе в КБ Яковлева, рассказывай все, что видел. Секретов тебе все равно никто не открывал. Когда будут расспрашивать о корабле, описывай все в деталях — вооружение, имена командиров, систему наведения огня… эту ржавую посудину все равно скоро спишут».

«Но тогда это откровенное предательство?»

«Точно! Так и продумано», — обрадовался мой инструктор из КГБ. «Чтобы все удалось, как мы запланировали, тебе необходимо совершить истинное предательство. Не надо ничего придумывать и скрывать, говори правду. Только так мы достигнем поставленной цели».

«Так какой же цели?»

«Повторяю: остаешься в какой-то стране на Западе и внедряешься в эмигрантскую среду. Живешь там пару лет обычной жизнью и осваиваешься, обретаешь себе знакомых и присматриваешься. Когда почувствуешь, что интегрировался, напиши письмо родителям о том, как ты живешь. Через это письмо мы тебя найдем. Человек, которого ты узнаешь, свяжется с тобой. Но об этом пока не думай».

«А что станет с моими родителями?»

«Им ничего не сделают. Для видимости, их пригласят в КГБ, допросят и отпустят. Мы о них потом позаботимся…»

Потом лицо Сергея опять напряглось: «Есть все же одно важное обстоятельство, которое ты полностью должен вычеркнуть

из памяти — это твои встречи с нами. Их никогда не было. Ты встречал некоторых сотрудников КГБ в оперативных спецотрядах. В этой связи можешь вспомнить Ивана Ивановича, как он вас учил. Но это — все. Все остальное — забудь. Вычеркни из памяти меня и Олега Максимовича.

Когда попадешь к американцам, наверное, тебя проверят на детекторе лжи. Ответ на все вопросы только “да” или “нет”. Конечно, детектор лжи — неприятная и коварная вещь, но его тоже можно обмануть. Если тебя вечером предупредят, что завтра тебе предстоит тяжелый день, выспись хорошенько, а наутро пропусти через горло для спокойствия стаканчик водки или виски. Так и обманешь любой детектор лжи».

…Сергей дал мне еще много обстоятельных советов, например, что не стоит после побега бояться в воде акул, потому что они там не водятся. Кроме того, вода там теплая и до берега удастся доплыть без переохлаждения. Еще он посоветовал ничего не брать с собой и отныне забыть о переписке с близкими и друзьями. Тут он еще раз напомнил:

«Когда придет время, мы найдем тебя в любом уголке земли. Только напиши родителям письмо».

Вдруг мне в голову пришла страшная мысль:

«Так что, значит, я никогда сюда не вернусь?»

«Что же, — Сергей не сразу нашел правильный ответ. — Если там что-то не сложится, постарайся придумать, как вернуться. Но лучше, чтобы все сложилось».

В конце нашего разговора Сергея опять вернулся к формальностям, надавил на то, что я кандидат партии и обязательно должен выполнять свой долг и что ОНИ мне полностью доверяют.

«Ты там не один. На этом невидимом фронте есть много фронтовиков. Никто не знает о них и их борьбе. Родина никогда не забудет вашего героизма».

…Его следующие наставления я слушал вполуха. Потом мы попрощались.

На следующий день меня вызвали к директору приемной комиссии Военно-политической академии и без особых объяснений отчислили от учебы. Мне вручили запечатанный конверт, в котором, по всей вероятности, была моя характеристика с перечислением всех моих прегрешений. Его мне следовало передать командиру корабля.

В тот же день Валентин отправился к директору приемной комиссии и доложил, что хочет прервать свою учебу. Очень странно, что его также отчислили без особых проблем. В Москве наши пути навсегда разошлись. Он отправился Транссибирским

экспрессом на Дальний Восток, а я направился поездом на восток в сторону Калининграда. В середине сентября на опорном пункте, где бросил якорь наш эсминец, началось оживление. Корабль дополна заправили топливом и зарядили снаряды. Трюмы заполнили немереным количеством картофеля, тушенки, сахара, кофе и чая. Опытные моряки сразу обратили внимание, что мы отправляемся в море в долгий путь. До этого мы не плыли дальше Балтийского моря.

Вероятно, я был единственным моряком в экипаже, кто знал, куда отправится «Справедливый». Но я молчал.

На корабль прибыл специальный офицер из штаб-квартиры опорного пункта, ввиду чего также можно было сделать вывод, что вскоре мы отправимся в дальний путь. Этот офицер так называемого особого отдела вооруженных сил 3-го управления КГБ отвечал за вопросы контрразведки. Он не тратил время зря. Тайком к нему в каюту шли матросы, которых он счел благонадежными, где он проводил с ними секретные беседы. Меня он также причислил к этому списку потенциальных стукачей, напоминая, что как комсорг и кандидат в КПСС, я обязан докладывать ему обо всем, что мне покажется подозрительным.

«Так точно, все будет сделано», — пообещал я ему.

За три дня до отплытия командир отдал приказ: «В составе объединенной эскадры Балтийского, Черноморского и Северного флотов — мы уплываем выполнять боевые задания в Средиземное море».

В данный момент советский военный флот начал реализацию доктрины адмирала Горчакова, в основе которой лежало активное противостояние военному флоту США. До этого американцы безгранично владели Мировым океаном, а наши боевые корабли передвигались у берега только перед своими опорными пунктами. Теперь, вследствие укрепления флота, он бросал вызов американским авианосцам и подводным лодкам.

Средиземное море стало одним из тех регионов, где конфронтация приняла особо острую форму, и опасная игра в «кошки-мышки» не утихала ни на секунду.

В августе 1965-го американцы впервые заметили, что более не контролируют сами этот важный регион. В водном киле их 6-го флота постоянно находилась наша соединенная эскадра: крейсер «Свердлов», два эсминца, две подводные лодки и сопроводительный корабль. На мой взгляд, задача эскадры состояла главным образом в том, чтобы демонстрировать свое присутствие. Таким образом Кремль хотел заставить Белый Дом и всех остальных, кто это игнорировал, признать советскую

военную мощь.

Американцы, как можно было судить из их поведения, были несколько озабочены таким новым положением дел. Над нами постоянно кружили их самолеты-разведчики типа «Нептун». Командиры их кораблей явно нервничали. Наши командиры также постоянно беспокоились. Но дело доходило и до курьезов.

Я помню, как американский самолет сбросил буй-зонд для наблюдения за подводной лодкой. Буй упал в воду примерно в ста пятидесяти метрах от нашего эсминца. Это вызвало серьезную дискуссию на командном мостике. Командир приказал первому помощнику немедленно спустить на воду шлюпку и захватить буй. Но тут один из офицеров выразил подозрение, что буй, возможно, оснащен взрывным устройством, которое разорвется при соприкосновении со шлюпкой. Первый помощник побледнел, испуганно, с мольбой в глазах глядя в лицо командира. Но тот — породистый и весьма своенравный человек, вопреки всем предписаниям, обычно находясь на палубе в шортах, тельняшке и фуражке — кинул тяжелый взгляд на первого помощника и приказал выполнять приказ.

Буй без труда подняли из воды и доставили на командный мостик. Я смог прочесть по-английски, которым немного владел: «Собственность армии США».

«Был собственностью», — с сарказмом добавил командир, погрозив кулаком самолету, кружившему над нами. «Теперь это собственность победоносного военного флота Советского Союза».

Затем он отправил нецензурные пожелания в адрес американцев словами, выразившись фразами, которые обожгли даже не совсем нежные уши испытанных моряков.

Тут внезапно появился офицер радиосвязи и сконфуженно произнес: «Товарищ командир, ваш голос в эфире. Вас слышат везде».

Буй был оснащен подводным прослушивающим устройством и микрофон громко передавал весь диалог. Разъяренный командир приказал вернуть буй в воду, но, немного успокоив нервы, отдал приказ отправить его на склад нижнего трюма.

В начале ноября мы дрейфовали где-то в Средиземном море. Командир отдал приказ красить корабль. Что бы это вновь значило? Проверки и парады в ближайшее время не предвиделись. Опытные моряки предположили, что мы, возможно, войдем в иностранный порт. Этот слух вызвал всеобщее волнение, так как означал, что некоторых моряков советского военного флота пустят сойти на сушу. Это равнялось приключению всей жизни, возможностью на хоть один день соприкоснуться с иным миром, знакомым нам только из книг и

газет. Обрисованный нашей пропагандой самыми темными красками мир, тем не менее, обладал необычной притягательной силой для всех наших комсомольцев и коммунистов. Те, кто служил во флоте подольше, мечтали вслух: «Если нас пустят на берег, обязательно запасемся сувенирами — зажигалками, шариковыми ручками, значками и жевательной резинкой».

Естественно, это было бы пределом самых смелых мечтаний.

Мы тщательно покрасили в три слоя и надраили дочиста корабль. Затем мы подняли якорь и, по всей видимости, поплыли в сторону Египта. «В Александрию», — перешептывались взволнованно знатоки. Но Египет никак не входил в мои планы. Что, если у НИХ что-то поменялось?

Но мои опасения оказались напрасными. Нам приказали провести совместные учения с египетским флотом, взяв кое-кого из египтян на борт.

На следующие утро мы увидели первый корабль. Это был эсминец английского производства тридцатых годов. Дыму было столько, что корабль было видно задолго до его появления на горизонте. Мы подготовили египетским друзьям сердечный прием. Офицерский банкет проходил на крейсере «Свердлов», а «Справедливый» принимал матросов. Нам приказали надеть парадную форму. Шеф-кок приготовил праздничные блюда, но без конфузов все же не обошлось. Наши гости категорически отказались от всех горячих блюд со свининой. Мы и не полагали, что глубоко оскорбляем мусульман, предлагая им свинину. Нам нелегко было исправить это обидное недоразумение.

Мы проводили с египтянами совместные учения. Затем их эсминец взял курс к берегу. Мы бросили якорь в трех милях от суши. Пользуясь добрыми отношениями с рулевым, я справился у него, где мы стоим. Мы находились между сухопутной границей Египта и Ливии. Вдалеке виднелся городок Дар-эль-Салум. Мне нужно было туда.

В эту минуту меня охватил ужас с ног до головы. Сам факт побега не так беспокоил меня. С этой мыслью я уже свыкся. Меня уже охватывали азарт, страсть к приключениям и тяга неизведанного. Но я беспокоился о трех милях, отделявших эсминец от берега. Я был неплохим и довольно выносливым пловцом, но так далеко от берега я никогда в своей жизни еще не заплывал.

Я вновь и вновь оценивал расстояние. Мне было ясно, что плыть надо ночью. Вопрос был только в том, доплыву ли до берега к рассвету. Что, если меня поймают до того? Что, если меня хватятся и пошлют за мной катер? …Пока буду плыть, египтяне могут объявить тревогу на границе и меня схватят, как

только я ступлю на сушу. Нет, эти три мили мне решительно не нравились…

А жизнь на корабле шла своим ходом. Офицеры обменивались визитами. Наш капитан приготовил командиру египетского корабля в подарок великолепную модель «Справедливого». Над ней долго работали самые искусные рукодельники нашего корабля: все пропорции соответствовали натуральным — каждое орудие и каждый иллюминатор. Модель разместили в специально изготовленный стеклянный ящик с посвящением «На память египетским однополчанам ВМС» (или что-то вроде того). Его торжественно вручили египтянам. Естественно, командир ожидал в ответ равноценный подарок и не скрывал своего разочарования, когда в ответ египтяне вручили ему лишь крохотную шкатулку из папье-маше.

Внезапно наша эскадра подняла якорь, и мы поплыли в открытое море. Началась совместная стрельба по мишеням. Никто не мог сказать, вернемся мы к первоначальной стоянке или нет. Я уже стал упрекать сам себя за нерешительность, так как полагал, что упустил свой шанс. Но после того, как наша эскадра продемонстрировала мощь советских орудий, мы развернулись и ночью вернулись к исходной стоянке. И тут, вероятно, Бог на небесах проявил ко мне свое особое расположение, так как по неясной мне до сих пор причине именно нашему эсминцу был отдан приказ снять якорь и на следующее утро лечь ближе к суше.

Теперь всего лишь одна неполная миля отделяла меня от берега. На корабле можно было слышать раздающийся с берега ослиный крик из Эль-Салума.

Очевидно, наступал мой час. Сейчас или никогда.

В корабельной библиотеке я прочел все, что только было возможно, о Ливии. После этого я перешел к «оперативному дознанию» и спросил рулевого, когда мы поплывем в Александрию. (На самом деле мне хотелось знать, как долго мы еще будем лежать перед берегом.) Он ответил мне открыто и раздраженно:

«Александрию не увидим. Послезавтра мы отсюда уплывем».

Итак, оставалось еще две ночи. Я решился на побег еще в тот же день, в ночь с 14 на 15 ноября.

Я начал приготовления, незаметно сбросив за борт все письма и документы, переоделся в легкий тренировочный костюм и кеды, запасся флягой с пресной водой и несколькими иголками на тот случай, если в воде меня схватят судороги. Море казалось теплым, но необходимо было позаботиться обо всем.

Ночью с помощью крепкого каната я сбросил все свои вещи через борт. Так мы тайно стирали свои вещи. А сейчас мне был необходим этот канат, чтобы спуститься в воду.

Когда наступил комендантский час, я лег на узкие нары на

матросской палубе и притворился, что сплю. Необходимо было дождаться двух ночи, когда на командном мостике останется только двое вахтенных сигнальщиков. Как я неоднократно убеждался, в это время вахтенные бывали не особенно начеку.

Три дня назад мне исполнился 21 год. Мои сверстники на родине ходили в университет, работали, веселились и танцевали, праздновали свадьбы и пили дешевое вино. Они участвовали в комсомольских встречах, копили деньги на магнитофоны и пели песни Высоцкого; ходили в походы, читали книги Эренбурга и боролись с американским империализмом, мечтая о западных джинсах. Они отправлялись в Сибирь на коммунистические стройки, декламировали строфы Евтушенко. Эта была их жизнь, с которой большинство почти безропотно соглашались. Другой не знали ни они, ни их родители, родившиеся после 1917 года. Я был одним из них — типичный московский парень шестидесятых, не хуже и не лучше, чем большинство. Я мог отслужить на флоте, вернуться домой, найти подходящую работу и жениться на любимой девушке… Но мной судьба распорядилась иначе. Сейчас, очень скоро, с минуты на минуту мне предстояло расстаться с прошлым и фактически его *предать*… Своим побегом я положу конец всему, чего достиг и добился к своему 21 году. На родине меня отштампуют трусливым предателем, а военный трибунал, вероятней всего, приговорит к смерти. Всех моих родных допросят в КГБ, а кого-то из них, возможно, ждут трудности на работе или учебе из-за «связи с преступником родины». Вероятно, никто из них никогда не узнает правду об Олеге Туманове …

Я спросил себя, не чрезмерно ли все же велика цена предстоящего приключения?

И как сложится моя новая жизнь на чужбине? Кем я стану однажды, через день, через год или спустя десять лет? Внезапно мне стало очевидно, сколь маловероятны мои шансы попасть туда, где я когда-то смогу в той или иной мере быть полезным КГБ.

И чем темнее казалась южная ночь в иллюминаторе, тем больше сгущались мои мысли. Впервые за многие месяцы я почувствовал, что эта спящая матросская палуба чуть ли не мой дом. Доселе она казалась тесной железной клеткой. Вдруг я почувствовал, что я почти завидую другим матросам, которые здесь остаются. Стрелки часов приближались к двум ночи и мои нервы были уже на пределе.

Меня никак нельзя было сравнивать с агентом Джеймсом Бонд.

Но пробил час! Хотя я все еще не преодолел волнение, я тихо

приподнялся с нар, натянул на себя легкий тренировочный костюм и спортивные кеды, положил на всякий случай в карман пачку сигарет и спички. Если встречусь с кем-то на палубе, можно будет прикинуться, что захотелось выйти прикурить — это не возбранялось.

Ночь была тихой и теплой. Большие южные звезды так ярко светились над морской гладью, что я понимал, что не заблужусь на пути к суше.

Я жадно закурил сигарету и все еще как можно дальше оттягивал решающий момент. Наконец, я тихонько прокрался к месту, где за бортом висел канат. Я остановился и прислушался к ночи. Ничего не могло помешать моему плану. Итак, вперед …

Когда я спускался в воду, я задел ногой крепление иллюминатора. Оно со стуком обрушилось вниз. Я замер. Но никто на корабле не проснулся и не пробил тревогу. В эту долгожданную ночь мне явно сопутствовала удача.

Я достиг уровня воды и нырнул. Задержав дыхание, попытался как можно дальше отплыть от корабля. По мере того, как расстояние увеличивалось, уверенность опять росла во мне. Обратной дороги не было. Мое решение было бесповоротным.

Я старался не выбиться из сил и не выдохнуться раньше времени. Постепенно я приближался к берегу. Но я еще раз запаниковал на полпути, когда услышал громкий рев мотора. Не за мной ли погоня? Я оглянулся, но меня никто не преследовал, хотя звук мотора по-прежнему усиливался. Я увидел шлюпку, когда она уже была совсем вблизи меня. Я опять глубоко захватил воздух и нырнул под воду. Но я зря беспокоился. Шлюпка была с крейсера «Свердлов» и возвращалась к кораблю, не имея никакого отношения к моему побегу. Быть может, это офицеры возвращались, поужинав на берегу с египтянами.

Наконец я нащупал ступнями устилавшие берег камни. Я выполз на сушу. Отдышался и расправил на себе одежду, осмотрелся вокруг. Флягу с пресной водой я потерял еще по пути. Я выкинул так и не понадобившиеся иглы. Мои часы еще тикали.

Мне нужно был было что-то предпринять от утренней прохлады. Мокрые вещи липли к телу. Волнение немного улеглось, но зубы стучали от холода. Я попытался сориентироваться, где находится египетско-ливийская граница и поспешил в ее сторону, так как знал, что оставаться в Египте было опасно.

Местность была холмистая, однако без особых препятствий. Я остановился только тогда, когда всходило солнце. Мне казалось, что я уже преодолел значительное расстояние, но когда я оглянулся, то, к своему огорчению, все еще видел совсем вблизи

крейсер и эсминец. Граница, судя по всему, была уже позади, и поэтому я чувствовал себя в относительной безопасности. Я нашел гладкую, согретую утренним солнцем поверхность в ложбине, вытянулся и уснул.

Через пару часов, отдохнув и просохнув, я продолжил свой путь в глубь страны. Я знал, что единственная дорога ведет к жилой местности. И я должен был ее найти.

К обеду я вышел на караван бедуинов. Они накормили меня сытными макаронами с томатной подливой и крепким чаем. «Инглис?», спросили они, указав направление дороги. «Да. Инглис — англичанин». Мы могли говорить только жестами.

Вечером, когда на горизонте уже не виднелось море, я опять встретился с пастухом. Он знал пару слов по-английски, так что мы кое-как могли друг друга понимать. Бедуин сытно накормил блуждающего без снаряжения «англичанина» и предоставил на ночь надежный ночлег. Присев рядом, он убаюкивал меня тихой игрой на свирели. Меня настолько тронуло это сердечное гостеприимство, что наутро я подарил ему на прощанье свои часы — единственную ценную вещь, которая у меня еще оставалась после побега.

Со свежими силами я быстро добрался до дороги и увидел там указатель на Тобрук в расстоянии 100 км. Это радовало. Сергей рассказывал про Тобрук. Я видел его на карте. Таким образом, пока все шло по плану.

Я проголосовал на дороге проезжающему «лендроверу» и доехал до следующего военного поста, где увидел телефон. Постепенно наступало время «менять сторону фронта». Мне удалось объяснить ливийскому офицеру по-английски, кто я и откуда. Услышав меня, он кивнул головой с пониманием и произнес:

«Ты упал с советского корабля и хочешь в Каир».

«Никуда я не падал, понимаешь, я сам прыгнул, убежал, ты это понимаешь»?

«Все равно тебе лучше вернуться в Каир».

Он опять повторил название египетской столицы.

Сейчас отдадут меня египтянам, подумал я. Это означало конец мероприятия. Я еще раз собрал весь свой словарный запас, стараясь разъяснить офицеру, что мне необходимо как можно быстрее попасть к англичанам или американцам — и больше никуда. Тогда ливиец пошел куда-то звонить. Меня опять накормили и даже дали две пачки сигарет. А потом на военном джипе повезли в глубь страны.

Ночь мы провели в маленьком городке за Тобруком. Там меня ждал очередной приятный сюрприз. Несмотря на поздний час,

меня отвели в местный магазин и переодели. После того, как я избавился от старых вещей, я посмотрел на себя в зеркало: теперь только отросшая за три дня щетина напоминала о моем побеге с корабля.

Неделя в гарнизонном городке у Бенгази проходила довольно монотонно. Приходили какие-то ливийцы, которым я в десятый раз повторял одно и то же. Три охранника не отходили от меня ни на шаг. Они были вежливы со мной. Меня угощали в чинном европейском ресторане и даже подарили радиоприемник, чтобы мне было не так скучно. Но где оставались американцы или англичане? Неужели меня все же вернут в Каир?

Когда я почти свыкся с этими мыслями, в гарнизоне появились новые люди. Они прибыли из британского посольства. С ними была переводчица, которая неплохо говорила по-русски. Теперь я смог объяснить, кто я и чего хочу.

«Я советский матрос Олег Туманов. Я дезертировал с эсминца “Справедливый”, потому что хочу жить на Западе. Да, я сошел с корабля добровольно. Да, мне противен коммунистический строй. Нет, я не передумал». Они задавали мне еще целый ряд подобных вопросов и хотели знать, есть ли у меня еще проблемы или другие желания. Желания? Я еще раз попросил о помощи в предоставлении мне политического убежища и вида на жизнь в Великобритании или другой западной стране. С этой информацией гости уехали.

После этого они регулярно возвращались. Прежнюю переводчицу заменил мой земляк, который жил в Северной Африке после окончания Второй мировой войны. Спустя месяц ко мне прибыл рыжеволосый джентльмен, который представился как военный атташе британского посольства.

«Приготовьтесь завтра к дальнему путешествию, — объявил он мне. — Чтобы у ливийцев не возникло вопросов, скажем им, что мы пригласили вас на охоту. Понимаете, на охоту».

Проблем не возникло. Утром поблизости нас ожидала другая машина с английским переводчиком. Мы отправились в сторону Тобрука.

«Надеюсь, мы не в Египет едем?»

«Забудьте о Египте, — ответил рыжеволосый мужчина с улыбкой на лице, когда он заметил мое волнение. — Мы едем на военно-воздушную базу Великобритании. В советском посольстве в Триполи уже проявляют активность, требуя вашей выдачи. Вам опасно здесь оставаться».

Много позднее я узнал, что наше флотское командование оказывало давление на ливийские власти, требуя моей выдачи. Якобы во время побега я убил дежурного матроса. Так что они

требовали выдачи не беглого моряка, а уголовника. Мне было только любопытно, кто согласовал эту «утку» с КГБ. Вряд ли это было так. Потому что, в таком случае, возникала деталь, которая не увязывалась с моей «легендой». Хотя ни британцы, не американцы не поверили в это «убийство».

На родине мое дело раскручивали пошагово, как было запланировано. Только двое-трое людей знали правду о Туманове. Все остальные поверили в предательство. Следственный аппарат крутился вовсю.

Двадцать лет спустя, я узнал от своего друга детства Толи Яссявы, который тем временем стал начальником крупного строительного управления, какую путаницу вызвал мой побег с корабля.

В ноябре 1965-го он служил вподразделение пропаганды Советской Армии, и его вызвали к офицеру военной контрразведки. В помещение, кроме хозяина кабинета, находились двое офицеров в морской форме. Толю расспросили обо всем, что касалось нашей дружбы. Спустя два часа ему нехотя дали понять, что их интерес возник в связи с моим внезапным побегом. Яссява объяснил контрразведчикам, как он позже признался мне, что полностью исключает мое дезертирство. На его взгляд, «речь могла идти только о несчастном случае».

Толю допрашивали с утра до ночи. В казарму специально пришел офицер, чтобы обыскать его шкафчик, и изъял все письма, которые я писал своему другу. Они интересовались всеми деталями о моем окружении и знакомых. Офицер контрразведки затем еще дважды детально беседовал с ним, чтобы выяснить все возможные детали.

После освобождения из армии Толю пригласили в районный отдел КГБ по месту прописки. Ему проиграли отрывок передачи «Радио Свобода» с участием некого Шульгина. «Вам голос знаком?» «Да, — растерянно ответил мой друг. — Но это никакой не Шульгин, а Олег Туманов». «А письмо Туманову напишете?» — задали вопрос Толе. «Конечно». «А не лучше ли, если напишет Татьяна Бавыкина?». Я был влюблен в Татьяну и, по всей видимости, ответственный оперативный офицер хотел использовать это обстоятельство, чтобы вернуть меня на родину. Толя согласился: «Да, пожалуй, будет лучше, если Олегу напишет Татьяна».

После этого его оставили в покое. Так же как, идею с письмом.

Толя признался мне, что вначале его поразило мое исчезновение и, еще больше, мое появление на «Радио Свобода». Он просто не верил в мое предательство и с самого начала

пришел к заключению: «Олег, убегая, вероятно действовал по поручению контрразведки. КГБ вероятно, создает ему легенду, чтобы блокировать следствие со стороны врага». Он угадал. Моих родителей тоже допросили. Толя часто навещал их. Он помнил, как тяжело переживала моя мать, которая считала, что навсегда потеряла меня. Отец был более сдержан. Толя полагал, что, возможно, мой отец догадывался или его вовсе одного посвятили в мотивы моего длительного отсутствия.

Как бы там ни было, я тяжело переживал, как себя в это время чувствовали мои родители.

Но вернемся в Ливию и мой путь с британцами на военно-воздушную базу.

Во время Второй мировой войны на севере Африки проходили ожесточенные бои между фашистскими дивизиями и объединенными войсками союзников. Когда я бежал по дюнам в пустыне несколько дней назад, я заметил следы прежних боев: множество ржавых гильз, обвалившиеся окопы и остатки колючей проволоки. По дороге на базу я увидел по обе стороны дороги солдатские кладбища с могилами английских, итальянских и немецких солдат. Военный атташе возлагал по пути цветы на могилы погибших в войну соотечественников.

Проехав территорию печальной памяти, мы остановились на стоянку. Прямо у дороги англичане приготовили закуску и открыли бутылки с минеральной водой. Внезапно лицо военного атташе искривилось, будто он увидел вблизи нас ядовитую змею. Когда я спросил его, в чем дело, он показал рукой на промчавшийся мимо нас черный лимузин. Посольская «Волга» с дипломатическими номерами. Что она здесь делает?

Но наша паника не оправдалась. Мы быстро упаковали еду и вернулись в машину, чтобы побыстрей умчаться.

До въезда на военно-воздушную базу Эль-Адам, переводчик обратил мое внимание на пушки по обе стороны ворот:

«Узнаете?»

Я пожал плечи, в недоумении.

«Это советские противотанковые пушки калибра 45 мм, которые немцы взяли в качестве трофеев вблизи Москвы и перебросили сюда, чтобы стрелять по нашим солдатам».

На этой военной базе, где размещались эскадрилья бомбардировщиков типа «Вулкан», я находился около 24 часов. Я с удовольствием принял ванну. В ливийском гарнизоне из-за нехватки воды даже умыться было сложно. Ужинал я вместе с генералом — командиром военно-воздушной базы, познав весь комфорт, который англичане устроили себе посреди пустыни. Генерал преподнес мне еще один неожиданный подарок —

чемодан и настоящий английский свитер, который я носил еще много лет. Меня встретили с уважением и понятным удивлением, но ненавязчиво.

Я узнавал новый и совершенно незнакомый мне мир. Все было абсолютно не так, как у нас. Нетрудно было разобраться с шампунями и различными сортами сигарет. Гораздо сложнее было освоить иную систему человеческих ценностей, морали и правовых норм. Мне понадобилось немало времени, чтобы привыкнуть и научиться понимать западную жизнь. При этом я учился на собственных ошибках, который порой оказывались очень болезненными.

Помимо этих трудностей, новая жизнь принесла с собой много интересных открытий. Например, в области русской культуры, которую строго запрещала навязанная народу строгая советская цензура. Меня завоевали книги Набокова, Пастернака, Солженицына, песни Галича. Мне открылся доступ ко всему этому, как каждому живущему на Западе человеку.

Я не был стеснительным по своей натуре. Мне хватало энергии, чтобы впитывать в себя все новое и неизвестное. Я не избегал задавать вопросы, если мне что-то было неясно. Через три-четыре месяца я уже достаточно обжился, чтобы почти не вспоминать Москву. Под конец первого года я стал типичным русским эмигрантом на Западе.

… Но наутро после моего прибытия на военно-воздушную базу ко мне в комнату с озабоченностью вошел переводчик:

«Олег, опять возникли непредвиденные трудности».

Шокированный его словами, я опять подумал, что меня вернут в Каир.

«Британский министр иностранных дел планирует визит в Москву. Лондон хотел бы в данный момент избежать любых затруднений с Кремлем. Понимаешь? Ваше посольство в Триполи намекает, что им известно о твоем пребывании на территории военно-воздушной базы Эль-Адам. Они требует встречи с тобой».

Я бурно отстранился от этой возможности, потому что встреча с соотечественниками не входила в мои планы.

«Поэтому, — продолжал переводчик, — тебе лучше отсюда как можно быстрее исчезнуть».

«Да я ничего и не имею против этого».

«Но у нас есть проблема. Мы не можем отправить тебя в Великобританию».

Может, они решили отправить меня в Латинскую Америку или Австралию, про себя подумал я.

«У нас, англичан, есть надежные союзники в США. Американцам в принципе нечего опасаться, и они могут тебя

принять, конечно, если ты согласен…»

«Я согласен», — вероятно, слишком резко и поспешно отреагировал я.

«Ну, тогда отлично, — обрадовался переводчик, который видимо, боялся затруднений в разговоре со мной. — Американский самолет уже ждет тебя. Тебе нужно торопиться».

Британский генерал сам провел меня к трапу. Я искренне до вылета поблагодарил в его лице «Ее Величество Королеву Великобритании», как меня научил говорить переводчик, за оказанное гостеприимство. Англичанам я на самом деле был благодарен за заботливый прием в Ливии и за то, что они не выдали меня египтянам.

На двухмоторной «Дакоте» мы сели в Греции. Там меня мгновенно пересадили в большой дизельный транспортировщик, нагруженный электронными приборами и … апельсинами. Ночью мы приземлились в аэропорту Франкфурта-на-Майне. Новый переводчик представился Алексом. Он сопровождал меня еще долгие месяцы и позже я узнал, что Алекс был полковником контрразведки США. 5 декабря 1965 года я ступил на землю ФРГ, не предполагая, что эта земля станет моим домом на ближайшие двадцать лет.

Я фаталист и верю в силу судьбы. Что предназначено после рождения, то и сбудется. Но это не мешает мне, оглядываясь в прошлое, анализировать и искать в нем причины, повлиявшие на события, которые произошли. Я часто задумывался над тем, почему КГБ остановил свой выбор именно на мне. И я пришел к такому выводу. ОНИ внимательно подыскивали талантливых комсомольцев в спецотрядах как потенциальных кандидатов для службы КГБ. Некоторых рекомендовали в контрразведку, других направляли на неблагодарную борьбу с диссидентами. Но сложнее всего было найти кадры для специфической работы за границей. На этом направлении КГБ явно не экономил средств, сил и времени, чтобы подготовить соответствующие кадры. Если реконструировать весь процесс вербовки (что я попытался здесь сделать), становится очевидным, что чекисты «вели» меня со школьной парты до моего задания в Мюнхене.

Сначала было тщательно взято под лупу мое ближайшее окружение. Для НИХ с самого начала было приятным обстоятельством, что все мои родственники, за исключением брата, были связаны с КГБ. Я уже уточнил обстоятельства работы моих родителей. Мой дядя, муж маминой сестры, выслужился до генерала в органах персональной охраны руководства партии. Ближайший друг моего отца был военным атташе в Канаде. Все это не только облегчало ИМ проверку, но и служило гарантией

неразглашения тайны вокруг запланированной операции. Надежные и опытные кадры КГБ, служившие им еще со времен начала эры Сталина, умели держать язык за зубами.

Да, мои родственники и их друзья, возможно, сами не подозревая, сыграли важную роль в моей судьбе.

Меня полностью проверили, включая состояние здоровья на пригодность и готовность исполнять задание. При этом (это стоило бы особенно отметить) все было так организовано, что я ни разу не почувствовал связи с КГБ. И это было вполне разумно, так как в будущем следовало ожидать, что меня вывернет изнутри наружу и досконально проверит одна из западных разведок.

Тщательная проверка моего здоровья имела место при поступлении в Институт гражданской авиации. Это было хитро задумано, т. к. она дала сведения не только о моем физическом здоровье, но и точные данные тестов о моей психике. Судя по всему, вся информация полностью соответствовала ИХ представлениям, так как затем последовало построение моей «легенды» по строгой схеме и без всяких отклонений.

ОНИ были посредниками при моем устройстве в конструкторское бюро Яковлева. На этом секретном оборонном предприятии меня удобно было держать под контролем. А на случай, если в будущем меня станут проверять западные разведки, им будет непросто проникнуть в этот хорошо охраняемый объект. ОНИ учли, что «стоимость перебежчика Туманова», безусловно возрастет в цене, если он сообщит Западу о каком-то секретном предприятии, не сообщая действительно секретную информацию.

Подготовка в МГИМО … тут тоже заметна определенная логика. Где еще молодой парень мог за полтора года получить базовые знания иностранного языка и приобрести основные понятия о жизни на Западе? ОНИ это также очень точно продумали.

Даже выдуманное поступление в Львовское высшее военно-политическое училище полностью соответствовало моей искусно выстроенной легенде. В соответствии с ней я не имел точного представлении о жизни, был личностью с приключенческой натурой и абсолютным индивидуалистом, склонным к внезапным решениям и действиям, которых никто не мог предсказать. Побег на Запад выглядел как логическое продолжение всего.

В принципе, это во многом соответствовало моей истинной индивидуальности. Мне не нужно было притворяться, играть или что-то придумывать. КГБ точно подобрал мне сценарий.

На корабле я стал кандидатом в КПСС, честно говоря, особенно об этом не заботясь. Инициатива, вероятно, исходила от

замполита, пожелавшего таким образом подчеркнуть мои заслуги фоторепортера и составителя флотской газеты. Это не было никаким выражением «преданности коммунистическим идеям», а скорее прагматическим желанием облегчить себе существование во время службы.

Никто не подвиг меня к шпионажу. На меня не оказывали давления и не шантажировали. Меня не пытались купить за деньги. С моей стороны, я был движим юношеской тягой к приключениям и обыкновенным расчетом. Любовь к приключениям была моим вторым я. Расчет выстроился из моего намерения жить рискованно в роли разведчика-нелегала на Западе и дополнялся моим желанием вырваться из монотонности советской жизни, увидеть мир и узнать что-то новое. Игра стоила свеч.

«День добрый. Меня зовут Сэм. Зовите меня просто Сэм. Вместе мы проведем какое-то время».

Невысокий, слегка сгорбленный мужчина в шляпе и плаще, не похожий на обычного чиновника, пришел ко мне на квартиру и, сняв пальто, с чувством хозяина пригласил меня присесть напротив него. Его рукопожатие было еле заметным, глаза — холодными, он представился по-деловому, без эмоций. Мы говорили только о том, что его истинно интересовало.

Шифры и информационная связь ВМС. Я был рад содействовать, но у меня не было таких данных. По роду службы я был знаком с организацией артиллерийской пальбы. Но шифры … я убеждал его, что их я не знаю и что мы теряем время.

Но Сэм был неумолим: «Все равно вы что-то вспомните».

«Как мне вспомнить то, чего я не знаю, и не видел?»

«Вы ошибаетесь, господин Туманов. Что-то вам известно. Например, имя и звание вашего шифровальщика».

Я усиленно копался в памяти. «Нет, помню только, что он …»

«Укажите на эсминце расположение его каюты. Скажите, как часто он направлялся к командиру с шифрами? Отлично. А говорите, что ничего не знаете. Вы очень много знаете, господин Туманов. Поэтому встречаться нам, думаю, придется еще ни раз».

… В те годы беженцы из СССР и других стран Восточной Европы проходили доскональную проверку в западно-немецком лагере для беженцев Цирндорф. Но я оказался в американском лагере военной контрразведки Камп Кинг вблизи Франкфурта. С одной стороны, это было удачей, так как американцы предлагали комфортабельные условия своим людям и даже выплачивали еженедельное немалое «пособие». Зато проверка здесь была строже. Во Франкфурте меня полгода «разбирали по частям». Сэм, о котором я позднее узнал, что он «большой зверь из Лэнгли»,

слыл инквизитором. Параллельно с этой проверкой мне предстоял раздражающий отчет о нашем присутствии в Средиземном море и о службе в ВМС.

Однажды «большой зверь» удивил меня следующим вопросом:

«Где вы спрятали вещи, которые взяли на борт?»

Я посмотрел на него с удивлением.

«Господин Туманов, вы же умный человек. Прежде, чем вы подготовили свой побег, вы же запаслись секретными документами, быть может, картами или общими планами? Куда вы их попрятали? Под каким камнем в Ливии они лежат? Только признайтесь нам, и мы сами их достанем. Ну, давайте же!»

Так он меня допрашивал, пока сам не сдался и улетел в Вашингтон. Тогда появился другой американец, опять из Штатов. Он был русского происхождения и его звали Борис. В подарок он привез мне икру. Борис записывал на пленку все наши разговоры. Его интересовала моя работа в КБ Яковлева, в особенности то, что касалось нового Як-28.

«Помните, где находятся баки горючего? — допытывался он. — Какие есть еще вспомогательные средства? Что вам известно о боевой оснастке?» Наконец я взмолился: «Спрашивайте кого-нибудь другого, только не ученика технического чертежника». И все же, в соответствии с рекомендациями Москвы, я рассказывал ему все, о чем знал, опасаясь при этом, что эта информация американцам не пригодится.

С Борисом мне было проще, так как он любил сполоснуть горло парой-другой рюмок виски. Он не выпячивал наружу свою важность, а наоборот, иногда приглашал меня пообедать с ним. Иногда мы вместе ходили в кино.

Следующими прибыли двое англичан, которые желали все знать о корабле. Беседы проходили не у меня в квартире, а в другом месте, за которым следила немецкая хозяйка или экономка. Один из англичан, который, по всей видимости, был ответственным за работу, удивил меня своим небрежным внешним видом: рубашка у него была застиранная, пиджак полинял, а плащ был такой грязный, что хозяйка брезгливо протягивала его ему на вытянутых пальцах. Англичане вежливо спрашивали, как построен корабль, орудиях, боевых единицах и именах офицеров. Однажды они положили передо мной детальный план эсминца того же класса, как «Справедливый», из чего я сделал вывод, что они знают по теме больше, чем я.

Только однажды американцы допустили ко мне представителей западно-немецкой военной разведки БНД, которые интересовались особыми планами советского военного

флота в отношении ФРГ. Мой переводчик, Алекс, однако быстро их выпроводил. Вообще, как я скоро выяснил, он вел себя по отношению к немцам довольно недружелюбно.

Как я уже упоминал, Алекс был в чине полковника и служил в военной разведке по направлению Советский Союз. Он был польского происхождения и был женат на русской. Очень скоро я понял, что мое будущее во многом зависит от него. Он никогда не намекал, доверяет он мне или нет, но всегда был дружелюбен и доброжелателен. Темноволосый, среднего роста и худой, он приходил ко мне почти ежедневно, передавал раз в неделю еженедельное «содержание» в 100 бундесмарок. Кроме того, он обеспечивал меня кофе, сигаретами, мылом и шампунем. «Немецкие продукты никуда не годятся», — сказал он со знанием дела.

Моя первая добротно обставленная двухкомнатная квартира располагалась вблизи центрального вокзала Франкфурта. В холодильнике я обнаружил множество вкусных и в большинстве своем неизвестных мне лакомств и напитков. На журнальном столике в спальне стопкой лежали советские газеты и журналы. Оказавшись в квартире вечером впервые наедине сам с собой, я поджарил себе яичницу, впервые в жизни выпил «кока-колу» и закурил первую сигарету марки «Филипп Моррис». После этого, как мне показалось, впервые за прошедшие дни лег спать без явного наружного наблюдения. Новая жизнь начиналась хорошо.

На следующее утро Алекс привел с собой фотографа, который снял меня в фас и профиль. После этого он информировал меня, что начиная со следующего дня ко мне будут приходить различные люди и задавать всякие вопросы. Им не стоит отвечать ничего, кроме правды, так как все сказанное будет тщательно проверено. «Помни, Олег, — посоветовал мне Алекс, — что от твоих ответов многое зависит для тебя».

Три дня спустя Алекс просил меня заполнить целую стопку анкет, объяснив, что они необходимы для получения вида на жительство. Когда я выполнил его поручение, он выдал мне свидетельство, залитое в пластик. На нем на английском языке было указано, что владелец является гражданским наемником ВВС. Имя было финское.

«Это ничего более не значит, — успокаивал меня Алекс, заметив мое недоумение. — Какое-то время побудешь финном. Так безопаснее, здесь почти никто не говорит на финском языке».

Однажды вечером я потихоньку прогуливался вблизи Кайзерштрассе и забрел в район недалеких отсюда ночных клубов. В то время ни один советский человек не позволял себе даже приблизиться к таким ночным заведениям. Но я уже не был

советским гражданином, а был финном и в кармане у меня было 100 марок. Что же, рискнуть?

Запретный плод сладок. Большевистская система много лет подряд формировала «нового человека» — высоконравственного и морально устойчивого. Но стоило ему только оказаться на Западе, как он сразу бросался на порнографию (так, только для общего сведения). На приобретение журналов с откровенно обнаженными телами у него не хватало ни денег, ни мужества, так как на него могли настучать соотечественники, что могло причинить проблемы на работе.

И тут я решился посетить такой клуб. Но там, вероятно, придется заказывать напитки? Предварительно я ознакомился с ценами на спиртное в универмаге, где бутыль хорошего коньяка стоила восемнадцать марок. Я посчитал, что денег мне хватит, даже если в ночном клубе цены вдвое выше, так как я собирался выпить не больше рюмки-двух.

В подаренном Алексом новом костюме и белой рубашке с галстуком (американская помощь беженцам), я смело направился в ночной клуб. Десять марок мне пришлось отдать уже в гардеробной. Это меня немного насторожило. Я присел за бар и показал пальцем на бутылку коньяка той же марки, как видел в магазине за восемнадцать марок. Осмотрелся и понемногу потягивал из стакана коньяк. Мне тут начинало нравиться. Внезапно рядом присела девушка и что-то шепнула на немецком языке. Узнав, что я из Финляндии, она предложила «господину финну» заказать ей стакан шампанского. Я заказал ей бокал «пикколо» и еще рюмку коньяка себе. Ну, что же, решил я, девушку приглашу к себе домой. Я даже решил пропустить стриптиз-шоу и попросил бармена приготовить мне счет. Счет оказался 135 марок. «За что? — подумал я. — Две рюмки коньяка и бокал дешевого шампанского?»

Мудро я решил избежать скандала. Для этого сверх ста марок я положил своих часы, купленные за день до того. Бармен с презрением отодвинул в сторону часы и произнес всего лишь одно слово «цален!»

Девушка немедленно куда то исчезла. В полутемноте я увидел приближающегося ко мне вышибалу. «Твои дела обстоят не так хорошо, беглый матрос Туманов, — подумал я про себя. — Сейчас тебе намылят рожу».

Я вынул из нагрудного кармана пластиковую карту с финским именем, на которой также был указан телефон американского дежурного, где я «служил». Удивительно, что гнев клубного персонала при виде этого адреса поубавился. Как я узнал позднее, владельцы такого рода заведений не хотели

меряться силами с американскими властями. В случае неблагоприятного исхода их могли лишить лицензии и ждали всякого рода другие неприятности. Поэтому я повел себя абсолютно правильно, воспользовавшись данным «фальшаком».

Бармен взял у меня из рук карточку и набрал указанный на ней телефон. Через полчаса возник вырванный из сна заспанный Алекс. Без лишних слов он заплатил недостающую сумму и отвез меня домой. Только когда мы оказались в лифте на 5-й этаж в мою квартиру, Алекс выразил свой гнев. Особенно его рассердило, что я собирался привезти с собой на конспиративную квартиру военной разведки девушку из ночного клуба.

«Окажись ты в полиции, к тому же с фальшивыми документами, произошел бы скандал. Тогда тебе пришлось бы забыть Германию. Предупреждаю: еще одно такое приключение, и мы передадим тебя местным властям. Пускай сами решают, что с тобой делать».

Я молчал, со стыдом потупившись.

Не знаю, что послужило поводом, но через два дня я перебрался на новую квартиру на Бетховенштрассе, расположенную вдали от этого злополучного района. Алекс теперь успокоился и сказал:

«Если захочешь девушку, скажи мне. Мы заплатим и привезем ее тебе домой».

«Нет, об этом забудь», — отвечал я с серьезным выражением лица.

Тем временем, проверка продолжалась. Алекс развертывал передо мной детальную карту Москвы и расспрашивал: «Как пройти с этой улицы на другую? Каким транспортом пользоваться?» По его настоянию я нарисовал схему нашего двора, разметил подъезды и описал крытые зоны отдыха во дворе. Он мучил меня своими доскональными вопросами: «Как звали твою учительницу в первом классе? Кто был твой тренер по стрельбе? Какой телефон у твоей подруги? Назови имена всех офицеров, которые тебя готовили! Как зовут всех членов комсомольского оперативного спецотряда?» … Алекс составил список имен всех людей, с которыми я имел дело и для уточнения вызывал для этой работы «специалистов».

После того как он узнал, что мой родной дядя, полковник Малофеев, работал в КГБ и по роду своей военной службы часто ездил в командировки на Запад, он пригласил человека с полным чемоданом фотографий. На некоторых были запечатлены детали давнего визита в ФРГ московской футбольной команды в конце пятидесятых годов. На многих этих снимках мне не составило никакого труда узнать лицо своего родного дяди, который под

прикрытием спортивного функционера всегда присутствовал на этих матчах.

«Покажите вашего родственника».

Они были довольны моими сведениями.

Другой мужчина однажды приехал позднее с фотоснимками нашего московского двора. Я опешил, увидев на снимке свою маму с сеткой в руках, когда она только вернулась из продуктового магазина домой. Она очень постарела и произвела на меня впечатление, что расстроена. Отец как раз выходит из подъезда. Соседи стоят вокруг сидящей рядом группы и что-то между собой обсуждают. Дети играют. При виде этих снимков мое сердце сжалось: знакомые картинки с моей родины.

«Кого вы знаете на этих снимках? Покажите и назовите имена», — твердо настаивал голос допрашивающих.

Однажды мне показали недавний снимок одного из наших офицеров на эсминце «Справедливый», который был сделан с самолета на низком лету. Конечно, я его узнал.

Проверка у американцев была всесторонней. Они никуда не торопились, все проверяли из кишок вон. Да и мне некуда было спешить. У меня впереди была еще вся жизнь.

Когда у Алекса родилась младшая дочь, он радостно пригласил меня в китайский ресторан. В этот день он пришел ко мне с бутылкой шампанского в одной руке и стопкой газет — в другой. Газеты он мне оставил.

«Это газета “Посев”. Ее печатают такие же, как ты, русские эмигранты».

Честно говоря, газета произвела на меня сильное впечатление. Если бы тебя в Москве застали за чтением газеты «Посев», то скорее всего можно было кончить в тюрьме. Каждое слово в ней было пропитано острыми высказываниями о «преступной сути советского режима». Такие статьи не появлялись даже в самых враждебных немецких или английских газетах. Алекс заметил мой интерес к газете и предложил назавтра поехать туда, где такого рода «макулатура валяется на каждом столе». Так я оказался в читальном зале библиотеки военного гарнизона и зарылся в гору эмигрантской прессы и литературы на русском языке.

Раньше я рассматривал нашу (и собственную) жизнь в СССР через призму советской пропаганды. Она была настроена таким образом, что каждый, кто глядел через стекло, замечал не реальную жизнь, а всего лишь ее искажение, искусно сконструированное Кремлем. Мы были актерами колоссальной мистификации истории, участниками простирающегося над нами спектакля под гипнозом.

Я не хочу утверждать, что все в нашей стране было плохо. И не хочу говорить о недостатках и преимуществах той или иной социальной системы. Я говорю об угнетающей духовной несвободе, характерной для любого тоталитарного строя, о системе всеобъемлющей лжи, овеявшей всех и вся, которую Джордж Оруэлл так мастерски описал в своей знаменитой книге «1984».

И вот мне представилась возможность смотреть на жизнь без идеологических шор. Я записал адрес издательства «Посев» и решил ближе узнать людей, посвятивших жизнь борьбе с коммунистическим режимом. Я ни в коем случае не хотел к ним присоединяться. Я лишь испытывал любопытство и надеялся завести полезные знакомства. У меня к этим людям не было ни любви, ни ненависти.

Я заранее позвонил в редакцию и был приглашен на встречу. На такси я добрался до хорошо охраняемого, оцепленного колючей проволокой барака. На мой звонок вышел охранник, и отогнав овчарку, открыл ворота. В помещении, где я оказался, явно находился склад издательства «Посев» — организации, подчиненной НТС (Народно-трудовому союзу). В просторной, скромно обставленной комнате, за длинным столом, на котором громоздились грязные пепельницы из консервных банок, сидел полный, небрежно выглядевший мужчина. Он меня ждал.

«Вы звонили? Откуда вы приехали?»

«Из Советского Союза».

«Ага, — повторил он с пониманием. — Думаю, что у американцев остановились».

Я утвердительно кивнул.

«И где же? Ваш адрес?»

«Это к делу не имеет никакого отношения, — ответил я, избегая ответа. — У меня собственная квартира».

Толстяка это не смутило, а вызвало еще большее доверие.

«Вам незачем беспокоиться. У нас добрые отношения с американцами, и кое-что о вас мы уже знаем. Если хотите купить книги, можете сделать это дешевле, чем в магазинах. Выбирайте. Кстати, у нас только недавно был другой парень, сбежавший из России. Хотите его адрес? Записывайте… Его зовут Владимир Крысанов и живет он на Моцартштрассе».

Толстяк подарил мне несколько газет, предложив оставаться с ним на связи, и проводил к выходу. Как я узнал позже, это был руководитель НТС по фамилии Артемов. У нас в ближайшее время сложились приятельские отношения, и Артемов предложил мне место корректора в его издательстве. Он познакомил меня со сверстниками, которые оказались детьми функционеров НТС. И с

ними мы основали своего рода русский юношеский клуб у нас дома.

Я выделил «у нас дома», потому что скоро уже жил под одной крышей с Володей Крысановым, о котором рассказал Артемов. Володя был из Сибири, невысок ростом и рыжеволос. Так же, как мой брат, он окончил факультет геологии МГУ и из ненависти к советской власти пообещал себе убежать на Запад, чего бы это ему ни стоило. Он перешел советско-финскую границу, автостопом добрался до Швеции и сдался официальным властям, которые передали его американской разведке. Алекс также отвечал за него. Занятно, что Алекс представился мне Лэйном, а Володе — Линкольном. После того, как его проверили, Володя ждал въездную визу в США, где собирался заняться частным предпринимательством. Алекс одобрял наше знакомство и в марте 1966 года поселил вместе в четырехкомнатной квартире американского военного гарнизона на севере Франкфурта.

Приблизительно в это время он вручил мне личное удостоверение, позволявшее официально находиться в ФРГ. Это был «Паспорт иностранца» — первый легитимный документ беженца, обрадовавший меня и значащий, что проверка шла удовлетворительно и завершалась.

«Позднее предложим тебе документ лучше этого», — обещал Алекс и сдержал слово.

Как-то весной он сообщил, что завтра меня посетят гости из Мюнхена, и посоветовал произвести на них хорошее впечатление. Это была моя первая встреча с представителями «Радио Свобода», господами Перри и Нейманисом из Отдела опроса общественного мнения. Они привезли с собой записи радиопередач и распечатанный текст.

«Хотелось бы знать ваше мнение по этому поводу», — заявил Джордж Перри. — Послушайте записи, почитайте тексты и оцените передачи на этой анкете, — он передал мне страницу, полную вопросов. — Вы недавно из Советского Союза, поэтому мы можем расценивать вас как типичного молодого слушателя. За эту работу вы получите гонорар».

Но важнее этих двухсот марок, полученных как гонорар за подготовленный отчет, была новая дружба с Володей Крысановым, который находился тут дольше меня и уже освоился. Он посоветовал мне, утвердив в моем собственном мнении:

«Работа на Радио Либерти заманчивей, чем ставка корректора в издательстве НТС».

«Да, такой вариант мог бы меня заинтересовать», — необдуманно выпалил я, тут же прикусив язык, заметив

задумчивое лицо Володи.

В то время я повстречал других бывших земляков. Однажды нас с Володей на плов пригласил азербайджанец по имени Тофик, моряк рыболовного флота. Год назад он убежал в Гамбурге с корабля и страдал с того времени манией преследования. Везде он видел спецагентов — местных и советских. В квартире, которую ему предоставили американцы, он постоянно касался пальцем рта, приговаривая при этом: «Тише, нас здесь слушают». Он утверждал, что вся его квартира усеяна подслушивающими устройствами и скрытыми камерами.

«Все стены проверил на жучки, — жаловался нам расстроенный Тофик. — Так ничего и не обнаружил, но я точно знаю, ОНИ меня даже в туалете подслушивают».

«Он чудак», — посчитал Алекс, узнав о моем новом знакомстве, и запретил с ним дальнейшие связи.

Позже я познакомился с Виктором Виктором Шишилякиным — солдатом, который дезертировал три года назад из группы советских войск в Германии. Он круглый год ходил в кожаных перчатках, костюме и галстуке, считая себя исключительно элегантным. Но сейчас бывший крестьянин из сибирского колхоза сердечно стремился домой в свою бывшую жизнь, безнадежно обивая пороги всех советских миссий, умоляя о возвращении. Он сам рассказал нам, как посетил советскую военную миссию в Западном Берлине и встал на колени перед генералом: «Я признаюсь в том, что совершил ошибку и хочу домой». Генерал холодно отвадил его: «Так ты тот самый лживый предатель Шишилякин. Домой захотелось? Нет, сволочь! Родину тебе надо еще заслужить. На четвереньках приползешь из Берлина в Брест».

«Я бы так и сделал», — плаксиво признался раскаявшийся Шишилякин, вытирая слезы с лица кожаными перчатками.

Странным образом, всезнающий Алекс не был против моего знакомства с Виктором.

Начиная с апреля меня практически не проверяли. Со мной только редко встречались. Вокруг меня не появлялись новые лица, и я ощущал, что следствие близится к концу. Некоторое разнообразие в нашу монотонную жизнь внесло знакомство через НТС с новоприбывшим в свою «страну происхождения» немцем из Советского Союза, Йоханом Ваймаром. Во время Второй мировой войны его семью эвакуировали из Поволжья в Воркуту, где кроме трех летних месяцев, когда погода переменчива, девять месяцев в году царит зима. До своего отъезда в Германию Йохан провел там всю свою жизнь. Мы быстро подружились, и я стал скоро называть его русским именем Иван или Ваня, как его звали в Воркуте на шахте, где он работал.

Это было даже немного удивительно: немец Ваня каждый день вспоминал свои оставшихся в тундре друзей. Здесь, в Германии, ему безвозмездно предоставили однокомнатную квартиру. На выделенные подъемные деньги он купил себе автомобиль, хорошую мебель и мог жить, ни о чем не беспокоясь. В России он о таком даже не мечтал. Воркута — это царство вечного льда, регион, где на каждого гражданского человека приходится двое заключенных и трое ссыльных — местность несбыточных грез и бесконечных слез… Как было понять человека, мечтающего о заснеженной, замерзшей и окольцованной колючей проволокой Воркуте на фоне цветущей природы Гессена?

В своей уютной и комфортабельной квартире, пропустив сто грамм и заев соленым огурчиком, советский Йохан, или Ваня, горько жаловался на свою судьбу:

«Не с кем здесь поговорить. Все заняты, о деньгах думают. А где душа остается? Нет, не выдержу я этого. У нас в Воркуте было лучше».

Ваня особенно скучал 9 мая, в День Победы над фашистской Германией. В шахтерском общежитии, где он жил в СССР, уже за несколько дней до праздника собирали деньги на водку и закуску. Собрав рублей пятьдесят, кто-то из инициаторов спрашивал: «А с Вани сколько возьмем?» «Ничего не возьмем, — отвечали присутствующие. — Он же немец. Для него это день траура. Пускай пьет за наш счет».

Наконец, в конце апреля, Алекс объявил, что на следующий день меня ждет тяжкое испытание. Он посоветовал выспаться и не пить ничего алкогольного. Мне вспомнились советы Сергея относительно проверки на детекторе лжи. Что ж, за мной очередь?

«К счастью», ночью у меня сильно разболелись зубы. Поэтому наутро я выпил две таблетки анальгина, запив их стаканом водки. У меня была почти реальная отговорка, поскольку лицо и щека сильно опухли. А водка, как известно, в такие моменты лучшее лекарство. В крайнем случае я мог симулировать сильную боль.

Алекс проводил меня на спецобъект военной разведки и передал в руки двух мужчин. У одного вместо ноги был протез. Но на руке красовался крупный перстень с рубином, означавший принадлежность к специальным войскам армии США. Второй мужчина, в очках, был одет в белый халат и чем-то походил на врача. Господа проводили меня в небольшую комнату с зеркальной стеной и попросили занять место в кресле у стола. Они закрепили на моей груди, запястьях и голове электроды, протянутые к чемоданчику на столе, размером с портфель.

Человек с протезом быстро исчез в соседней комнате, вероятно для того, чтобы незаметно наблюдать меня с другой стороны «зеркала». Его коллега встал сзади и задал мне несколько контрольных вопросов личного характера, объяснив:

«Сейчас займемся небольшим тестом. Вам не следует волноваться, потому что это абсолютно безопасно. Я задам вам некоторые вопросы, на которые вы быстро, не задумываясь, ответите “да” или “нет”. Отвечайте, пожалуйста, не задумываясь. И сидите спокойно, не двигаясь».

Он настроил устройство на столе, и пишущее устройство задвигалось, передвигая при этом бумагу. Я смотрел на зеркало и не замечал у себя на лице ни малейшего признака страха.

«Вас зовут Олег Александрович Туманов?» — «Да».

«Вы родились 12 ноября 1944 года?» — «Да». «В 1964 году вы прошли учебную подготовку в КГБ?» — «Нет». «Вы были членом коммунистической партии?» — «Нет». «Вы знали человека по имени Малофеев?» — «Да». «Вы гомосексуалист?» — «Нет». «Вы нам врете?» — «Нет». «Малофеев ваш родственник?» — «Да». «Он завербовал вас на работу в КГБ?» — «Нет». «Вы дезертировали с корабля, потому что мечтали о жизни на Западе?» — «Да». «Вы любите вашу родину?» — «Да». «Вы согласились выполнить задание КГБ, потому что любите свою родину?» — «Нет». «Считаете себя честным человеком?» — «Да». «Ваши ведущие офицеры КГБ считают вас перспективным агентом?» — «Нет». «Девушку, с которой вы встречались до призыва на службу, зовут Таня?» — «Да». «Вашим родителям было неизвестно о вашем решении бежать на Запад?» — «Да».

«Приходится ли вам иногда прибегать к вынужденной лжи?» — «Да».

Я сидел будто на электрическом стуле. Руки приклеились к рукояткам кресла. С тела свисали подключенные электроды. Аппарат безучастно писал мой приговор или оправдание. Все могло закончится очень плохо. Одна или две ошибки, и все кончено. Возникнут подозрения, начнется дополнительный допрос, пропадет доверие и тогда позади у бывшего моряка — карьера разведчика. До меня детектор лжи поверг и разоблачил других людей. В 1964 году этот хитрый аппарат надолго разрушил жизнь перебежавшего сотрудника КГБ Юрия Носенко, который предложил американцам свои услуги.

Юрий Носенко, сотрудник американского отдела 2-го Главка государственной разведки (контрразведки), находился в служебной поездке в Женеве. Он отправил оттуда оговоренную телеграмму о намерении бежать. На основании этого несколько дней спустя его перебросили из Швейцарии в Германию и

разместили в служебной квартире во Франкфурте (быть может, там, где сегодня находился я). Вскоре его проверили на детекторе лжи. До этого Носенко в течение двух лет работал с ЦРУ и предоставил Лэнгли большое количество неоценимых услуг. Но перебежавший к американцам незадолго до него сотрудник КГБ Голицын, к несчастью Носенко, принес сведения о скором перебежчике Москвы — «подсадной утке», являющейся агентом Лубянки. Непонятно, какие основания существовали у Голицына для таких утверждений. Возможно, он придумывал эти оперативные данные, будучи движим намерением набить себе цену. Но судьба Носенко явилась наглядным примером маниакального недоверия и панического страха американской разведки стать прибежищем советских агентов.

Притом, что Носенко не сделал ничего, вызывающего к себе подозрение, так как он был уверен в своей ценности для ЦРУ и считал следственные меры простой формальностью, он отнесся невнимательно к рутинной проверке на детекторе лжи. Череда ответов на обыденные вопросы крыла в себе противоречия. Один раз он назвал себя подполковником. В другой раз — капитаном. Несмотря на то, что в Москве он работал против американцев, он не смог сказать, на каком этаже американского посольства находилась резидентура. Не смог описать столовую в главном здании КГБ на Дзержинской площади. Озабоченные агенты контрразведки ЦРУ чуть ли не пять лет подвергали Носенко все новым проверкам, изолируя его на долгие месяцы в одиночной камере. Там бытовала навязчивая идея, что Носенко специально направлен Москвой, во-первых, чтобы отвлечь подозрения от Ли Харви Освальда, которому вменяли подозрительные связи с КГБ. И, во-вторых, прикрыть «засланного казачка» Лубянки, активно работавшего в недрах американской разведки.

Только после третьего дознания на детекторе лжи инквизиторы оставили Носенко в покое, добившись в 1968 году положительных результатов. Несмотря на то, что контрразведка по-прежнему считала Носенко фальшивым информатором, в последующие годы он свободно передвигался. Но наблюдение за ним прекратилось значительно позже.

Мне тогда еще было неизвестно о мучительной эпопее этого предателя. Но я находился практически в таком же положении, как он.

… Во время тестирования на детекторе лжи иногда повторяют однородные вопросы. При этом создается впечатление, будто вопрос уже задавали. Но после этого меняют одно другое слово таким образом, что значение становится противоположным. На обдумывание не остается времени. Вопросы задают один за

другим. Мои наивные попытки отвечать не «да» и «нет», выигрывая время на обдумывание, резко пресекались.

«Вы служили на эсминце «Справедливый?» — «Да».

«Ваш отец Александр Васильевич?» — «Да». «В Москве встречались на конспиративной квартире с ведущим офицером?» — «Нет». «Предпочитаете блондинок?» — «Нет». «Руки часто потеют?» — «Нет». «В детстве вас хотели исключить из школы за плохое поведение?» — «Да». «Боитесь пауков?» — «Нет». «Считаете офицеров КГБ важными персонами?» — «Нет». «Избегаете порочных сексуальных связей?» — «Да». «Готовы нести тяжелое наказание за ложь?» — «Да».

Эта пытка продолжалась примерно час. Потом за моей спиной внезапно появился мужчина в роговых очках, отключил детектор и снял с меня электроды. Почти тут же появились Алекс и «одноногий» с рубиновым перстнем. Все трое склонились над диаграммами, совершенно игнорируя меня. Что-то их не устраивало, потому что лица их были обеспокоенными, будто у хирургов, которые провели операцию, но еще неуверенных в состоянии пациента.

Алекс завернул диаграммы в трубку и спрятал у себя в портфеле. «Поехали, пообедаем», — коротко бросил он в мою сторону. В машине я наивно задал ему вопрос, чего он хочет тем самым достичь.

«Это был очень важный этап твоего дознания, — при этом лицо Алекса не засветилось. — В принципе этот аппарат невозможно обмануть, его не подкупить. Как видно, он не совсем тобой доволен. Некоторые вопросы вызвали противоречия, — продолжал он. — Поэтому мы должны повторить все по второму разу. Это связано с большим объемом работы».

На следующий день все началось заново. Появился «высокий зверь» Сэм, потом присоединился «летчик» Борис. Алекс принялся почти с болезненной точностью заносить мои ответы в анкету, докапываясь до всех мелочей моей жизни. Если какие-то детали не совпадали с моими предыдущими ответами, Алекс останавливался и старался предотвратить ненамеренную ложь. Но я был уверен, что мы топчемся в темноте. До сих пор я не дал ни малейшего повода сомневаться во мне. Поэтому мне пришлось запастись терпением.

Знойным весенним днем 1966 года Алекс сообщил, что меня приглашают в гости в Мюнхен на «Радио Свобода». Тогда я догадался, что дознание закончилось. В то время радиостанция еще полностью подчинялась американской разведке и являясь практически одним из их подчиненных отделов. Ненадежным клиентам туда не было доступа. Это предложение в гости я мог

расценить как жест доброй воли.

В сопровождении Джорджа Перри я отправился в Мюнхен и снял себе номер в скромном пансионе на Леопольдштрассе. Радиостанция в то время размещалась в здании склада аэропорта на Лилентальштрассе. Меня проводили по узким прокуренным коридорам и представили сотрудникам как известную личность: «Это Олег Туманов, он только прибыл из Советского Союза».

Гости из Советского Союза считались еще редкостью. Туристы и служебные лица из СССР сторонились корреспондентов радиостанции как прокаженных. Новых эмигрантов практически не было. Поэтому сотрудники радиостанции с интересом ожидали, как бы однажды встретиться и поговорить с тем, кто слышал их голос «оттуда».

Перед ужином мой будущий непосредственный начальник, Александр Бахрах, как бы невзначай задал вопрос:

«А что думаете по поводу антисемитизма в Советском Союзе?»

Такие вопросы в то время еще озадачивали меня. У меня пока не было достаточно жизненного опыта и соответствующих горизонтов. Что я знал, кроме школы, КБ и службы? А в школе у нас на самом деле не было антисемитов. Я помнил Леню, Женю, Вову и Леру. И между всеми не было никакой разницы. В КГБ я тоже ничего подобного не заметил. А на флоте не столкнулся ни с одним евреем. Возможно, их призывали в другие войсковые части.

«Нет у нас никакого антисемитизма», — с искренней уверенностью ответил я Бахраху.

Вероятно, он посчитал меня наивным или неоткровенным человеком.

В целом мне показалось, что я оставил хорошее впечатление на «Радио Свобода». Вскоре после этого меня официально пригласили на работу на радиостанции, что, безусловно, было необычайным везением. Но до этого произошло несколько инцидентов, о которых следует упомянуть.

Володе Крысанову наконец назначили собеседование на получение визы в американском консульстве. Он чувствовал себя уже на полпути в Америку — страну неограниченных возможностей, где он собирался основать собственную фирму. В наилучшем расположении духа и сопровождении Алекса он явился на прием к консулу и во время разговора попытался развеселить того шутками о евреях. Он усыпал его анекдотами о смешных и обиженных евреях. Для Володи это был значительный день в его жизни, и он хотел, чтобы все радовались вместе с ним. Но, заметив, как слушая его, консул краснеет, он принял это за

выражение удовольствия и никак не понимал, почему Алекс наступает ему под столом на ногу.

Оказалось, что консул еврей и сионист, и как Володя позже узнал, своими шутками он чуть не довел того до инфаркта. Дело Крысанова, естественно, было «заморожено» и он мог мысленно распрощаться с путешествием в Калифорнию. Моему свирепствующему, но никак не потерявшему надежду другу позже сообщили, что «Соединенные Штаты никоим образом не являются для него альтернативой Швеции», где американцы его подобрали. Кстати, в Швеции Володя добился того, о чем мечтал. Создал собственную фирму и разбогател.

Мы с Ваней Ваймаром провожали Володю в аэропорт, а потом пожелали ему всего хорошего и вернулись ко мне домой, чтобы вдвоем обмыть будущую жизнь нашего друга. Внезапно Ваню охватило тоскливое настроение, и он попросил моего разрешения позвонить домой в Воркуту.

«А это вообще возможно?», — спросил я с удивлением. При этом я совсем забыл, что мы находимся в квартире американской разведки.

«Хотя бы попробуем», — настаивал Ваня. — Позвоним оператору и закажем Воркуту в Советском Союзе».

В это трудно поверить, но через два часа Ваня слезно разговаривал с дежурной шахтерского общежития, в котором раньше жил. У меня в памяти остался этот маловажный эпизод только по той причине, что через месяц, когда я там уже жил, мне пришлось вернуться самолетом из Мюнхена, чтобы пройти дополнительный тест на детекторе лжи. Алекс был в ярости: «Как ты посмел звонить с конспиративной американской квартиры в Советский Союз? Такого до тебя никто себе не позволял!» К счастью, американцы пришли к заключению, что все произошло из-за того, что мы были немного под градусом. Кроме того, я сам по телефону не говорил. Так что для меня обошлось без неприятных последствий.

Уже в начале мая 1966 года Алекс вручил мне официальное письмо «Радио Либерти» (РЛ), подписанное начальником Отдела кадров Джином Лекашем, что в случае профессионального соответствия мне могут предложить постоянную работу. Сначала предстояло пройти испытательный срок.

«Тебе повезло, — сообщил мне Алекс. — Только немногим эмигрантам 22 лет делают подобное предложение. Это совсем иначе, чем устроиться рабочим или в типографию НТС. Это уважаемая и хорошо оплачиваемая работа. Что думаешь на этот счет?».

«Я счастлив!», — с искренней улыбкой и сияющими от

счастья глазами, восклицал я. Удача по-прежнему преследовала меня.

«В таком случае собирай вещи и подписывай этот документ». В нем я обязывался молчать обо всем, что со мной происходило с декабря до мая, пока находился у американцев. В случае нарушения этого условия меня могли оштрафовать на 25 000 марок или приговорить к тюрьме.

На следующий день я получил из рук Алекса голубой паспорт политического эмигранта. Этот паспорт предоставлял мне значительно больше прав, чем желтый паспорт беженца. Все складывалось как нельзя лучше.

Сотрудники РЛ тогда делись неофициально на три категории. Первые были «неграми», которые подписали договор по немецкому законодательству и им не полагалась бесплатная квартира, они платили налоги и заботились о собственной страховке на жизнь. Следующей, привилегированной категории «мулатов», обычно нанятых в Великобритании, Франции, Испании и других странах, компенсировали стоимость аренды квартиры, половину страховки и другие расходы. Но лучше всего было «белым». Их договор соответствовал американским стандартам. Речь шла об американцах, конечно, не за собственные деньги, разместившихся в элитных виллах и пользовавшихся шикарными авто.

В 1966-м в бюджете РЛ появилась особая статья расходов по программе продвижения молодых кадров с той стороны «железного занавеса» — это были перебежчики, невозвращенцы и эмигранты. Я был первым, кого наняли в соответствии с этой программой, которой руководил Вилли Клумп — американец немецкого происхождения. Он предложил мне сначала пожить у него. У «белого» Вилли была большая квартира на Кенигинштрассе. Этажом ниже пустовала крохотная комнатка консьержки, которая стала мне первым домом в Мюнхене. Постель, шкаф и стол — вот все, что туда вмещалось.

В первый месяц меня направили в бюро начальника Отдела мониторинга (прослушивания) Макса Ралиса. В 1971 году Макс Ралис и его сотрудники перебрались в Париж. Но тогда они пользовались резиденцией на Леопольдштрассе в трехэтажной вилле, усиленно охранявшейся морской пехотой. Этот отдел опрашивал мнение людей во всем мире о передачах «Радио Либерти». Отдел имел собственный бюджет и всегда находился в прямом подчинении сотрудника ЦРУ.

Но обо всем этом я узнал позже. Тогда мне выделили отдельный кабинет и предложили множество папок с текстами радиопередач и кассетные записи, которые мне предстояло

анализировать по определенной схеме. После того, как я оценивал содержание, дикцию, интонацию и т. д. своим «свежим и непредвзятым взглядом», я составлял рекомендации по улучшению трансляций на СССР. Одна из рекомендаций, а именно — введение регулярной молодежной передачи сразу понравилась начальству. Позже мне передали руководить этой передачей.

Моим первым начальником был заместитель Макса Ралиса, англичанин по имени Дэвид. Он приносил мне материалы и на русском языке, практически без акцента, давал различные полезные советы и рекомендации. Но внезапно он куда-то исчез. Тогда я еще не освоился со своим окружением и не мог рассчитывать на непринужденный разговор и доверие среди сотрудников. Современно одетые, ухоженные и надменные американцы в нашем отделе в лучшем случае приветствовали меня мимолетным «халло». Да и то не всегда. Поэтому мне была непонятна причина, вызвавшая всеобщее волнение при внезапном исчезновении Дэвида. Только несколько месяцев спустя, когда я добился какого-то доверия, мне нехотя объяснили, что, по всей видимости, англичанин работал на советскую разведку, но по каким-то причинам его внезапно отозвали в Москву.

Это был первый, но не последний случай, когда на РЛ или РСЕ («Радио Свободная Европа») исчезали люди и позже внезапно появлялись в социалистическом лагере как сотрудники разведки. Это были поляки, чехи, болгары, литовцы, русские …

Через двадцать лет я таким же образом пропаду из Мюнхена. А кто будет после меня?

Мне неизвестно, как дела обстоят сегодня, но в то время все разведки стран коммунистического блока тянуло на обе радиостанции, будто пчел на сладкий мед. Причина всем была ясна. РЛ и РСЕ являлись важнейшими средствами политически-идеологической диверсии Запада. Москва также располагала мощными механизмами идеологической борьбы — радиоголосами, которые вещали на дюжине языков за рубеж, а также издательствами, газетами и журналами, пропагандировавшими коммунистические идеи во всем мире. На обозначенном фронте «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» следовало противодействовать «красной пропаганде» и даже вести превентивные удары, объективно информируя слушателей о ситуации в социалистическом блоке. Без преувеличения можно утверждать, что члены Политбюро в Москве опасались «Радио Свобода» больше любого другого оружия США.

После завершения моей месячной практики у Ралиса я пошел

прощаться с ним. Макс уже был седым и не самым юным человеком. С чувством собственного достоинства он шагал в своем кабинете во время нашей беседы, курил трубку и проецировал надежность и мощь, так как это умеют делать только американцы, знающие себе цену. Он немногословно поблагодарил меня за работу и сообщил, что отныне я перейду на работу в редакцию Русской службы. Затем он непринужденно встал и склонился надо мной.

«Знаете, — продолжил он спокойно, — я советую вам другой путь. Учитесь. Найдем вам стипендию. В Мюнхене хороший университет и комфортабельное студенческое общежитие. Выучите профессионально языки. Поверьте, вам это больше пригодиться в будущем, чем это змеиное гнездо, где вы сегодня работаете».

«Змеиное гнездо?».

«Да, господин Туманов, я знаю точно, о чем я говорю. Вам там будет непросто. Вспомните когда-нибудь мои слова».

Что я мог ответить мистеру Ралису, который желал мне доброго будущего. Американский агент давал этот совет русскому эмигранту и наносил ущерб своей «фирме». Но агенты тоже только люди. И почему бы им иногда не проявить свою слабость? … Когда Макс Ралис назвал радиостанцию (а фактически филиал разведки) гнездом, полным ядовитых змей, он играл «против правил». Его видимая открытость поразила меня, но я не имел права принять его совет. Конечно, было заманчиво учиться, получить полное образование, выучить языки и сделать карьеру… Но это не совпадало с моим заданием, подразумевавшим, что я останусь жить в этом «змеином гнезде».

«Благодарю вас, господин Ралис. Но я какое-то время поработаю с соотечественниками. Может, мы с ними еще сладим».

«Вы даже не представляете себе этих людей, — тряс головой неумолимый американец. — Работать с ними — не то же, что пить с ними водку. Они вас используют, оплюют и растопчут».

«И все же я попробую. Ведь никогда не поздно последовать вашему совету».

На следующий день Вилли Клумп отвез меня на Лилиентальштрассе. Я заполнил анкету в отделе кадров, и настало время посмотреть в глаза своему непосредственному начальнику. В то время Отдел новостей Русской службы возглавлял многолетний сотрудник редакции, Александр Бахрах. Прежде он работал секретарем известного писателя Ивана Бунина в Париже. Его заместителем был молодой Александр Перуанский. Они сидели в одном кабинете. Бахрах, не стесняясь, похрапывал,

спрятавшись за свою любимую газету «Фигаро», а Перуанский старался впечатлять.

Стесняясь, я вошел в кабинет и шеф, коротко выглянув из-под своей газеты, приказал:

«Саша, займись молодым человеком».

Перуанскому доставило удовольствие заниматься мной. Когда он увидел перед собой ничего не соображающего молодого человека, он сразу сообразил, что такого можно гонять хоть по сто раз на день, доказывая ему его собственную несостоятельность.

«Ах, вы не владеете немецким языком? Как жаль, что вы не можете писать комментарии. А как насчет перевода новостных текстов с английского? Тоже не умеете. Ах, как жаль. А что же вы тогда умеете? Кто вас сюда послал? Американцы?»

Мой последний ответ немного поубавил его надменность. Американцев все уважали, и никто не рисковал им противоречить. Поэтому Перуанский расстроился. Он всласть насладился моей беспомощностью и стал размышлять, что же ему дальше делать с этим зеленым юнцом, которого «направили американцы». Наконец он нашел выход: «Попытайтесь коротко описать впечатления о своей советской жизни — неважно, под каким заголовком. Даю вам три дня. Писать можете тут или дома, как вам угодно».

Казалось, что заочно Перуанский меня уже списал. Его скепсис еще больше возрос, когда через три дня я принес ему текст первого комментария, который я с трудом написал. Александр пробежал по нему глазами и с презрением выбросил листки в мусорный ящик, заявив: «Это никого не интересует. Так у нас никто не пишет». Но было еще рано полностью меня списывать. Поэтому Перуанский поручил одному из своих сотрудников позаботиться о юном практиканте. «Князь Волконский займется вами», — снисходительно заявил он.

До сих пор я только читал в книгах о людях с таким титулом. Князь Волконский! Возможно, это один из наследников знаменитого героя книги Толстого «Война и мир»? И он меня научит? Я нарисовал себе веселую картинку: в комнату заходит статный молодой человек во фраке, лаковых туфлях, с безупречно зачесанными на пробор волосами и брильянтовым перстнем на руке. За ним — стайка прислуги и секретарей. «Бонжур, монсеньор», — приветствует меня князь. И что же, извольте, ему отвечать? «Добрый день, ваше Высочество?»

Дверь в мой кабинет распахнулась, и в нее вошел стеснительный молодой человек лет 28. На нем были потертые джинсы, выцветшая трикотажная рубашка и заношенные туфли.

Длинные распущенные волосы давно нуждались в руке парикмахера.

«Вы — Туманов?»

«Да, это я».

«Мне велели вам помочь. Я Олег Волконский, — пожал он мне руку, рассеяно продолжая, — я здесь работаю переводчиком и очень рад, что целую неделю смогу отвлечься другим делом».

Князь оказался отличным парнем. Не скрывая радости, что нет необходимости корпеть над переводами, он всю неделю знакомил меня с радиостанцией. На самом деле наследник знаменитого русского рода появился на свет в 1939 году, наследуя от своего блестящего прошлого только княжеский титул, так как, скитаясь по разным странам мира, его родители потеряли большую часть своего состояния. Я сердечно дружил с Волконским до его ухода с Радио в 1973 году.

Преисполненный ответственности, Олег показал мне архив, библиотеку и техническую службу, представил знакомым. Постепенно у меня складывалось общее впечатление, и я стал понимать, кто есть кто. Я даже завел первые знакомства. Особые отношения я выстроил с бывшими офицерами армии Власова, Леонидом Пылаевым и Андреем Меньчуковым, и Игорем Глазенапом, оставшимся в Германии вслед освобождения из заключения после Второй мировой войны. Кстати, родственники Игоря переселились в Россию при царствовании Екатерины II и также были знатного происхождения. О них упоминал Пушкин в своих стихах.

Пылаев был полной противоположностью Глазенапу — без гражданства и знатной родни. Зато он был очень заметной личностью. Он писал песни, играл на гитаре, был мастером на все руки и вообще умел все. Он водил черный «опель» с фанерой вместо ветровых стекол. Еще он был знаменит тем, что в 1959 году сыграл в фильме «Путь» со знаменитым Юлом Бриннером. Эта роль принесла ему крупную сумму денег на то время — две с половиной тысячи марок. Все эти деньги он потратил на оператора и двух проституток для производства собственного порнографического фильма, в котором сыграл главную роль. Пылаев с удовольствием демонстрировал друзьям свое «произведение» в гараже радиостанции, куда он принес проектор, установив там маленькие столики для закуски. Пока его не сдали.

Пылаев научил меня избегать стукачей и доносчиков на радио. Американцы поддерживали доносительство как эффективную форму контрразведки. «Никогда нигде не произноси ни одного хорошего слова о СССР», — учил меня

Леня. — На каждой дружной вечеринке найдется кто-то, кто донесет твои слова службе безопасности». Показав мне сотрудника, заслужившего имя «Каин», он объяснил: «Он постарается тебе навязаться в друзья. Держись от него подальше — это главный стукач».

Мне также посоветовали остерегаться подслушивания даже дома, так как у сотрудников службы безопасности были запасные ключи от каждой квартиры для проведения там профилактических проверок. У меня позднее возникла возможность убедиться в правоте этого совета.

Думаю, что моему приему на работу на радиостанцию в качестве постоянного сотрудника в определенной степени сопутствовала удача. Я не владел языками и спецификой радиовещания. Но кто-то заинтересовался моим голосом и предложил пройти тест на диктора. Не слишком рассчитывая на удачу, я занял место перед микрофоном. И случилось чудо — все похвалили мой дебют в качестве диктора. Вероятно, голос звучал именно так, как его должен был слышать советский слушатель. Глубоко, звучно, сильно и, главное, разборчиво.

Теперь все, кто желал мне удачи, вздохнул с облегчением. Туманова, без всякого сомнения, можно было использовать как диктора на «Радио Свобода». Я вышел в эфир под псевдонимом «Валерий Шульгин» с чужим текстом, но постепенно мне стали доверять писать собственные комментарии.

Осенью 1966 года Вилли Клумп сообщил, что для меня и второго сотрудника подобрано отдельное жилье.

Речь шла о красивой двухэтажной вилле с садом на углу Леопольд и Руманштрассе. Здесь я смог комфортабельно поселиться за 100 марок в месяц и первое время жил в доме один, так как на радио еще не наняли второго сотрудника.

Я обставил свою комнату на первом этаже самой лучшей мебелью. Рядом размещалась каминная комната с собственным баром. Короче говоря, здесь можно было организовать себе приятное пребывание. Только в начале следующего года здесь поселились еще двое молодых американцев, которые проходили практику в Институте СССР. Я также посещал там лекции по филологии, экономике и политологии, проходившие под руководством внука бывшего знаменитого белогвардейского адмирала Колчака. В то время я открыл для себя новую область русской литературы — книги Булгакова, Замятина, Аверченко, Бунина и Бабеля, чьи публикации долго запрещались в Советском Союзе.

Один из американцев был сын зажиточного хирурга из Калифорнии. Он хорошо владел русским языком и мечтал о

карьере дипломата. Другой был евреем и имел целью прикупить участок земли где-нибудь в Колорадо и открыть там ресторан.

Вечером мы обычно собирались на кухне, где каждый готовил себе ужин в зависимости от собственных предпочтений, вкуса и финансовых возможностей. Я быстро съедал свой пакетик супа и пару бутербродов. Будущий ресторатор был вегетарианцем и хлебал со скукой свою овсяную кашу, в то время как калифорниец готовил себе сочные стейки с салатом, завершая мороженным на десерт… У меня текли слюнки. Такое поведение было для меня совершенно новым и странным, так как дома в СССР я привык к чему-то совершенно иному. Когда у нас вместе садились за стол, то угощали друг друга тем, что у каждого было. А на Западе каждый заботился только о себе.

В начале 1967 года меня приняли на постоянную работу сотрудником «Радио Свобода» и я получил пожизненный договор с месячным окладом в 1100 немецких марок.

Все шло лучше не пожелаешь.

С первой подругой по имени Урсула я провел в Мюнхене два года. Она была дочкой высокого немецкого чиновника в Министерстве внутренних дел, родом из Судет. Урсула была худой, симпатичной и очень сексуальной брюнеткой. Я готов был на ней жениться, если бы тогда не пришлось уйти с радио. Урсула и ее родители настаивали на этом, требуя, чтобы я пошел учиться. К сожалению, этот вариант был невозможен.

В конце зимы Вилли Клумп вызвал меня к себе на беседу.

«Слушай, Олег, — начал он. — Тебя наняли работать в Германии, поэтому ты до сих пор находишься в списке “негров”, считаясь чернорабочим. Не так ли?»

«Вероятно», — осторожно ответил я, не зная, к чему он клонит.

«Поэтому у тебя нет прав на бесплатную квартиру и другие привилегии. Мы об этом думали и вспомнили, что ты сюда приехал из Ливии. Так ведь было, не правда ли? Тогда мы можем записать в рабочий договор, что наняли тебя в Ливии. Если ты не против?»

«Но ведь меня совсем не нанимали на работу в Ливии…»

«Не парься, это абсолютная формальность. У тебя сразу появится новый статус. Подписывайся здесь, и сразу будешь в двухкомнатной квартире. Смелей, Олег».

… Чуть позднее, празднуя новоселье в уютной квартире на Терезиенштрассе, я перешел в категорию «мулатов», вооружившись кредитом в 2000 марок, чтобы соответствующим образом обставить новое жилье. Урсула помогала мне. В этой квартире я провел около полутора лет. Незадолго до

знаменательных событий в Чехословакии мне предложили квартиру в новостройке на Электраштрассе, 13. Это уже была по-настоящему квартира люкс! Уютная, светлая и современно обставленная.

Приблизительно в это же время наше радиостанция поменяла свое адрес, перебравшись в новое здание на Арабеллаштрассе. Первоначально здесь предполагался гражданский госпиталь, но городские власти не смогли оплатить здание. Так что американцы приобрели эту недвижимость, объединив под одной крышей «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа». В руководстве нашего радио также произошли значительные перемены. Бахраха отправили в Париж, назначив директором филиала радио во Франции, а Перуанский перенял его ставку в Мюнхене. Занятно, что это перемещение только усилило прежде существовавшую конкуренцию между нашим отделом, отвечавшим за новости и комментарии в первый получас передачи, и русской редакцией, составлявшей передачи по культуре, науке, истории и спорту для второго получаса. Конкуренты считали нас журналистами второго класса, «бедными репортерами», в то время как себя оценивали высококлассными профессионалами.

В это время директор русской редакции Витольд Ризер обратил на меня внимание и решил переманить к себе. Сначала он предложил руководству РС отправить меня вместе с опытным корреспондентом Александром Михельсоном в Лондон, Париж и Цюрих, чтобы мы подготовили там передачи о типичных европейцах.

«Туманову, наконец, следует увидеть мир», — настаивал Ризер. — Кроме Германии, он ничего не знает». Этой логике нечего было противопоставить. Почувствовав себе конкурента, Перуанский, тем не менее, скрипя зубами, подписал мою двухнедельную командировку.

Мне поручили в этой служебной командировке в первую очередь собирать опыт. Полагалось везде таскать за Михельсоном его тяжелый магнитофон, помогать брать интервью и практиковаться в журналистике. Что я самоотверженно выполнял. Я был под впечатлением от достопримечательностей Лондона, бульваров Парижа и с умилением созерцал горный ландшафт Швейцарии. Это была великолепная поездка. Несмотря на то, что Перуанский ревновал меня и за мою работу в русской редакции после моего возвращения считал меня предателем.

Поворотным моментом в моей карьере на «Радио Свобода» стали знаменательные события 1968 года в Чехословакии. Советские танки подавляли стремление чехов и словаков к свободе, в то время как благодаря этим событиям я поднялся на

уровень ведущего журналиста на «Радио Свобода». В этом был некоторый парадокс.

До этого я работал диктором, изредка составлял небольшие комментарии. Точнее, «прислуживал» другим сотрудникам. Безусловно, два года на радио не прошли бесполезно, так как я мог наблюдать за работой опытных журналистов, проводить анализ и делать собственные выводы. Внутренне я уже созрел, чтобы перейти из категории практикантов в категорию профессионалов. Необходим был только повод, сигнал, вызов …

В ночь с 20 на 21 августа 1968 года в моей квартире громко зазвонил телефон и вырвал меня из глубокого сна.

«Олег, тут Перуанский. Торопись на радио».

«Что стряслось? Война, что ли? Или пожар разгорелся? Может, диверсия какая?».

«Будь добр, не задавай мне вопросов. Придешь, все сам поймешь».

Еле продрав глаза ото сна, я подумал, что начальник Отдела новостей решил надо мной пошутить. Ругаясь про себя, я собирался положить трубку, когда он проговорил:

«Советские танки вошли в Чехословакию. Они уже на улицах Праги. Сам понимаешь, во что это может вылиться».

У Перуанского была дурная привычка звонить своим сотрудникам посреди ночи, чтобы проверить их на «трудолюбие». Проводя вечер за рюмочкой где-нибудь в пивнушке, он часто такое проделывал от скуки.

«Соображаешь, что ты мелешь, Саша? Ты что, напился?».

В ответ я услышал только матерные слова, но его голос был серьезным:

«Олег, прошу тебя, не задерживайся и приходи. Я позвонил остальным, но никто не отвечает. Это очень срочно».

В то время я работал на радио только в одну смену, т. е. днем. Ночью транслировались повторы, в лучшем случае вечерние записи. Такая система себя оправдала, и все были довольны подобным положением дел, так как работать можно было без стресса и напряжения. Добравшись ночью на радиостанцию, я обнаружил там только взволнованного Александра Перуанского и заспанного Александра Неймирова, который все еще не желал верить словам своего шефа о событиях в Праге. «А если это провокация?», — постоянно повторял он. Но Перуанский указывал на сообщения международных новостных агентств, которые были весьма скудными и несколько противоречивыми. Перуанского самого вырвало из постели начальство, и он путался в том, что говорил. Запинаясь и тупо матерясь, он постепенно пришел к такому решению:

«Итак, в первую очередь сейчас необходимо заменить весь новостной блок. Олег, ты заменишь всю передачу, а Неймиров напишет два комментария».

«Но если это провокация?», — настаивал Неймиров на своем. — Прокомментирую, а завтра утром сообщат, что все это ложь и блеф. Тогда из меня омлет приготовят».

Этими словами можно было характеризовать настроение большинства сотрудников «Радио Свобода» — любой ценой не выпячиваться во время критических событий. Информация о Чехословакии была фрагментарной и непроверенной. Возможно, шеф выпил. Зачем идти на неоправданный риск, возможно теряя из-за этого работу …

Я, наоборот, немедленно согласился оперативно составить сообщения о происходящих событиях в соседний стране и наговорить текст их на пленку.

Чуть позже появился директор Русской службы Роберт Так. Он взволнованно осмотрел совершенно пустые кабинеты, не давая нам никаких указаний. С «Радио Свободная Европа» нам сообщили новую информацию, которую на радио получили по собственным каналам. Помимо этого, мы получили аудио— и видеозаписи выстрелов, крики людей в толпе и шум танковых моторов. Западное немецкое телевидение транслировало специальные выпуски передач. Теперь на самом деле не оставалось никаких сомнений о том, что Советская армия ввела свои войска в суверенное соседское государство.

Утром пришла детальная информация. Кроме советских войск в акции участвовали войска других армий Варшавского договора. Александра Дубчека арестовали, а правительству Чехословакии приказали явиться в Москву. Сопротивление небольшого числа демонстрантов было жестоко подавлено. Я каждый час записывал на пленку сенсационные новости, которые немедленно передавали в эфир. Примерно к десяти утра нас сменили, и мы смогли немного передохнуть. Но к обеду мы вернулись на свои рабочие места.

Теперь работать нам было значительно проще. В редакцию постоянно приходили новые сообщения, пояснения и репортажи свидетелей. Перуанский вручил мне пачку сообщений новостных агентств:

«Быстро переведи на русский и подготовь к эфиру».

«Может, лучше побеседовать со слушателями соответственно контексту передачи в открытом эфире», — осторожно предложил я.

Я рекомендовал этот формат сознательно, потому что тогда мне непросто еще было составлять прямые переводы с

английского языка. «Открытый диалог» был для меня проще.

«Да, так и сделай! — обрадовался шеф. — Это покажет наше лицо в отношении событий».

В первом комментарии я написал, что Кремль принял трагическое решение, о котором ему еще придется пожалеть. Разум напоследок победит. Чехи и словаки завоевали симпатии всего мира. Я не заставлял себя писать текст. Я делал это из собственного убеждения. Комментарий полностью и точно выражал мое личное мнение. Стратегия запугивания соседних стран, как это ранее происходило в Венгрии, а затем в Чехословакии, окончательно провалилась в Афганистане через одиннадцать лет. Демарш в Афганистане имел свои духовные истоки в Будапеште и Праге.

Комментарий транслировали в эфире. Поздним вечером мы собрались в кабинете директора, Роберта Така. Он объявил, что получил указания мобилизовать все силы для освящения событий в Чехословакии, и мы будем работать в две смены с восьми до полночи.

«И еще кое-то, — объявил шеф почти парадным голосом. — Мы получили указания полностью использовать мощность трансляторов “Радио Свобода”. Америка не экономит средств, чтобы преодолеть силу глушения».

На сей раз, в отличие от кризиса на Кубе, Запад не был готов поддаться провокации Москвы. Он не ответил силой. Вместо этого он решил применить идеологическое оружие и показать всему миру, и прежде всего самому Советскому Союзу, что Кремль не держит слово, наглядно показывал агрессивность коммунизма и экспансию советской внешней политики.

Эти слова постоянно звучали в антисоветской пропаганде, но сейчас они выглядели не как обычная риторика, подкрепленные видом танков в Праге. В этом смысле Запад принял правильное решение, потому что массовая пропагандистская кампания нанесла тяжелый удар коммунизму во всем мире.

Нам доверили выходить в прямой эфир в восемь вечера по Москве, и это был лучший эфир, потому что в это время у радиоприемников собиралась большая масса слушателей. До сих пор все передачи транслировали с пленки. Но сейчас на пути к этому плану возникли неожиданные трудности. Наши комментаторы категорически отказывались выходить в прямой эфир. Им трудно было преодолеть существующий психологический барьер. Одно дело читать с листа, зная, что тексты можно править, и совсем другое — обращаться впрямую к слушателю. Эта ответственность значительно больше. Вот тут Боб Так и вспомнил о нашей «ночной феерической акции» и в

особенности — о моих «героических» трудах.

«Хорошо, — сказал он заслуженным комментаторам. — Потренируетесь, а пока молодой человек будет вас замещать. Вы согласны, господин Туманов?»

Это был мой шанс, который я не мог упускать.

Первый эфир транслировали 23 августа. За стеклом, отделявшим студию от режиссерского пульта, собралось все руководство «Радио Свобода», включая президента радио Вальтера Скотта. Все заметно волновались, потягивая пиво или виски. Мои нервы тоже были напряжены до крайности. Впервые в истории «Радио Свобода» комментатор радио в эфире обратится к слушателям. Когда я, полный счастья, договорил свой комментарий, радости не было предела. Коллеги обращались ко мне с уважением и признанием. В тот же вечер руководство пригласило меня отпраздновать с ними событие в изысканном дорогом ресторане Мюнхена. Начиная с этого дня ровно в восемь я занимал место у микрофона:

«В эфире специальный обзор событий в Чехословакии. В студии “Радио Свобода” вас приветствует Олег Туманов. Мы сообщаем вам последние новости».

Сегодня я воспринимаю эти прошедшие события более ясно и спокойно. Но тогда чешско-советский конфликт мог спровоцировать еще больший конфликт. Помню, как размещенные в Баварии американские военные подразделения были приведены в полную боевую готовность. У нас в Мюнхене ходили слухи, что советские танки не остановятся в Праге, а продолжат путь дальше на Запад. До Мюнхена им было всего лишь два часа марш-броска. На радио возникла необоснованная паника. Некоторые сотрудники, которые были особо впечатлительны к таким новостям, пропали куда-то еще в тот же день. Другие сотрудники оправдывались «недомоганием» или придумывали другие причины… Прежние эмигранты еще не забыли, как Сталин поступал с им подобными в Германии. Сотрудник нашего бюро в Лондоне Леонид Финкельштейн, находившийся в командировке в Мюнхене, внезапно исчез, позвонив из Великобритании со словами:

«Не обижайтесь на меня, коллеги, но по эту сторону канала все же мне спокойнее».

В этот момент нам стало ясно, что на радио отсутствует хотя бы один фанатичный репортер, способный подготовить информацию на месте событий. Руководство требовало отправить корреспондента на границу с Чехословакией, где находились тысячи беженцев, но среди служащих не нашлось ни одного добровольца. У всех была какая-то отговорка, чтобы отказать.

Наконец к всеобщему облегчению выполнять эту миссию согласился один особый человек по имени Андрей Меньчуков. Он был спортивным комментатором и фрилансером и знаменит тем, что каждый день выигрывал по бутылке, соревнуясь в шахматы. Еще одной приметой Андрея было то, что он написал хорошую книгу о советском футбольном вратаре Льве Яшине и издал ее за собственный счет. Андрей настаивал, чтобы ему платили 100 марок за каждый репортаж, хотя радио было готово на значительно больший гонорар …

Сотрудников «Радио Свобода» упрашивали по телефону на короткое время предоставить жилье беженцам из Чехословакии. Я взял к себе семнадцатилетнего парня по имени Карел. Он провел у меня в Мюнхене две недели и вернулся потом домой в ЧССР.

Напряжение постепенно спадало. В Чехословакии продолжалась оккупация и строгая цензура. Нам необходимо было буквально из пальца высасывать информацию. На «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» постоянно появлялись журналисты, рассчитывая на новые сведения. Безусловно, они особенно интересовались сотрудниками чешской и словацкой редакций «Радио Свободная Европа», но наши сотрудники тоже были востребованы для интервью. Однажды я сделал репортаж для датского телевидения, после чего мой портрет был напечатан на целом развороте телегазеты в Дании.

Спустя некоторое время мы узнали, что наши неимоверные усилия увеличить мощность трансляции в эфире были практически втуне. Советские глушилки также увеличили свои резервные мощности. Эффект был равен нулю. Эта информация положила конец моим передачам в прямом эфире из студии.

Но энтузиазм «первопроходца в прямом эфире» не был забыт руководством «Радио Свобода». Я получил прибавку к зарплате, и через какое-то время меня послали в Великобританию на три месяца совершенствовать мой английский язык и улучшать знакомство с западным образом жизни. Естественно, это было на деньги радиостанции.

В конце 1968 года, получив согласие Алекса, с которым я договорился по телефону, и службы безопасности радио, я отправил свое первое письмо родителям. Я сообщал им, что работаю на американской фирме, что у меня все в порядке и обо мне не стоит беспокоиться, и что теперь мы можем писать друг другу регулярно. Мне было ясно, что до истинного адресата это письмо попадет в КГБ.

В начале следующего года я получил очень сдержанный ответ отца, который либо на самом деле считал меня предателем, либо получил соответствующие указания на Лубянке. В нашем

семейном архиве сохранился ответ на это письмо. Я его здесь привожу. Я отправил его 12 марта 1969 года из Мюнхена в Москву.

«Мои дорогие!

Только что получил ваше первое письмо. Я рад, что в определенной мере мы установили регулярный контакт. Я также очень рад, что вы все живы, даже если здоровье желает лучшего. Но о своем здоровье можно позаботиться.

Папа, твои слова о том, чтобы я вернулся с повинной, немного меня удивили. О каком признании какой вины ты говоришь? Неужели ты думаешь, что я действовал необдуманно и совершил такой важный шаг с закрытыми глазами? Нет, это было не так. В этот момент я думал обо всем и о вас тоже. Мне было понятно, что, возможно, мы никогда друг друга больше не увидим, и что я не смогу быть вам опорой в старости. Я знал это и все равно совершил этот бесповоротный шаг.

Я всегда мечтал о большом мире — о чужих странах, людях, встречах и путешествиях, которые мне не могла предоставить моя страна. Поэтому мне пришлось самому об этом позаботиться. И у меня это получилось. За три года я объехал пол-Европы, был в Африке, Англии и США. Я осуществил другую свою мечту. Сегодня я журналист, работаю на радио, в кино и телевидении. В ближайшее время в Швеции будет отснят фильм по моему сценарию. Мои передачи читают и слушают, пожалуй, тысячи, если не миллионы людей. Не стоило ли ради этого пойти на такой шаг?

Вы всегда говорили, что я должен учиться, или придется работать за мизерные сто рублей. Я учился, говорю на трех языках, работаю и зарабатываю не мизерные сто, а две тысячи рублей в месяц. Мой брат, который учился много лет, до сих пор не может позволить себе машину и стоит в очереди за двухкомнатной квартирой для своей семьи, где три человека. Я покупаю каждый год машину последней модели. Только что купил американский спортивный автомобиль и живу один в трехкомнатной квартире.

В следующее воскресенье я поеду на десять дней в отпуск кататься на лыжах, причем у меня есть выбор между Швейцарией, Австрией и Францией. Мои друзья в Советском Союзе в лучшем случае могут выбирать между Карпатами и Кавказом. Вы почувствовали разницу!

Мне не хочется во всем хвалить Запад. Здесь тоже есть немало плохого, но я нашел, то, что искал. Поэтому о возвращении не может быть речи. Я вернусь только в том случае,

если буду уверен, что мне дадут возможность опять приехать на Запад и обеспечат такую же свободу, какая у меня сейчас есть здесь. И это нельзя изменить.

Папа, что касается твоего здоровья, мне это немного непонятно. Поэтому я хочу проконсультироваться с врачом. Но он как раз в отпуске. Как только вернусь из Австрии (27 марта), сразу позвоню ему опять. Может, появились новые препараты, лечебные методики или натуральные травы. Все запишу и постараюсь отправить вам бандероль с лекарствами.

Также обязательно напишите мне ваши размеры. Здесь много красивых вещей, которые вам срочно необходимы. На сегодня это все. Надеюсь скоро получить ответ. Жду также писем от Игоря, Володьки, Тани и Тольки Яссявы. Пожалуйста, передайте им об этом.

Обнимаю и целую вас,

Ваш *Олег»*.

Когда я перечитываю это письмо сегодня, мне становится за себя стыдно. Он абсолютно неверное, смахивает на подхалимаж и глупое. В нем только одно соответствует истине — я всегда мечтал о путешествиях. С этой точки зрения моя мечта сбылась. В письме я сказал неправду о поездке в США, о моей работе в кино и на телевидении, о новых марках автомобилей, который я каждый год меняю. В то время у мены был всего лишь дешево приобретенный «Мустанг»

Но почему я все же говорил неправду? Письмо было предназначено в первую очередь американской и немецкой разведке, а уже потом моим родителям. Мне было противно писать эти глупости, но что мне оставалось? Даже в отношениях с самыми близкими родственниками разведчик должен руководствоваться в первую очередь интересами заданной миссии. Это и есть специфика этой чертовой профессии.

Кстати, письма, которые мне писали мои родные, тоже были частично продиктованы КГБ. Моего отца также соответственно «инструктировали». И он нехотя соглашался. Таковы были меры прикрытия.

Эти письма из Москвы означали, что советская разведка перехватила мой сигнал, помнит обо мне и активирует меня в заданное время. Я чувствовал, что осталось уже недолго.

И я не ошибался.

Часть вторая. «Радио Либерти», или Моя карьера у американцев в Мюнхене

Январь 1970-го в восточно-берлинском районе Карлсхорст.

Мы работали три дня в строгом уединении. Мы — это я и ведущие офицеры КГБ. В эти три дня мне предстояло усвоить огромный объем информации, запомнить задания на ближайшее и будущее время и освоить каналы связи. Я не должен был делать никаких записей, мне полагалось полностью и во всем положиться на свою память. В обычных условиях на запоминание имен, адресов и названий ушло бы несколько месяцев, чтобы они отложились в памяти. Но ситуация была экстраординарной. На инструктаж было отпущено всего три дня. После этого было еще четыре дня практической подготовки. Вероятно, ни один агент не обучался столь ускоренным курсом.

Я только успевал позавтракать, как Сергей появлялся в дверях, приветствуя меня как обычно весело и радостно:

«Доброе утро, мой идеологический враг готов к борьбе?»

«Готов», — отвечал я без особой радости, так как подобного рода торопливые акции мне не особенно нравились. Множество новых документов и информация, которую я только принимал к сведению, не отдавая отчет в их сущности, были попросту обременительны. Но другой возможности не было, необходимо было работать.

Мы садились за стол против друг друга. Сергей доставал из портфеля документы и фотографии. Очевидно, у него было досье на всех оперативно интересных сотрудников «Радио Свобода». По фотографиям моего руководства, он характеризовал каждого подробно и рекомендовал стиль поведения с каждым в отдельности. Он предупреждал меня об опасностях, исходящих от некоторых, и советовал тех, с кем мне надлежало подружиться.

«Это Перуанский, твой непосредственный начальник, постарайся с ним ладить, но держись на дистанции. Он играет “хорошего друга”, но фальшив и хитер, как большинство азиатов. Если ему это будет выгодно, он вставит тебе кол в задницу. За свою карьеру он продаст всех и вся. Перуанский никогда не был в России, а родился в семье врача-эмигранта и мамы-иранки. Он состоял членом НТС, но формально вышел из партии, чтобы делать карьеру на “Радио Свобода”. Он участвовал в различных акциях против нашей страны.

Присмотрись хорошенько к Олегу Красовскому. Он тоже состоял в НТС и по имеющейся у нас информации активно работал советником американской контрразведки в Юго-западной Азии. До поступления на “Радио Свобода”, Виктор и Татьяна Вербицкие сотрудничали с американской военной контрразведкой и, возможно, до сих пор сохранили там контакты.

Запомни, что в квартире у тебя всегда могут установить подслушивающие устройства. Поэтому вдумывайся, о чем говоришь по телефону. Присматривайся к людям и опасайся тех, кто навязывается тебе другом. Будь с ними дружелюбен, но осторожен».

Первая задача, поставленная Сергеем, состояла в том, чтобы собрать информацию об Отделе Х-мониторинга, который отвечал за перехват переговоров между частями группы советских войск в Германии и Восточной Европе. Сначала мне необходимо было составить как можно более полное впечатление о сотрудниках этого отдела — методично узнать адреса, привычки, слабости, номера автомобилей и т. д. После этого пытаться проникнуть дальше…

«Но умоляю тебя, Олег, — советовал мне мой ведущий офицер, — сохраняй холодную голову. Никогда не проявляй особого интереса. Оставайся в тени и не вызывай малейшего подозрения. Все должно складываться естественно, как бы само по себе. Идеально найти среди них хорошего друга, которого ты не вызывал бы на разговор, а он сам рассказывал тебе много полезного. Помни, контрразведка противника плотно охраняет все эти объекты. Если они в чем-то тебя заподозрят, это дорого может тебе обойтись. Наша профессия в первую очередь означает терпение».

«Мы ни к чему тебя не призываем, — продолжал Сергей. — И никуда не торопимся. Что не успеем сегодня, доделаем завтра. Вся жизнь впереди. Важно удержаться на радио как можно дольше. Знай, что для Центра ты очень много значишь».

После короткого перерыва на обед мы снова принимались за работу — имена, фамилии, отзывы, фото, советы и адреса …моя голова шла кругом.

Когда я много позже анализировал эту встречу в Карлсхорсте, мне казалось, что мои ведущие офицеры не только меня профподготавливали, но и промывали мозги, внушая, что «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» — это пристанище матерых и опасных врагов моей родины, чья судьба зависит от моей работы. Все это происходило вполне прямо, без намеков, в особенности, когда разговор шел о преступниках Второй мировой войны, которые нашли себе пристанище на радиостанциях. В

данном случае в отношении меня не требовалось никакой особой агитации, так как большинство людей моего поколения испытывали неприязнь к подобным людям. Труднее было враждебно настроить меня к эмигрантам «первой волны». Со многими из них я уже дружил и ценил за ум, высокие моральные качества и настоящую, неподдельную любовь к России. В качестве «отягчающего» обстоятельства мне приводился аргумент: «Они продались американской контрразведке». «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» на самом деле использовали в качестве филиалов, и какие еще нужны были доказательства? Эти обвинения не проверялись. Касательно эмигрантов «третьей волны»: речь шла в основном о диссидентах и лицах еврейской национальности, эмигрировавших в Израиль и оттуда перебравшихся на работу в Мюнхен. КГБ имело возможность дать характеристику каждому по имеющимся следственным материалам. Цель была любыми существующими способами убедить меня в том, что я окружен врагами, с которыми должен беспощадно бороться.

По всей видимости, ведущие офицеры действительно обрабатывали меня в течение всех последующих лет в этом направлении, каждый в силу своих возможностей. Не хочу утверждать, что я принимал все за чистую монету, но капля точит камень… В любом случае я ни на минуту не задумывался, что служу правому делу.

На четвертый день Сергей представил мне нового инструктора — пожилого, замкнутого мужчину в темно-сером костюме, безусловно, советского производства. Без обходных путей он объяснил мне, что займется вопросами так называемого наружного наблюдения. Он вынул из небольшого портфеля стопку снимков, разложил их передо мной. Я был поражен: как удалось так тщательно фотографировать меня в Карлсхорсте? На снимках явно было видно, как мы с Сергеем покидаем конспиративную квартиру, садимся в машину и едем по улицам (на снимках видны были номера автомобиля и названия улиц). Снимки свидетельствовали, как мы посещаем книжный магазин Военторга. Я стою у книжной полки, листая брошюру, при этом беседуя с Сергеем. Но я помнил абсолютно точно, что никого в магазине рядом не было. Каким трюком те воспользовались?

«Вы чувствовали себя в Карлсхорсте почти как дома, — сообщил мне новый учитель. — Вы не были внимательны и не следили за окружающими. Вы не ощущаете за собой никакой вины, но дело примет серьезный оборот, когда речь пойдет о вашей личной безопасности, и, что еще важнее, безопасности людей, связанных с вами. К слову, Сергей тоже не отличился

бдительностью. Он только раз заметил слежку, когда выглянул из окна книжного магазина.

В качестве первого упражнения пойдете на прогулку. Выбирайте маршрут на ваше усмотрение в Карлсхорсте, но следите, идет за вами наблюдение или нет. Мои коллеги всегда будут сопровождать вас на небольшом отдалении».

Целых два часа мы с Сергеем прогуливались по темному району города. Несмотря на все усилия, я не замечал внешнего наблюдения. Мне казалось, что мы ушли от слежки, но, только вернувшись домой, рядом внезапно появился мой новый знакомый.

«Итак, где вы меня видели?»

«Нигде», — ответил я беспомощно.

«Могу вам точно описать маршрут, который вы сами выбрали. Мы за вами следили втроем. Вы что-то заметили?»

Я вспомнил двух типов, которые показались мне странными.

«Нет. Это ошибка, — указал он мне на мое заблуждение. — Но не теряйте надежды. Мы еще успеем потренироваться».

Затем следовала многочасовая лекция о наружном наблюдении и методах ее своевременного предупреждения и избегания. Мне не хочется преподать здесь еще один урок на эту тему, потому что это не раз предлагалось в книгах подобного жанра. Однако думаю, что методы ухода от наружного наблюдения весьма похожи у всех разведок мира. На следующий день мы с Сергеем предприняли своего рода экскурсию по городу на его машине. По возвращении домой меня спросили, заметил ли я по дороге наблюдение, и, к своему стыду, я вынужден был сознаться, что ничего подозрительного не обнаружил. Я никак не мог даже предположить, что во время этой экскурсии со мной проводили экзамен.

«Ты должен к этому привыкнуть, — советовал мне мой учитель укоризненно. — Постоянно думай о наружном наблюдении и убеждайся, что за тобой не идет хвост. Но не дай этого почувствовать».

«Профессор обсервации» продемонстрировал мне еще много практических примеров «на местности» и научил некоторым трюкам, как в мгновение переодеваться, меняя внешность. Вечером мы оценивали усвоенные днем «операции». Однажды он похвалил меня, что мне удалось уйти от его сотрудников и добраться до цели, т. е. входа в дом, без наблюдения. Эта неудача его людей тяжело задела «профессора».

Следующим учителем был «химик». Это имя я сам ему придумал. Он был специалистом по шифрам и тайнописи. «Химик» обучил меня владению блоками шифров и другими

оперативными техниками, спросив:

«Почтовые марки случайно не коллекционируете?»

«Нет».

«Жаль. Советовал бы вам это занятие. Потому что тогда у вас появится оправдание обзавестись профессиональной лупой».

Хочу объяснить, что ранее Центр выбрал обычный путь доставки новых сообщений обычной почтой. Письма, которые отправляли из Австрии, Италии и других стран, приходили с определенным знаком. Заметив такой знак, я осторожно отпаривал конверт, где между клейкими сторонами находилось зашифрованное до «микрона» сообщение, текст которого был виден только под увеличительной лупой. Конечно, мне могли предложить «маслину» — специальную лупу в миниатюрном исполнении. Но «маслина» считалась оперативным оборудованием контрразведок и нежелательным предметом, который могли найти органы следствия в случае внезапного или тайного обыска квартиры.

«Займитесь коллекционированием марок и приобретите себе лупу», — посоветовал мне «химик». «Таким образом сможете совместить полезное с приятным».

Кстати, этим я и занялся, и никогда не пожалел. Через несколько лет я стал обладателем завидной коллекции русских и советских марок, среди которых были раритетные экземпляры. Например, мне удалось найти первую марку, напечатанную в предыдущем столетии. Я стал заядлым филателистом и коллекционировал, кроме этого, русские денежные купюры и акции, а также военные знаки, ордена и медали русской армии. В Париже, Лондоне, Копенгагене и Вене я прочесывал антикварные лавки, пополняя свою коллекцию, прекрасно сочетая хобби с опасной профессией. Видимо, без особого плана, прогуливаясь по этим антикварным магазинам до встреч со связными из Центра, я имел возможность убедиться, что за мной нет наружного наблюдения. Я всегда прислушивался к советам, которые получил в Карлсхорсте, и тщательно предупреждал наблюдение за собой, особенно перед тем, как предстояла встреча со связными.

Моя подготовка близилась к завершению. Поздно вечером Сергей предложил мне посмотреть советский кинофильм. Мы поехали на его машине в представительство «Совэкспортфильма» в Берлине, где в столь поздний час находился только привратник, «наш человек» в лице сотрудника охраны, и оператор, который демонстрировал ленту. Мы заняли места в небольшом уютном зале. Перед нами был накрыт богатый стол с закусками и бутылка коньяка. Мы смотрели фильм, закусывали и пили. Так же

происходило в мои будущие приезды: изысканный ужин и новый советский фильм в качестве «десерта». Мои ведущие офицеры так убивали одним залпом двух зайцев. Идеологически меня подковывали и держали меня в хорошем настроении. Это они ловко придумали.

В качестве маршрута возвращения на Запад я мог выбрать между Копенгагеном, Веной и Брюсселем. «Это проверенные маршруты», — объяснил мне Сергей. Я выбрал Копенгаген, где у меня были знакомые, на которых я мог всегда сослаться для алиби о моем внезапном приезде в датскую столицу. На моем авиабилете не было никаких особых отметок, кроме небольшой описки в моей фамилии. Вместо Туманова там значилось что-то вроде Турнов или Темнов.

В аэропорт Шенефельда я ехал в сопровождении Сергея, хотя, вероятно, поблизости находились сотрудники безопасности. Сергей посоветовал мне убрать паспорт во внутренний карман и передал мне пустой паспортный чехол. При переходе границы он показал свое служебное удостоверение, при виде которого пограничник кивнул, разрешая ему беспрепятственно пересечь границу. Я показал свой пустой чехол, пограничник внимательно изучил «мою» несуществующую фотографию, поставил печать в «паспорт» и разрешил мне пройти в транзитную зону. При оформлении багажа повторилась та же процедура.

Перед вылетом за чашкой кофе я вернул Сергею пустой паспортный чехол. Мы сдержанно попрощались, и я последовал на борт.

В Копенгагене я на день разместился в гостинице скандинавских авиалиний SAS, приобрел фотоаппарат «Nikon» со всеми прилагающимися объективами. Этот аппарат я предпочел камере «Minox» и другим маркам малогабаритных камер из-за личной безопасности. «Nikon» не вызывает подозрений, но придает владельцу респектабельность и великолепно подходит для съемок документов. Позже я не пожалел о своем выборе.

В нашей профессии многое зависит от случая и обстоятельств, если не сказать удачи. Будучи во всех отношениях прекрасно подготовленным, агент может ничего не достичь исключительно из-за того, что судьба не улыбается ему и не протягивает руку. В то же время среднему и посредственному по своим качествам сотруднику контрразведки удается карьера, потому что ему выпадают все козыри. Без особых усилий он приобретает важные источники информации, не подтверждавшиеся ранее «оперативным ресурсом». Коллеги «горят на задании», их высылают из страны, с большим шумом, или арестовывают. А «счастливчик», который никогда не

заботился о конспирации, остается незамеченным контрразведкой. Ему почему-то сыплются на голову награды и повышения.

Безусловно, это касается чаще всего офицеров легальных представительств, которые работают по заданию под прикрытием дипломатических и торговых миссий, представительств авиакомпаний и зарубежных фирм. Но им тоже нужна удача. Когда она им выпадает, и они понимают, как с этим обращаться, тогда дело в шляпе.

Как уже сказал, я тоже родился под счастливой звездой.

По завершении первого года работы на «Радио Свобода» я однажды спускался по лестнице из библиотеки в свой отдел и на ступеньках увидел портфель, который кем-то был потерян. Его мог обнаружить любой человек, но почему-то им оказался я. Такого рода находку следовало сдать в службу безопасности. Но из любопытства я открыл портфель и обнаружил в нем немного денег и паспорт на имя Юджина Парта. Еще минуту до этого этот гражданин сидел рядом со мной в библиотеке, перелистывая советские газеты.

Что делать, рассуждал я? Вернуть находку владельцу? Возможно, кто-то проверяет меня на благонадежность и за нарушение предписаний не погладит меня по головке? Так что же делать? Вернуть портфель в службу безопасности, да и все дело? Но если потерпевший потерял портфель случайно, у него возникнут неприятности. Я решил сначала вернуться в библиотеку.

Я удивился неприкрытой радости и явной благодарности Юджина Парта. На его лице был написан страх. Как мог я тогда предположить, что скоро он станет заместителем Макса Ралиса и позже заместит его на посту главного агента ЦРУ на «Радио Свобода»? Его кандидатуру как раз утверждали на эту должность. Потеря портфеля могла серьезно отразиться на будущей карьере.

Вот так состоялось наше почти двадцатилетнее знакомство. Когда в этом была необходимость, я пользовался им в своих интересах или, правильнее сказать, в интересах советской контрразведки.

Другой сотрудник отдела Макса Ралиса, с которым я поддерживал хорошие отношения, был Джордж Перри — поляк и бывший сотрудник военной контрразведки США. Его позднее уволили с «Радио Свобода» из-за серьезного трудового нарушения. Я часто проводил с ним время в Клубе морских пехотинцев в Мюнхене, где мне нравилась царящая там уютная атмосфера элитных заведений. Будучи ангажированным сотрудником Отдела исследований мнения слушателей, Джордж

часто интересовался у меня, как я отношусь к той или иной передаче. Как постоянный сотрудник «Радио Свобода», я всегда пытался держаться подальше, считая несправедливым заниматься критикой своих коллег. Но Джордж убеждал меня, что мое мнение останется анонимным и только одной крупицей в многотысячной мозаике мнений, их которых сложится полная картина. Я по-прежнему отклонял его предложения, но так, чтобы не обидеть его и не обременять наши отношения. Однажды он поинтересовался:

«Олег, а ты встречаешься с советскими гражданами?»

«Не дай бог, — отмахнулся я. — Держусь от них подальше».

«Ты неправильно смотришь на вещи, — парировал разочарованный Джордж Перри. — Они не все работают в КГБ. Чего ты боишься? Нам необходимо знать, что они думают о наших передачах. Вот анкета. Пообщайся с советским гражданином и заполни форму. Неплохо будет, если узнаешь имя отчество, фамилию и адрес собеседника. За каждую заполненную анкету, кстати, мы платим гонорар».

Не хочу сказать, что с этого момента я с радостью постоянно опрашивал радостных советских туристов в Германии, но пару раз это случалось. Однажды я представился немецким журналистом и, разговаривая намеренно по-русски с акцентом, взял интервью у известного советского хоккейного вратаря. Я спросил его, помнит ли он передачи «Радио Свобода», и увидел, как он глубоко задумался, ничего не припоминая. Я был уверен, что мне обязательно нужно что-то придумать. Я сам выдумал радиопередачу, которую вратарь якобы слушал, и заполнил анкету своими словами. Отдел исследований радовался, заплатив мне гонорар в двадцать долларов. Позже я убедился, что почти все информанты Макса Ралиса, разбросанные по всему свету, действовали так же. Пользуясь именем существующего советского гражданина и узнав немного о нем самом, возможно было дать волю собственному воображению и получить за это двадцать долларов.

Кстати, однажды в кабинете Джорджа Перри я случайно заметил забытый список таких информантов «по совместительству», занимавшихся Исследованием мнения слушателей. В списке было около ста имен. Я заснял его и передал в Центр. Позже мне сообщили, что список использовали в Москве как доказательство Леониду Брежневу, что за границей западные контрразведки ведут пристальное наблюдение за советскими людьми.

Через Джорджа Перри я попытался проникнуть в засекреченный Отдел Х, о чем просил меня Сергей в Карлсхорсте.

В этом требовалась с самого начала огромная осторожность. Исключены были прямые вопросы по теме. Но я не мог себе позволить дожидаться следующего удобного момента. Я начал со сбора отрывочной информации о том и тех, кто там работал. Мне долго не удавалось узнать ничего полезного, кроме разных слухов. В старом здании на Лилиенштрассе и позже на Арабеллаштрассе сотрудники Отдела «Х» намеренно себя изолировали и не шли ни на какие знакомства, избегая при этом посещения совместной столовой.

И вот мне на пользу пришел случай. Вилли Клумп пригласил меня на званый вечер. Я в то время встречался с сестрой знаменитого американского киноактера Юла Бриннера, Катей, которая работала у нас секретарем. Мне полагалось сделать свой взнос. «Вы же с Катей могли бы наготовить пельменей, — предложил Вилли. — Наташа будет отвечать за борщ, а я за водку». Наташа, чью фамилию я здесь не хотел бы называть, была секретарем президента «Радио Свобода», а ее супруг, как я позже узнал, был ответственным руководителем Отдела «Х».

Его звали Андрей и, к моему счастью, он был большим любителем алкоголя. Когда компанейская посиделка достигла своего апогея, он был в доску пьян и лежал под столом. Мы отнесли его этажом ниже в крохотную комнатку, которую мне когда-то любезно предоставил Вилли. Часа через три я вернулся проведать Андрея. Он с трудом открыл глаза и поинтересовался:

«Где я?»

«В соседней квартире. Мы подумали, что тебе здесь лучше немного отдохнуть».

«Боже, — простонал он. — Надеюсь, что я никого не обидел».

«Не переживай ни о чем. Все в порядке. Твоя жена уже дома. Вилли посчитал, что тебе лучше тут переночевать».

«Вы все ку-ку!», — запротестовал он слабо и снова погрузился в сон.

В следующее воскресенье Андрей утром пригласил меня по телефону позавтракать вместе. Наташа накрыла на стол: яичница с беконом, горячие пирожки и бутылка легкого вина, а сама ушла с детьми на прогулку. Не успела она выйти за дверь, как Андрей отодвинул со стола вино и чудесным образом и натренированным приемом поставил на стол здоровую бутылку водки «Smirnoff». Он налил два больших стакана и залпом выпил половину. Я только пригубил.

«Я дернул лишнего в прошлый вечер, — извинился Андрей, — а ты помог мне выйти из глупого положения, за что я тебе благодарен. У нас не принято друг друга выручать. Когда есть возможность набить морду, все бьют, а чтобы как-то помочь

человеку, об этом не может быть и разговора… ты здесь еще новичок и ничего не понимаешь. Рассказать тебе что-то?»

Я поднял свой стакан с чаем и чокнулся с Андреем. Вторым залпом, он опустошил стакан с водкой, став после этого еще разговорчивее.

«Да я перепил, — объяснил он. — Но я ничем не рисковал, потому что меня пригласили на вечеринку американцы и в большинстве там только они были. Они не закладывают, все понимают. Держись американцев, тогда у тебя все будет в порядке. Как у меня».

Многозначительным жестом он очертил свое именье, будто мы находились не в обычной квартире, а в огромном дворце.

«Все не так просто, как ты, вероятно, предполагаешь. Пока ты еще молод, постарайся карабкаться вверх. Пытайся делать карьеру во что бы то ни стало. Зубы зажми покрепче, разгребай себе путь локтями и устраняй конкурентов. Если чуть замешкаешься, чтобы глотнуть кислорода — те, что быстрее и умнее, в миг отбросят тебя далеко назад. Тогда тебе придется работать на них».

История Андрея, оказавшегося на Западе, типична для людей его поколения. В 1942-м в рядах Красной армии он оказался на Восточном фронте и попал в немецкое окружение. В концентрационном лагере, чтобы избежать почти верной казни, он согласился вступить в ряды армии генерала Власова. В Баварии он опять попал в плен к американцам и только чудом избежал депортации в Россию. Он зарабатывал на жизнь чернорабочим, научился печатать на пишущей машинке и каким-то образом приземлился в Отделе «Х». Сейчас он был полностью уверен в жизни.

«Видишь, у меня получилось, — повествовал мой знакомый, еле ворочая языком. — Я приглянулся американцам, и они наняли меня на ответственную работу. Радионаблюдение! Да, так и есть …»

«Видимо, я тоже им понравился, потому что они меня наняли. Кстати, что ты имеешь в виду под радионаблюдением?»

Мой вопрос звучал безобидно и при сложившихся обстоятельствах и не вызывал удивления. Будто двое хороших знакомых выпивают и болтают. Почему не задать друг другу интересующие по работе вопросы?

«Радионаблюдение? — с энтузиазмом подхватил Андрей. — Это совсем обычная работа! Прослушиваю целыми днями пленки и записи переговоров советских военных по радиотелефону. Отвечаю только за определенные телефонные линии, поэтому точно знаю своих клиентов по ту сторону границы, будто они мои

хорошие друзья. Узнаю их голоса, настроение, знаю все детали их семейной жизни, в курсе их рабочих дел. Знаю, кого повысили, а у кого проблемы и трудности. Рабочая информация, конечно, передается в зашифрованном виде по специальным телефонным каналам, но и эта информация, которую мы получаем, имеет важность для аналитиков разведки. Мне полагается перехватывать разговоры и коротко комментировать их содержание».

Этот продолжительный завтрак с водкой за столом стал началом наших дружеских отношений. Теперь я мог посещать Отдел. Андрей знакомил меня с другими сотрудниками. Иногда я приглашал его пообедать вместе. Он быстро напивался и становился разговорчив. Мне не составляло особого труда узнать у него то, что мне было необходимо.

Все сотрудники Отдела «Х», за исключением одного слепого немца, были моими соотечественниками. Записи поступали из Лампертсхайма, где располагались радиоантенны «Радио Свобода» и находилась станция радиоперехвата. В отделе проводилась редакция радио записей и первый анализ. Андрей не преувеличил, что немало знает о русских офицерах, слушая их телефонные переговоры месяцами, если не годами. Это американцы хорошо организовали. Таким образом, путем анализа и обработки информации о советской группировке войск, дислоцированной непосредственно рядом с войсками НАТО, они контролировали ситуацию. На основании радионаблюдения, пользуясь материалами переговоров, учитывая, что советские офицеры, несмотря на инструкции, к сожалению, не всегда соблюдали конспиративные рекомендации, американская контрразведка готовила подробные личные досье на каждого. Об этом я подробно доложил Центру.

Как следовало из разговора с Андреем, судя по всему, мои замечания не остались в Москве без внимания. Андрей жаловался, что его работа усложнилась потому, что русские сменили частоту переговоров и ограничили их продолжительность. Помимо этого, они стали чаще говорить шифрами. Безусловно, это меня радовало, но с другой стороны, это насторожило американцев. Отдел «Х» вскоре сместили на территорию американской контрразведки в казарму МакГроу, охраняемую военной пехотой. С этого момента я реже контактировал с Андреем и его коллегами, но постарался не упускать его полностью из вида.

Тут, я считаю необходимым немного прервать воспоминания о своей жизни, чтобы объяснить читателю, о чем же на самом деле идет речь при упоминании «Радио Свобода».

Большинству граждан Запада это название незнакомо даже на слух. В противоположность этому в СССР из-за развернутой против нее пропаганды «Радио Свобода» было очень популярно. В умах наших граждан организация стояла на одной ступени с ЦРУ, Пентагоном, НАТО, всем международным терроризмом, мировым сионизмом и идеологическими диверсиями. То есть всем, что означало смертельную опасность для советского государства. Глушение мощностей передач «Радио Свобода» обходилось в миллионы рублей. Для дискредитации «Радио Свобода», власти обращались к лучшим журналистам, писателям и телевизионным комментаторам страны. Крупнейшие советские газеты нелестно отзывались о так называемом «змеином гнезде» Запада. О «Радио Свобода» издавали книги, снимали фильмы и защищали диссертации. Меня это заинтересовало, когда я вернулся в Москву. Казалось, что все вертятся вокруг одной и той же мельницы. Одни и те же факты, примеры, имена. Вместо новых аргументов приводились ссылки на глупые догадки и недоказанные факты, перевернутые с ног на голову.

В особенности в этом преуспели два зарубежных корреспондента газеты «Известия». Им однажды удалось посетить бюро «Радио Свобода» в Мюнхене, коротко переговорив с директором пресс-центра и отдела работы с общественностью Робертом Редлихом. На мой взгляд, эта беседа несла чисто информативный и протокольный характер. Но оба москвича почувствовали себя после этого настоящими героями. Они же проникли в пасть к лютому тигру! Много лет спустя они публиковали детали своего «героического визита» в различных газетах, журналах и брошюрах, фактически пользуясь сведениями, предоставленными не кем другим, как Лубянкой: т. е. отягчающий материал о сотрудниках радио, предоставленный в форме нелепых интриг, недоразумений и простых слухов, из всего «набора страстей». Из всего этого они сфабриковали «разоблачительные» статьи.

Кто пробовал читать это писательство, чтобы оценить пользу такого бракодела и навязчивой пропагандистской кампании? Эффект складывался прямо противоположный тому, которого добивался ЦК КПСС: слушатели находили радиоволну «Радио Свобода» из любопытства и старались слушать голос из Мюнхена вопреки глушению. Чем больше «Радио Свобода» осуждали публично и гласно, тем больше рос к ней интерес. Только сумасшедший не понимал этого.

В одной своей сводке в Центра я усомнился, стоит ли глушить «Радио Свобода»? Ведь это было недешевым занятием: расположенные на территории всей страны радиоантенны

глушения употребляли значительное количество электроэнергии. Я слышал, что для производства этой электроэнергии вблизи Москвы была построена целая электростанция. Это нужно было себе представить! Все эти затруднения всего лишь для того, чтобы глушить нецензурные новости. Я написал в своей сводке, что неэкономично и идеологически нецелесообразно глушить радиостанцию. Кто захочет слушать «Радио Свобода», «Немецкую волну», «Голос Америки» или «Би-Би-Си», изыщет себе такую возможность. Когда политический режим запрещает своим гражданам какую-то информацию, он этим только проявляет свою слабость.

Тогда из Москвы не поступило никакой реакции на мое предложение. Быть может, оно затерялось на столе кадровика среднего ранга на Лубянке. Я не знаю. Когда я поинтересовался у своего ведущего офицера на очередной встрече в Карлсхорсте о судьбе своей сводки о ненужности глушения, в ответ я слышал, что лучше не вмешиваться.

Такова была одна сторона дела. Что же касается другой …

Руководство коммунистической партии Советского Союза «Радио Свобода» беспокоило неспроста. Известно, какие силы спрятались за фасадом Радио, кто призвал их к жизни и с какими намерениями. Сегодня можно много говорить о свободе голоса, информации и слова. Несомненным остается факт, что «Радио Свобода» (РС) и «Радио Свободная Европа» (РСЕ) являлись продуктами холодной войны и способами «ведения психологической войны», тесно связанными с контрразведками Соединенных Штатов.

Понятно, что мой голос не созвучен сегодняшнему языку и звучит как старый. Но зачем скрывать правду из-за новой политической конъюнктуры?

Тут я привожу некий скетч истории создания радиостанции. Летом 1950 года впервые на болгарском, венгерском, польском, чешском, словацком и румынском языках в Европе раздались слова: «Мы несем хорошие и плохие новости, но они всегда соответствуют правде». Так начались регулярные передачи «Радио Свободная Европа». Основателями радиостанции выступили некие *частные лица*, призвавшие к жизни «*частную» организацию*, занявшуюся проблемами политических беженцев в Восточной Европе. Эти частные персоны были Дуайт Д. Эйзенхауэр, Генри Форд (мл.), Нельсон Рокфеллер, Алан Даллес, Уильям Донован, а также другие генералы, дипломаты и банкиры. В качестве коллективного основателя выступала организация «Поход за свободой» (позднее «Национальный комитет свободной Европы», а еще позднее «Комитет свободной Европы»). Председатель

комитета Чарльз Д. Джексон не скрывал правду: «Мы хотим создать условия дестабилизации внутреннего порядка на территории стран вещания».

В 1951 году президент США Трумэн подписал закон о финансировании деятельности «особых персон» из СССР и восточноевропейских стран, поддержавших послевоенную стратегию и тактику Соединенных Штатов. Практическая работа с эмигрантскими организациями была целиком и полностью доверена американским контрразведкам. Поправка Трумэна № 165 одобрила им финансирование в размере ста миллионов долларов в год.

Создание «Радио Свободная Европа» практически не принесло никаких трудностей американским разведкам. Сложнее было с «Радио Свобода», названной сначала «Освобождение».

Организаторы Радиоволны непременно задумали, чтобы ситуация выглядела, будто инициатива создания исходит исключительно от «эмигрантов из СССР» и Радиостанция представляет самостоятельные идеи, не связанные с контрразведкой и американским МИД.

В канун 1949 года американская общественная газета сообщила, что группа эмигрантов из Советского Союза 8 декабря 1948 года основала «Американский комитет свободной России». Созданию Комитета сопутствовала программа. В ней писалось, что вновь созданную организацию нужно воспринимать как «убежденного защитника демократии американского, французского и английского образца». Помимо этого, было заявлено, что Комитет отказывается от сотрудничества с группами русских эмигрантов, «пособничавших фашистам».

До 1950 года пресса ничего не сообщала о деятельности этой новой организации. Затем она появилась под вывеской «Американского комитета освобождения от большевизма». Исаак фон Левин, представитель Комитета и известный политик сионистского движения, объявил: «Мы заинтересованы в создании единого фронта антикоммунистической пропаганды и борьбы с большевизмом».

На сей раз речь шла о совместной платформе всех эмигрантов, даже являвшихся прежде военными преступниками или уголовниками. Единственным условием была «борьба с большевизмом» (таким образом отхватывался большой кусок пирога от Поправки Трумэна № 165) и безоговорочное признание ведущей роли американского МИД, правильнее сказать — разведок.

1 марта 1953 года «Радио Свобода» (тогда еще «Освобождение») впервые вещала на Советский Союз.

Радиостанция была зарегистрирована как «некоммерческое частное радио и голос бывших советских граждан, обращавшихся к соотечественникам из-за границы». В архиве «Радио Свобода» не обнаружить никаких записей первых вещаний в начале марта 1953 года, но, как мне рассказывали, передачи начинались с тиканья метронома, после чего диктор объявлял: «Сегодня, такого-то месяца, дня и часа 1953 года Иосифу Сталину исполнилось столько то лет, месяцев, дней и часов. В Москве сейчас столько-то часов. Радио “Освобождение” начинает свою специальную передачу».

Сталин умер 5 марта. С этой датой у «Радио Свобода» связано много легенд. Некоторые ветераны Радио считают, что начало радиовещания ускорило кончину диктатора.

Уже в середине пятидесятых годов к работе на «Радио Свобода» стали привлекать так называемых представителей послевоенной эмиграции, в частности членов «Комитета объединенных бойцов Власова», «Антибольшевистского объединения крымских татар» и «Военного союза освобождения России», то есть людей, которые во время Второй мировой войны активно сотрудничали с немецкими фашистами. Таким образом, в 1948 году окончательно исчез лозунг «Американский комитет борьбы за свободную Россию». Сотрудники спецслужб не смогли собрать среди «не обремененных» эмигрантов достаточно лиц, подходящих для пропагандистской работы. Поэтому было решено прикрыть глаза на грязное прошлое большинства представителей «послевоенной эмиграции».

Цель оправдывает средства. А цель была поставлена высокая — уничтожение коммунизма.

И ради этой цели под одной крышей объединили старых монархистов, вне зависимости, были они отпрысками знатных фамилий или нет, с полуграмотными людьми Власова. К ним примешали бежавших из СССР эмигрантов — представителей еврейской интеллигенции и пособников фашистской полиции, способствовавших их уничтожению во время Второй мировой войны, а также убежденных борцов с большевизмом из рядов НТС и так называемых «перемещенных лиц» без ясной политической позиции. Чтобы скрасить, если не разгладить все противоречия так, чтобы телега тянула в одну сторону, американцы прибегли к давно испытанному методу — всем сотрудникам РС назначили высокий оклад. Они получали не только больше, но значительно больше, чем журналисты немецких и американских радиостанций.

Мой годовой доход в 80-е годы составлял 150 000 немецких марок. Это больше, чем получал премьер-министр Баварии, и я не

относился к категории наиболее высокооплачиваемых лиц. В начале карьеры я получал в месяц 980 марок. Это звучит немного, но тогда в столовой на одну марку можно было плотно пообедать.

Деньги, бесплатные квартиры, виллы, облегчения в выплате налогов и льготные страховки — все это крепко привязывало людей к их работе, заставляя забыть прежние симпатии и антипатии, держать язык за зубами и безоговорочно выполнять любые поручения. Так было и так осталось. Сегодня сотрудники Радиостанции ведут энергичную борьбу за сохранение «Радио Свобода», несмотря на то, что она выполнила свою миссию, не в последнюю очередь из-за страха потерять доходную работу. Для большинства из них вряд ли существует возможность еще раз так хорошо устроиться.

«Американский комитет освобождения от большевизма» и его филиал РС/РСЕ получали большое финансовое довольствие, когда Хауланд Сарджент был избран новым председателем комитета. Этот человек более других подходил для данной кандидатуры. Он был юн и полон амбициозных планов, с прекрасными связями в высших эшелонах власти, так как он какое-то время работал советником МИД. В прошлом его хорошо знали в мире разведок как руководителя Техно-промышленной комиссии контрразведки армии США.

От Сарджента исходили первые директивы по работе «Радио Свобода». Позднее их исправляли и меняли, но суть осталась прежней. Ее можно обобщить следующим образом: «Сотрудники Радиостанции обеспечивают, что слушатель не видит связи между передачей и американцами или, еще хуже, ЦРУ. Радиостанция добивается солидности и уважения, не вызывая никаких сомнений в правдивости и надежности передач. Слушатели должны встречать радио у себя дома как желанного гостя. Поэтому тон передач должен быть дружественным, без всякой агрессии или плохо выверенных и противоречивых фактов. Сотрудники завершают передачи знаком вопроса. Чем критичнее и неприятнее факты, тем больше сотрудникам следует избегать эмоций во время передач. Сотрудникам не надлежит использовать выражения, наносящие обиду советскому слушателю. Сотрудники воздерживаются от любой полемики с советскими СМИ и другими подобными». Точные инструкции составили примерно пятьдесят машинописных страниц. Главная цель состояла в том, чтобы похоронить веру слушателей в коммунистическую идеологию, вызвать сомнения и недовольство, таким образом, чтобы подготовить почву для смены общественного порядка.

Вместе с этими директивами Хауланд Сарджент назначил ряд

мер, предполагавших тяжелые штрафы в случае раскрытия информации о связях и источниках финансирования РС/РСЕ. В связи с этим 15 марта 1971 года «Нью-Йорк Таймс» написал: «Раньше или позже все сотрудники “Радио Свобода” и “Радио Свободная Европа” обязаны подписать документ следующей формулировки: «Нижеподписавшийся был информирован о том, что “Радио Свобода” является объектом ЦРУ, и ЦРУ предоставляет средства его жизнедеятельности… в случае разглашения данной информации ему грозит штраф в размере 10 000 долларов и тюремный срок до десяти лет».

В мое время сотрудники не должны были подписывать такого рода расписки. Начало моего сотрудничества с советской контрразведкой совпало с шумным скандалом, во время которого за границей стало известно о связях «Радио Либерти» и «Радио Свободная Европа» с ЦРУ.

Сегодня я имею право раскрыть еще одну тайну: этот скандал инсценировали мои коллеги в КГБ. Некоторые из замешанных в нем американцев, не догадываясь об этом, заглотнули приманку в форме поддельных документов о «роли ЦРУ». Других подкупили деньгами. Даже если Лубянка не достигла окончательной цели — закрытия радиостанции — тем не менее, ей удалось лишить спокойствия американскую контрразведку.

Все началось в январе 1971 года с того, что сенатор от Республиканцев Клиффорд П. Кэйс штата Нью-Джерси информировал журналистов о том, что за последние двадцать лет ЦРУ потратило десятки миллионов долларов на поддержку РС/РСЕ. На граждан США это подействовало как холодный душ, так как до этого никто не знал о тайной финансовой поддержке государства эмигрантского радио. Кэйс сделал свое заявление 25 января на заседании Сената по вопросам внешней политики. Однако он не требовал немедленного закрытия радиостанции или приостановки финансовой поддержки. Он требовал перевести обе радиостанции под контроль Конгресса и «одобрять средства на их поддержание непосредственно Конгрессом».

Любой скандал со временем утихает. Так случилось и в этот раз. После того, как пресса «поимела» свой интерес от истории с ЦРУ, интерес к эмигрантской радиостанции в Европе поутих. Но Москва не бездействовала. 9 марта 1971 года новостные агентства сообщили, что офицер польской контрразведки Анджей Чехович, много лет работавший на РСЕ, после завершения своего задания вернулся в Варшаву. Вскоре после этого он выступил на пресс-конференции и благодаря его высказываниям скандал разгорелся новым пламенем.

24 мая 1974 года в Вашингтоне состоялось заседание Сената

по внешнеполитическим вопросам по одному пункту: финансирование РС/РСЕ. Сначала все шло без сучка, без задоринки. Выступавшие огласили свои представления о новых планах финансирования. Но после выступления представителя МИД председатель сенатской комиссии Уильям Фулбрайт вмешался в дискуссию и решительно потребовал раскрытия прямых связей ЦРУ и радиостанций, чья деятельность, по его мнению, не совпадала с прямыми целями правительства об улучшении связей с Советским Союзом и странами Восточной Европы.

Сенату было предложено создать «особую свободную от налогов общественную корпорацию» по финансированию РС/РСЕ в соответствии с планами МИД и ЦРУ. Несколько сенаторов, включая сенатора Фулбрайта, голосовали против этих пунктов. Проблема «Американского совета частных международных связей», так же, как дискуссия о размере финансирования радиостанций, не была решена до конца 1971 года. Наконец в конце декабря Дом представителей голосовал 271 голосом против 12 за продолжение финансирования РС/РСЕ в размере 74,5 миллионов долларов на следующие два года. Затем сенат ограничил финансирование на 1972 год в размере 36 миллионов.

В феврале 1972 года скандал опять достиг своего апогея, после оглашения меморандума сенатором Фулбрайтом президенту Ричарду Никсону. В нем он возвращался к обсуждению деталей об эмигрантской радиостанции, недвусмысленно выражая свое отношение.

«Сенаторы, возможно, еще не забыли, — писал Фулбрайт, — что радиостанции финансируют на деньги налогоплательщика. По крайней мере, так нам многие годы говорили. Но как оказалось, эти дотации в размере сотен миллионов долларов предоставлялись не один год из средств ЦРУ. Таким обманным путем американским налогоплательщикам и народам Восточной Европы пробовали доказать, что эти радиостанции являются частными и существуют на частные деньги… РС/РСЕ являются только частью системы лжи, обмана и *заговора*. О его характере пускай судят не только американцы, но каждый, кто их слушает. Вне зависимости от лозунга, под которым работают эти радиостанции, даже если разговор идет о “передаче чистых фактов”, своей деятельностью они затрагивают ряд внешнеполитических вопросов, к которым не в последнюю очередь относится вопрос о нашем вмешательстве во внутренние политические вопросы других стран».

«Господин президент, — апеллировал сенатор к Ричарду Никсону, — я считаю, что этим радиостанциям следует

предоставить место на кладбище пережитков холодной войны».

Как президент реагировал на это? Если память меня не подводит, сначала он предпочел не вмешиваться, воздержался от любого рода комментариев и прогнозов. Но в критический момент Никсон защищал тогда еще «пережитки холодной войны». Он объяснил, что он обеспокоен перспективой возможного закрытия радиостанций и что это равно трагедии, если они не смогут продолжать свою работу.

Интересно при этом, что некоторые представители немецкого Бундестага присоединились к предложению о том, чтобы закрыть «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа». В телеграмме, направленной американскому президенту 23 марта 1972 года, содержатся рекомендации Конгрессу США о прекращении финансирования и аннуляции лицензии на радиовещание. К движению протеста по поводу присутствия «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» на немецкой территории тем временем присоединились отдельные лица и целые организации.

Многие немцы, в особенности коллеги по цеху и журналисты, невысоко оценивали сотрудников эмигрантского радио. Они точно знали, что мы работаем под диктатом ЦРУ и зависим полностью от американцев.

Пока Вашингтон вел дебаты о судьбе РС/РСЕ, настроение у нас в Мюнхене было паршивое. Сотрудникам многие месяцы не платили зарплату. Никто не знал, что будет завтра. Все находились в состоянии подвешенности и неуверенности.

Все завершилось тем, что с конца 1973 года обе радиостанции перестали подчиняться впрямую ЦРУ. С этого момента их контролировал и финансировал Национальный орган США, так называемый «Совет по международному радиовещанию». Что совсем не значило, что контрразведка сложила свои полномочия в наших стенах. Нет, в этом отношении все осталось, как прежде.

На руководящих постах на «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» по-прежнему числились американцы, состоявшие в связи с контрразведками. Но с этого момента четко завуалировали все оперативные задания.

После этих инцидентов всем, наконец, стало ясно, что скрывается за радиостанциями в Мюнхене. Газеты в США и Европе, не скрывая, писали, что РС/РСЕ являются прикрытием американских спецслужб, хорошей возможностью легального прикрытия, а также источником привлечения новых агентов и постоянной возможностью приобретения необходимой информации. Кому несложно заглянуть в «Энциклопедию американской разведки и шпионажа» (J.A. O'Tool, 1988), тот

прочтет на странице 328 все детали.

Еще раз подчеркну: я работал не против эмигрантов и радиостанции, а против американских разведок, в свою очередь борющихся против моей страны.

Безусловно, не стоит полагать, что все сотрудники РС/РСЕ были замешаны в делишках ЦРУ[5]. Я знал многих, кто на протяжении лет сознательно исполнял обязанности, не предполагая о присутствия разведок. Это были добродетельные люди, в первую очередь эмигранты «первой волны», никогда не вступавшие в сговор с разведками. Одна мысль о такой возможности вызывала у них возмущение и протест. Они выросли в духе изысканной культуры и высокой морали, зная, что значит честь и совесть, впитали эти качества с молоком матери и скорее умерли бы от голода, чем связались с разведками и видели в работе на РС возможность вести открытый и честный диалог с соотечественниками.

В конце шестидесятых таких представителей старой эмиграции оставалось мало. «Радио Свобода» срочно нуждалась в новых сотрудниках, знавших СССР, обладавших журналистскими навыками и готовых принять все «правила игры». Но откуда? На Западе существовала лишь одна страна, куда прибывали переселенцы из СССР. Это был Израиль. После некоторых размышлений, руководство Радиостанции решило искать там новых сотрудников. Меня привлекли к этой деятельности в середине 70-х. Я полетел в Тель-Авив, познакомился с возможными кандидатами, провел с ними беседу и рекомендовал подходящие кадры.

Одновременно я информировал Центр, что новая кадровая политика неотвратимо вызовет серьезные проблемы. У меня к тому времени был взгляд изнутри на «Радио Свобода», я был знаком с настроениями различных группировок и знал, что за внешнем дружелюбием царит атмосфера глубокой вражды, которую невозможно остановить даже на минуту.

Я уже писал, что американцы великолепно руководили около 1000 сотрудниками «Радио Свобода». Но иногда возникали противоречия между совершенно разными людьми. Так получилось во второй половине 1975 года в случае с «открытым письмом» режиссера и диктора Виктории Семеновой руководителю русской редакции Джону Лодезину, которое вызвало сильные волнения. В этом письме она указывала, что у «Радио Свобода» якобы отсутствует русская душа и что шеф-редактор Владимир Матусевич, по ее мнению, категорически отрицает это состояние русской души.

«Я хочу пояснить, что подразумеваю под русской душой, —

писала Виктория Семенова. — Это в первую очередь любовь к России и русскому народу. Это выражение боли, протеста и сочувствия ко всем замученным и преследовавшимся, это связь с великой русской культурой и возмущение коммунистическим экспериментом, ее разрушающим». Далее она задает вопрос господину Лодезину: почему на «Радио Свобода» не создают передачи для России и русского народа?

Непосвященным читателям трудно представить, какое острое противоречие вызвали это письмо и вытекающий отсюда громкий скандал, породивший конфронтацию и закончившийся в суде. На мой взгляд, эту ситуацию точно объяснил многолетний сотрудник Тимофей Киверов, кого я здесь частично цитирую:

«Не всегда предвидится возможным защитить интересы американского руководства Радио, интересы национальных редакций и дела русской редакции под одной крышей. Абсолютно логично, что американское руководство при возникновении такого рода различия мнений в первую очередь защищает и блюдет интересы США. Должен отдать должное американскому руководству, которому все же удается координировать противоположные интересы сторон. Русская редакция оценила эти усилия. Хочу только отметить, что руководство пытается выровнять различия мнения между “старой” и “новой” эмиграцией пятидесятых и шестидесятых годов.

Безусловным успехом “Радио Свобода” явилось их влияние на эмиграцию евреев в Израиль. Радиостанция придавала большое значение этому фактору и укрепила многих евреев в их желании покинуть СССР. При этом возникли трагические переплетения и обстоятельства, которые возможно было предугадать.

Эмиграция евреев из СССР обеспечила поиск новых культурных кадров среди отъезжающих. Но эти поиски почему-то сопровождались непонятной спешкой, результаты которой мы вместе наблюдаем сегодня.

На нашу радиостанцию попали люди из страны, где на протяжении пятидесяти лет не существовало свободы волеизъявления и люди выросли в духе политической и духовной морали коммунистической партии. Большинство этих людей страдает комплексом, который современные психологи описывают “комплексом потерянного сына”. Психическое состояние этих людей сложное и болезненное. Сотрудники радиостанции сразу заметили, что эти люди обосабливаются в стайки и ведут себя с недоверием и враждебностью к остальным сотрудникам. Американское руководство, которому с таким успехом в прошлом удавалось разглаживать различие мнений и разногласия, особенно в русской редакции, приняло одну

сторону. Самое ужасное в этом то, что благодаря этому радиостанция так быстро потеряла свой уровень.

Также важно отметить, что это мощное влияние новых сотрудников русской редакции внезапно привело к целому ряду конфликтов. Большинство из них, кому непривычны открытые и прямые отношения, принялось использовать атмосферу для торга, который трудно назвать действием доброй воли.

Здесь разговор идет о тех, кто случайно был подобран на эту работу и свою работу видит как вариант хорошо заработать. Особенно жаль в этой ситуации, что новые сотрудники в своей деятельности выражают ненависть по отношению к русскому народу, выражая свою неприязнь к священной религии».

Ответный удар не заставил себя долго ждать. Обе стороны, забыв о первоначальных требованиях, начали поливать друг друга грязью, обвиняя во всех смертных грехах.

Представляю, как радовались в Москве, когда там об этом узнали. В то время как Лубянка от радости хлопала в ладоши, ЦРУ был обеспокоен этим перманентным состоянием скандала на «Радио Свобода». Американцы подложили себе бомбу, и наступило время гасить пламя.

В этот момент я руководил Отделом новостей, то есть отвечал за первые двадцать минут передач. Центр категорически запретил мне вмешиваться в разногласия эмигрантов или занимать чью-то сторону.

Мне следовало докладывать обо всем происходящем. Москва внимательно следила за эскалацией разногласий и подливала, как я считаю, масло в огонь.

Безусловно, по разным причинам я не мог вести себя нейтрально. Это означало потерю имиджа и дружбы. Я принял позицию, которую защищаю и сегодня. Ее можно описать несколькими словами: невозможно пособничество национальной розни. Нельзя терпеть действия, порочащие и уничижающие народы. Призывы к антагонизму в Германии являются актом, ведущим к уголовной ответственности. Кампания компромата отдельных сотрудников национальных редакций и против всей русской редакции, вместе взятой, ставит себе целью скомпрометировать “Радио Свобода” перед Конгрессом США. С другой стороны, такая кампания является желанным подарком советской разведке, которая уже на протяжении длительного времени называет Радиостанцию змеиным гнездом».

Приблизительно в этом духе у меня дома был написан меморандум руководству Радиостанции и, начав рукопашную, я вступил в противоречие с указаниями Центра.

До того как был составлен этот меморандум, в Мюнхене

появился новичок, диссидент Леонид Плющ, националист крайне правого уклона, выступивший перед сотрудниками русской и украинской редакций. Экстремисты каждого крыла как будто только ждали такого выступления. Вслед за выступлением Плюща вновь разгорелись страсти. Ситуация стала на самом деле взрывоопасной, так как эмигранты «третьей волны» подготовились к решительной атаке. Поэтому у меня дома был составлен совместный меморандум сотрудников, в котором мы просили руководство радиостанции незамедлительно принять решительные меры и положить конец денонсациям и провокациям, восстановив на радиостанции дружественную атмосферу.

Меморандум был готов утром 18 января 1977 года. Мы его обнародовали, собирая подписи. Всего подписало 70 человек, причем сотрудники не только русской, но и армянской, грузинской, таджикской, белорусской, азербайджанской и других редакций. Этот репрезентативный документ возымел должное действие на американское руководство.

Немедленно поступил дипломатичный ответ вице-президента «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» Вальтера Скотта. Он призывал обе враждебные стороны заключить мир и прекратить взаимные инсинуации. В противном случае, предупреждал он, это может иметь непоправимые последствия для радиостанции. В связи с этим инициаторы меморандума на коротком совещании договорились поддержать аргументы Скотта и сделать все, чтобы разрядить конфликт. Кстати, это соответствовало нашей первоначальной позиции, изложенной в меморандуме.

Но противоположная сторона оставалась на пути конфронтации. Они даже подали иск в немецкий суд, обвинив всех подписантов меморандума в антисемитизме и других тяжких нарушениях.

Суд с недовольством рассматривал дело. Спор долго тянулся туда-обратно и закончился тем, что истец забрал свои обвинения и согласился на мирный договор.

Еще раз повторю, что весь многолетний скандал, объективно говоря, пошел на пользу моей стране. Был сорван «занавес тайны» вокруг «Радио Свобода», и западные средства массовой информации бились вокруг новых известий, используя все правила боя. У советских газет в первое время появился отличный материал для пропаганды. Забавно, что СМИ ФРГ достаточно часто цитировали этот материал, сообщая о последних событиях в Мюнхене.

У американских конгрессменов появлялись все новые вопросы, из-за чего возобновились заседания для проверки

деятельности РС/РСЕ и в ЦРУ продолжали рубить головы.

Тогда, из-за памятного меморандума руководству, некоторые израильские эмигранты, в частности те сотрудники, кто мог быть мне благодарен за свой найм на работу, клеймили меня антисемитом. Какой бред! Мне можно все приписать, но только не это. Даже задумай я заняться какой-то экстремистской деятельностью, Центр в Москве нашел бы путь задушить такую попытку в самом ее зародыше. Иначе меня немедленно отправили бы домой.

В отличие от других, я не относился ни к каким группировкам или содружествам соотечественников. Я не был «старым эмигрантом», власовцем или евреем. У меня не было прошлого диссидентства в СССР. Я не был переселенцем без места жительства, а ясно и просто — был бежавшим моряком, особенным в своем роде. Со временем я научился извлекать из этого пользу. С момента, когда я появился в Мюнхене, курсировал слух, что у Туманова существуют связи с американской разведкой. Иначе трудно было представить, за какие заслуги меня наняли на работу на «Радио Свобода». Я прикладывал много усилий, чтобы развеять это мнение, после того как заметил, с каким пристрастием сотрудники относились к американцам. Особенно странно, что мой статус ничем не связанного и независимого человека вполне удовлетворял американцев. В любом случае руководство радиостанции много сделало для продвижения моей карьеры. Как любому руководству в США или СССР, в качестве руководителей среднего звена нужны не слишком талантливые или тяжело управляемые и непредсказуемые люди, а обычные рабочие лошадки, за какую меня американцы считали.

За двадцать лет деятельности на «Радио Свобода» мне удалось перепрыгнуть две ступеньки карьерной лестницы, став старшим редактором русской службы, то есть занять наивысший пост, доступный иностранцу.

В мае 1986 года русский писатель Владимир Максимов взял это на заметку, направив американскому президенту Рональду Рейгану открытое послание о неквалифицированном подборе кадров руководством «Радио Свобода». В своем характерном энергичном и резком стиле Максимов писал из Парижа:

«Какими заслугами и профессиональными качествами обладает бывший простой матрос советского торгового флота (О.Т.?), неспособный в подпитии без ошибки связать ни одного предложения, чтобы оценивать и судить работу докторов наук, квалифицированных специалистов во всех сферах советской жизни, опытных журналистов, писателей и деятелей культуры,

имена которых известны в России и порой за рубежом?

Ответ напрашивается сам собой. Как истинные бюрократы со всеми вытекающими отсюда качествами, как нетерпимость по отношению к инакомыслию, особенно, когда его высказывают эмигранты; как функционеры со своим смешным и непреодолимым комплексом неполноценности, который они пытаются скрыть, унижая материально зависимых от них подчиненных, они видят в любом высказывании свободной мысли, личности и творчестве угрозу их комфортной жизни. Поэтому они позволяют себе в выборе кадров руководствоваться собственным умственным и духовным уровнем».

Вероятно, в общем и целом Владимир Максимов был прав в своем суждении. Но мы все же живем в едином мире реальных людей и конкретных обстоятельств.

Я поступал таким образом, чтобы снискать уважение руководства «Радио Свобода» и выполнять как можно лучше поручения советской контрразведки. Что касается недостатка образования, то нападки писателя не прокатили, так как, насколько мне известно, кроме учебы в школе он сам не посещал никаких других учебных заведений.

Конфликты в кругу сотрудников радиостанции подкреплялись вновь возникающими время от времени посланиями и листовками, составленными «русскими националистами». Их открыто подрывное содержание не вело к примирению, а наоборот, давало новые аргументы сторонам.

«Ага, вот ваше новое лицо. Втайне готовитесь к погрому», — говорили те. Позднее на радиостанции курсировали слухи, что листовки подготовило КГБ, заинтересованное, чтобы стороны полностью разругались.

Насколько велико было мое удивление, когда через несколько лет я узнал, кто же были эти истинные «русские националисты». Под их именем скрывался всего лишь один плотник по фамилии Ботчевский. Когда-то он служил мастером верховой езды на стороне Гитлера в казачьей армии атамана Краснова. До пенсии он работал у нас плотником. Незадолго до смерти бывший мастер верховой езды предложил мне купить его ордена и медали времен Гражданской войны. В его квартирке на Опалштрассе, у самовара за накрытым столом с выпечкой, он немедленно приступил к делу.

«Врачи объявили мне смертный приговор, — сказал старый казак. — У меня рак и осталось жить недолго. Чтобы помочь жене похоронить меня достойно, я продаю часть своего архива и некоторые личные вещи».

С этими словами он передал мне большую шкатулку с

документами, газетными вырезками и почетными знаками, попросив за них три тысячи марок. Особенно не торгуясь и не интересуясь содержимым, я дал ему деньги и, взяв шкатулку, отправился домой.

Несколько дней спустя старый «атаман» Ботчевский скончался. Когда я стал рассматривать купленные у него вещи, в руки мне неожиданно попались машинописные эскизы и наброски вышеупомянутых листовок «русских националистов». Не было никаких сомнений, что казак был автором этих писаний.

Но на КГБ он никогда не работал.

Задолго до следующего планового визита в Карлсхорст мне внезапно поступил сигнал о срочной явке. Такое случалось крайне редко.

В полном неведении я улетел в Берлин. На сей раз разговор с ведущим офицером оказался коротким, но заслуживает быть упомянутым в этой книге. Разговор был о новом сотруднике русской редакции, который попал непосредственно в мое подчинение. Он происходил из одной европейской страны и был ее гражданином, владел несколькими языками, в частности русским, и был авантюристом с большими амбициями. У меня тогда сложилось впечатление, что он намеренно подался на «Радио Свобода», потому что эта организация состояла у него в списке «агентурных гнезд» и он был преисполнен горячих надежд немедленно предложить свои личные услуги. Он явно был на связи с НТС и, кроме того, горячо интересовался русской ортодоксальной церковью.

Эту информацию я сообщил в Центр через связника из Мюнхена, даже не предполагая, что это рутинное сообщение вызовет такую бурную реакцию.

После того, как меня тщательно допросили об этом новом сотруднике, прибывший специально из Москвы офицер сообщил мне:

«Олег, учтите, что этот человек однажды был у нас на Лубянке, предлагал нам свои услуги. Потом его след затерялся. А сейчас он опять возник в Мюнхене».

Офицер рассказал мне, что этот человек приехал в Москву туристом и его засекли, когда он передавал микрофильмы с инструкциями НТС и разведки Ватикана. КГБ явно получил наводку от своего человека в Ватикане и органы вели наблюдение за этим туристом с момента, как он спустился с трапа самолета и ступил на московскую землю. После того, как его поймали с новыми уликами, ему грозил суд и многолетнее заключение в тюрьме. Ввиду этой тусклой перспективы он сделал «предложение о сотрудничестве советской контрразведке». Так гласила подпись

его донесения, оригинал которой мне предоставили в Карлсхорсте.

«Турист» подтверждал в донесении сделанные им во время допроса высказывания о своих связях с антисоветскими организациями и предлагал проникнуть в эти центры, подробно сообщая о так называем тайном «Русском католическом семинаре» в Риме, в недрах которого, по его сведениям, готовили религиозных деятелей к подрывной деятельности на советской территории. Он показал, каким образом поддерживается связь между этим отделом и их людьми в Советском Союзе.

«Я попытаюсь сообщить имена иностранцев, которые приезжают в СССР в качестве связников объединенных церквей, а также имена советских граждан и именитых духовных отцов, которые супротив интересов советской страны сохраняют контакты с духовными организациями в Ватикане», — предложил «турист».

Он обрисовал Храм Модеста в Милане в качестве «конспиративного центра встреч между агентами и резидентами Ватикана».

«Я мог бы больше узнать об НТС», — сообщал «турист», — хотя, должен признаться, это будет очень нелегко. Мне еще непонятно, как эти люди отреагируют на мой арест и последующее освобождение. Я мог бы сказать им, что меня арестовали за незаконный оборот иностранной валюты и таможенные нарушения или за антисоветские высказывания человеку, который сдал меня КГБ, за что меня арестовали».

Чего только человек не сделает, чтобы спасти свою шкуру! Страх перед сибирскими морозами явно был настолько велик, что наш «турист», предлагая «сотрудничество» с КГБ, давал совет, как его еще больше может связать Лубянка.

«Чтобы гарантировать советским органам, что я смогу выполнять их поручения, я готов подписать здесь в Москве отягчающие материалы и компромат, чтобы в противном случае советские органы могли достать меня в Европе. Я уверен, что советские органы в состоянии это сделать. В подтверждение своей вины я готов сделать все, что от меня потребуют».

Советские органы посчитали, что разумно сбагрить этого типа восвояси. Возможно, контрразведка связывала с ним какие-то надежды, но в Карлсхорсте я предпринял все, чтобы развеять у московских коллег все иллюзии.

«Ваш потенциальный агент психически неуравновешен, — говорил я, прочитав до конца «предложение о сотрудничестве». — Он невероятно высокомерен и к тому же очень трусоват. Кроме того, у него не все в порядке в семейной жизни. На мой взгляд, он

относится к роду людей, которые ради собственной выгоды готовы работать с любой разведкой и даже самим чертом. Я не дамся диву, если аналогичные “предложения” лежат в сейфах других органов разведки».

Офицер из Москвы был крайне разочарован. Он не ожидал настолько резкой критики с моей стороны. Я понимал, что Лубянка желает заручиться еще одним источником информации в антисоветских центрах. Но этот «турист» казался мне ненадежным лицом. Шпион не должен быть героем, но настолько аномальных типов стоило избегать. Не знаю, что в Москве окончательно решили — пользоваться или нет его услугами. На самом деле мне это до сих пор неизвестно.

Я описал этот эпизод по двум причинам. Во-первых, следует сделать вывод, что в архивах КГБ спрятано множество такого рода «предложений о сотрудничестве». Некоторые из них я читал сам, о других знаю со слов коллег. Эти папки подписаны грифом «Не уничтожать!». Если когда-то будет опубликована хотя бы часть этих списков, то русские граждане откроют для себя много интересного о целом ряде так называемых диссидентов и вольнодумцев. В архивах лежат их письма о денонсации, собственные обязательства к тайному сотрудничеству и другой компромат различной натуры.

Я не только призываю опубликовать такого рода материал. В нашем раздробленном на части и разрозненном обществе, достаточно оскорблений, разногласий и недоразумений. Зачем провоцировать еще новые? Это к хорошему не приведет. Человек слаб. Некоторые были готовы к предательству и денонсациям из-за желания выжить и спастись, избежать репрессий и уехать за границу. Государственные органы безопасности располагали разными методами, чтобы сломать волю даже самых сильных. О слабых вообще не стану говорить. У них тряслись коленки при одном упоминании КГБ. Это не их вина, а трагедия, что такие документы они подписывали.

И, во-вторых, за долгие годы у меня сложилось мнение, что на РС/ РСЕ существовали сотрудники только двух типов — агенты ЦРУ и агенты КГБ. О деятельности американских спецслужб на «Радио Свобода» и «Свободная Европа» немало писали в прессе. Это открытый секрет. Но и восточноевропейские спецслужбы не бездействовали. Польская контрразведка получала до 1971 года регулярную информацию от внедренного на «Свободную Европу» майора Анджея Чеховича. После того, как он вернулся на родину, его место занял Мстислав Лях. У болгар работал их офицер службы госбезопасности Христо Христов. Чехи внедрили в Мюнхен Павла Минарика. Это только имена тех, кто был раскрыт

и опубликован в прессе. Так что, говоря о них, мы затрагиваем лишь верхушку айсберга.

На радио мы становились невольными свидетелями необыкновенных историй, которым трудно было найти объяснение. Однажды в Париже появился еще один беглец из Советского Союза — некий Владимир Златкин, бывший до того корреспондентом известного агентства АПН и естественно, член КПСС.

Он женился в Москве на француженке и приехал с ней в Париж. И тогда случилось невозможное. Член КПСС, женатый на французской коммунистке, располагающий красным советским паспортом, вдруг поступил на работу на «Радио Свобода» и не просто так, а в качестве директора бюро в Париже. После этого у многих создалось впечатление, что у КГБ свои люди на «Радио Свобода».

Владимир Златкин был энергичный и способный молодой человек. Хотя он неплохо справлялся со своей работой, практически все сотрудники парижского бюро отклоняли его в качестве директора. Я познакомился с ним в Мюнхене, когда он представлял нам своего друга писателя Владимира Максимова. Год спустя без всякой причины Златкина почему-то уволили. На все вопросы по этому поводу следовал один ответ: «без комментариев», так что все опять путались в догадках. Некоторое время спустя я встретил его в Париже. Его жена продавала газеты в киоске, а сам он был безработным.

«Я ничего не понимаю, все предполагают, будто я агент КГБ».

После этого о нем долго не было ни слуху, ни духу. Забавно, однако, что мои ведущие офицеры из Центра по какой-то причине еще долго интересовались судьбой этого человека, его финансовым положением, настроением и планами. Но когда я спрашивал, кто же он, передо мной вставала стена молчания.

Я знал всеми любимых людей на радиостанции, кого уже давно нет в живых, кто унес историю своего многолетнего сотрудничества с советской разведкой глубоко в могилу. *Знаю и тех, кто сегодня еще продолжает свою нелегальную работу.* И никого не осуждаю. Меня удивляет другое: почему «Радио Свобода» по-прежнему вещает с немецкой территории?

Почему радиостанцию по-прежнему финансируют и контролируют Соединенные Штаты Америки? Какую роль сегодня играют «Свобода» и «Свободная Европа»? Говорит ли она гражданам СНГ правду о их жизни? Ведь теперь у нас в стране свобода слова.

Как бы это понравилось американцам, если Россия сегодня установила на Кубе собственные радиоточки, приняв на работу

постоянных и ушедших на пенсию бывших сотрудников спецслужб, по каким-то причинам, покинувшим Штаты, и вещала на английском языке на Америку «объективные» новости о их жизни? Такая мысль кажется абсурдной, но такова ситуация, в которой находится сейчас «Радио Либерти».

Почему тогда Лубянке удалять своих людей оттуда?

Нет, это произойдет только на паритетных условиях. Нужно идти друг другу на встречу. Американские спецслужбы до сих пор не сделали ни малейшего намека, что они ослабят свое давление против бывшего Советского Союза. И я понимаю шефов в Лэнгли. Они обеспокоены процессами в нашей стране и хотят их по-прежнему контролировать, так как в первую очередь обеспокоены ситуацией дома, в собственной стране. Возможно, некоторые люди за океаном хотят так влиять на ситуацию, чтобы Россия раскололась и превратилась в слабую и отсталую бедную страну третьего мира. Для достижения этих целей незаменимы секретные операции.

Осенью 1992 года в издаваемой в Москве «Независимой газете» было опубликовано письмо некого Евгения Николаева, чье имя мне ничего не говорит. Этот человек призывает немедленно раскрыть деятельность агентов КГБ на «Радио Свобода». С его слов руководство Радиостанции по собственной инициативе (?) летом 1992 года закрыло отдел «Самиздат» и уволило с работы многих бывших политических заключенных для того, чтобы те «прекратили свою деятельность по борьбе с коммунизмом и коммунистами».

«Закрытие отдела “Самиздат” и увольнение бывших политических заключенных с “Радио Свобода” нельзя объяснить причиной слабоумия американского руководства. Это можно оценить, еще раз хочу подчеркнуть, как очередной успех подрывной деятельности КГБ на “Радио Свобода”, — делает выводы автор читательского письма. Затем он делает собственные предложения: — Следует изучить подрывную деятельность КГБ на “Свободе” и опубликовать в России список внедренных на радиостанцию сотрудников КГБ, а также купленных за взятки американских руководителей на РС».

Этому есть два возможных объяснения. Либо «Независимая газета» нарвалась на какого-то чудака, либо письмо составлено на Лубянке, чтобы вызвать неуверенность сотрудников в занятом там руководстве и стравить их друг с другом.

Кстати, офицеры КГБ всегда владели мастерством дезинформации, компромата неугодных персон и создания конфликтных ситуаций.

В середине 70-х сотрудники Лубянки через подставное лицо

продали американскому разведчику за хорошие деньги экземпляр так называемой «розыскной книги». Разговор шел о тайном, постоянно обновляемом журнале КГБ с данными о персонах, которые находились в поиске у органов госбезопасности. Меня там тоже упоминали.

«Туманов, Олег Александрович, 1944 года рождения, последнее место жительства — город Москва. Русский, образование высшее, бывший кандидат КПСС, профессия — технический чертежник, служил на боевой единице 63972 Балтийского флота. Рост 1,73 см, волосы темно-русые, форма лица овальная, глаза голубые, особые приметы — на правой щеке ниже скулы — три родинки. Отец — Туманов Александр Васильевич, мать — Туманова Евдокия Андреевна, брат — Туманов Игорь Александрович. Близкие связи с Даниловой Татьяной Константиновной, все проживают в Москве.

Объявлен пропавшим с борта корабля в ночь с 18 на 19 ноября 1965 года, когда корабль находился в территориальных водах Объединенной Арабской Республики в заливе Салум, стоя на якоре в 1,5 километрах от берега.

Постоянное место жительства Мюнхен, ФРГ. Работает диктором в отделе новостей “Радио Свобода” и постоянно выступает с антисоветскими нападками под вымышленным именем Валерий Шульгин.

Арест санкционирован и подтвержден военным прокурором дважды Краснознаменного Балтийского флота. Имеется паспортное фото 1965 года и образцы почерка.

Розыскные документы находятся в Управлении КГБ гор. Москва и Московской области (в КГБ розыскной № 27/29666, текущий № 13, зарегистрировано)».

Тут очевидны, по крайней мере, три значительные ошибки. Во-первых, у меня глаза не голубые, а зеленые.

Во-вторых, отчество моей матери Андриановна, а не Андреевна. В-третьих, на щеке у меня две, а не три родинки. Это типичный пример русской халатности, даже когда разговор идет о таком серьезном деле, как розыскная сводка крупного «предателя».

Но это не решающий фактор. КГБ добилось именно того, что желало. Американцы поверили, что их разведчикам удалась серьезная победа. К их радости, в списках они обнаружили мое имя и смогли в очередной раз убедиться в моей «лояльности». К сожалению, в журнале не нашлось больше интересной для них информации. О всех других интересовавших их персонах у них уже давно были подробные досье и следственные документы. Ответственные офицеры в Лэнгли дали разрешение передать

журнал в НТС для публикации списков разыскиваемых КГБ лиц в журнале «Посев». Вероятно, в «Посеве» преследовали хорошие намерения. Публикую эти списки, но среди эмигрантов списки вызвали легкую панику.

У многих эмигрантов в прошлом были черные пятна, которые они хотели спрятать. Но в этом служебном журнале все было точно указано — уголовные преступления, сотрудничество с фашистами и денонсация. Некоторые активисты антисоветского толка, которые здесь так рьяно следили за своим «безупречным лицом», внезапно почувствовали себя обезоруженными.

На «Радио Свобода» эта паника тоже была хорошо заметна. В списках «Посева» были названы многие старые и новые сотрудники радиостанции. Некоторые, как и я, легко к этому отнеслись, списав все на интриги КГБ. Но многим было не до смеха.

Москва добилась, чего хотела. Мог бы я по приказу Москвы стать убийцей? Это отнюдь не риторический вопрос, как покажется сегодня. Не секрет, что разведки некоторых стран физически уничтожают своих противников или противников своего режима. До определенного момента КГБ не был исключением. Специальные агенты, оснащенные смертельным оружием, разработанным в лабораториях, искали во всем мире врагов Кремля и ликвидировали их. Обычно врагами режима слыли люди, распознавшие двусмысленную натуру коммунизма и скрывшиеся на Западе.

Для чекистов, которые получали задание на уничтожение жертвы, вроде не было никаких препятствий. Они преследовали врага до конца жизни. Все знают, что Троцкого по приказу Сталина убили в Мексике, несмотря на то, что его окружало большое количество телохранителей.

По приказу жертв похищали средь белого дня на оживленных улицах городов Европы, доставляя их в темницы Лубянки, откуда выйти можно было только на тот свет.

После смерти «большого вождя народов» убийства продолжались.

В 1954 году министр госбезопасности Серов приказал похитить руководителя НТС Александра Трушновича в Берлине. Эта операция провалилась, так как при захвате Трушновича жестоко избили, и он скончался по дороге в Восточный Берлин.

В этом же году, судя по всему, в рамках прицеливания на НТС во Франкфурт направили опытного сотрудника спецслужбы Николая Хохлова убить другого лидера НТС Георгия Окуловича отравленной пулей из электромеханического пистолета. Тем временем супругу чекиста держали в Москве в качестве

заложницы. Но попытка опять закончилась провалом. Хохлов, который во время войны с холодным сердцем стрелял в людей, не пожелал стать намеренным убийцей и направился к Окуловичу. Он рассказал о задании и просил установить для него контакт с американцами. Там он сообщил имена двух своих помощников.

Николаю Хохлову мстили через три года, подсыпав ему радиоактивный таллий в кофе. Бывший агент Лубянки испытывал жуткие муки, от которых почти скончался. После этого он уехал из Европы наискорейшим образом и поселился, соблюдая все меры безопасности, в США. До последнего времени он небеспочвенно боялся нового акта мести бывших коллег. Как стало известно позднее, контрразведка часто возвращалась к планам поиска и ликвидации предателей из ее рядов. В «расстрельном» списке КГБ значились Орлов[6], Петров[7], Голицын[8], Носенко[9], Лялин[10], убежавшие в разное время.

Как сообщил недавно генерал Олег Калугин[11], в конце шестидесятых шеф 1-го управления КГБ Александр Сахаровский лично приказал отравить ирландского агента доверия, сыгравшего значительную роль в побеге из британской тюрьмы агента КГБ Джорджа Блейка[12]. Сахаровский опасался, что после своего возвращения из Москвы в Великобританию ирландец слишком много расскажет о советском шпионе.

Мюнхен, где я позднее поселился, также, по крайней мере дважды, стал местом кровавого возмездия КГБ. В октябре 1957 года в город приехал двадцатипятилетний Богдан Сташинский, чтобы по поручению Москвы расправиться с украинским эмигрантским лидером Львом Ребетом. Покушение организовали с помощью нового оружия, действие которого было смертельным. Турист ждал свою жертву в подъезде, направил ей в лицо спрятанный в толстом фломастере большой металлический цилиндр и нажал на невидимую кнопку. Из цилиндра вырвался особо ядовитый газ, на месте убивший Ребета. Как верно рассчитали изобретатели этого дьявольского орудия, вскрытие показало остановку сердца как причину смерти.

Ровно два года спустя Сташинский во второй раз исполнил в Мюнхене покушение на другого лидера украинских националистов Степана Бандеру. Он выстрелил Бандере ядом в лицо, когда тот открывал дверь своего дома. Но на сей раз полиция заподозрила неладное и назначила немедленное вскрытие. В желудке обнаружили следы синильной кислоты и мельчайшие осколки ядовитой ампулы на лице жертвы. Таким образом безусловно было доказано что речь шла об убийстве. Убийца стал известен в августе, когда Сташинский убежал на Запад и честно признался о своих террористических нападениях.

Из признаний Сташинского можно было сделать вывод, что его обучали в Карлсхорсте. Возможно, он останавливался в тех же квартирах, где и я. К счастью во всем остальном мы с ним ничего общего не имели.

В то время как при Андропове (председатель КГБ СССР с мая 1967 года по май 1982 года — прим. ред.) мы больше никого не убивали, преданные ученики Советского Союза, болгары, переняли самые абсурдные наши уроки и рассчитывались в 1978 году таким путем со своими предателями. 7 сентября прохожий незаметно ранил в бедро острием зонтика болгарского диссидента, сотрудника «Би-Би-Си» и «Радио Свобода» Георгия Маркова. Четыре дня спустя он скончался от какой-то неизвестной болезни. За несколько дней до этого подобное покушение совершили на эмигранта и корреспондента «Радио Свободная Европа» Владимира Костова, пережившего покушение случайно. Врачи обнаружили у него в спине в точке проникновения зонта микроампулу со смертельным ядом — рицином. Даже если это не доказано, тем не менее многие полагают, что зонты были разработаны в особой лаборатории КГБ и переданы болгарам руководителем управления «К» (внешняя разведка).

С момента вступления в должность на Лубянке Юрия Андропова были прекращены все террористические акции КГБ во всем мире. Эти факты не могут быть опровергнуты как иностранными исследователями, так и советскими критиками службы госбезопасности, проникнувшими в самые недра архивов.

Даже знаменитый «диссидент с Лубянки» генерал КГБ Олег Калугин, жестоко рассчитываясь с институтом Крючкова (Юрий Крючков — председатель КГБ в 1988–1991 годах — прим. ред.), в своих книгах подтверждает это. Ему можно верить, так как он возглавлял иностранный отдел контрразведки с 1973 по 1980 годы и знает больше о смертельных расправах, чем все остальные.

Только сегодня мир начинает понимать и признавать как факт, что русские разведки несколько изменились. Но в семидесятые годы, когда я работал на «Радио Свобода», эмигранты вздрагивали при упоминании КГБ. Многие боялись, что рука Москвы однажды настигнет и их. Все неприятные события, несчастные случаи и внезапные смерти связывали с предательскими покушениями чекистов.

Когда в 1977 году в своей парижской квартире от удара электрического тока был убит сотрудник РС Александр Галич, почти все русские эмигранты соглашались, что в игре замешана Москва. Тут же распространились немыслимые слухи о том, как

трусливые агенты спецслужбы совершили убийство. Но об участии КГБ не может быть и речи. КГБ занималось Галичем, пока он жил в Советском Союзе, и Лубянка получала распоряжения от ЦК КПСС. Почти как вся интеллигенция, Галич собрал свои чемоданы и покинул родину.

Его история заслуживает того чтобы о ней рассказать отдельно.

Летом 1974 года распространился слух, что Галич находится в Вене. Русские сотрудники радиостанции и в особенности эмигранты последней волны встрепенулись от радости. Галич на Западе! Нужно как можно быстрее пригласить его на передачу! Американцы с удивлением спросили: кто это?

Как его описать? Как драматурга, автора киносценариев и постановок, как писателя, композитора и сочинителя песен? Но всего этого недостаточно, чтобы характеризовать этого человека, так как в конце шестидесятых и начале семидесятых он стал своего рода символом свободы и протеста для советских людей. Его песни перекладывали на пленку и размножали многомиллионным тиражом. Его приглашали на вечера песен студенты и ученые, конструкторы-космонавты и журналисты.

Нет, он не призывал к свержению существующего режима, за что отправляли в тюрьму или психбольницу. Он не критиковал руководство партии и не разоблачал Октябрьскую революцию. Он правдиво излагал правду о нашем окружении. Мы, но не Галич, мирились с двойной моралью, ложью, притворством, предательством и тупыми сплетнями. Герои его популярных песен были средние люди с их заботами и проблемами. Его талант выражался в его умении выразить в своих вроде бы ежедневных и безобидных песнях всю горькую правду о разложении и мелочности советской жизни. Партийные идеологи сразу почувствовали для себя опасность этого человека и объявили на него жестокую травлю.

До 1971 года Галич был успешным писателем и описывал «в духе социалистического реализма» достижения и романтизм советской действительности. Его фильмы и постановки были награждены официальными премиями и он мог практически безбедно жить. В пятьдесят лет он пережил кризис, и сытой беспечности предпочел иную жизнь.

Все хотят жить честно, но это удается только немногим. По воспоминаниям дочери Галича, об этом он говорил так: «Мне было уже почти пятьдесят. Я все видел. И понял, что не могу жить так дальше, что, наконец, мне нужно заговорить и сказать правду».

Он не пошел на баррикады, а только взял на себя свободу

говорить правду. Этого было достаточно, чтобы исключить Александра Галича из Союза писателей и Союза кинематографистов, запретить ему тем самым участие в общественных мероприятиях. Для художнику в то время это означало конец творчества. В такой ситуации оставалось две возможности — официально извиниться или покинуть страну. Он выбрал второй путь.

Летом 1974 года Александр Галич и его вторая супруга Ангелина Прохорова покинули Советский Союз. Эта новость вызвала волнение на «Радио Свобода».

Юрий фон Шлиппе, который традиционно вел «разговоры по четвергам», куда приглашал разных авторов, предложил сделать следующую передачу с Галичем. Мы попросили у руководства разрешения. Сначала американцы сомневались. Имя нового эмигранта ничего им не говорило. Кроме того, это было связано с расходами вроде билета, оплаты гостиницы и так далее. Но мы смогли быстро уговорить их своими несомненными аргументами: если Галич согласится выступить на радио, ввиду его большой популярности в Советском Союзе это будет означать повышение престижа «Радио Свобода». Ведь есть разница, когда к слушателю обращаются диффамированные незнакомые личности из фашистского лагеря или любимый бард? Галич стал первым известным творческим человеком, который согласился стать звездой на «Радио Свобода».

Если правильно припоминаю, в июне 1971-го мы отправили ему приглашение в Мюнхен. Он с удовольствием пел свои песни, отвечал на вопросы и говорил о своих будущих планах. И эти планы были грандиозными: он приехал на Запад, чтобы его завоевать. Галич представлялся публике как великий художник, знающий себе цену, уверенный в себе и немного дистанцированный. Мы уговорили американцев предложить ему постоянный договор. Галич отказался. Как он говорил, у него есть другие доходные предложения. Из Мюнхена он летел в Осло на киносъемки. Но он переоценил свои возможности в новой ситуации. Но в первый момент с ним было бесполезно говорить на эту тему.

Галич вновь появился весной следующего года в нашем окружении. В Франкфурте он подписал договор с издательством «Посев» на издание книги и музыкальных пластинок. Но в «Посеве» хорошо не заработаешь. По всей видимости, теперь Галич расстался со своими иллюзиями. Но, судя по всему, он стеснялся из-за своей гордости вновь обратиться к «Радио Свобода». Тут существовало правило, что однажды предложенный рабочий договор не предлагался заново.

В связи с этим «Посев» заступился за него, и Александра Аркадьевича все же наняли. Ему предложили служебную квартиру и частного секретаря, а также очень привлекательные рабочие условия. Никто не требовал у Галича, как у других, приходить на работу к девяти и выполнять рутинную работу. Его всего лишь просили дважды в неделю появляться со своей гитарой в студии и по возможности не пьяным. Когда он занимал место перед микрофоном, диктор объявлял: «В студии Александр Галич». После этого Галич начинал прямой диалог в эфире со слушателями, в большой части исполняя свои песни. А это было каждый раз удовольствие. За это Галичу все прощали.

Большие художники имеют человеческие слабости. Исключения бывают редко, по крайней мере, в России. Галич был, к несчастью, как многие талантливые художники, любителем алкоголя. Он не ложился спать, не опустошив до этого бутылку виски, и никто не мог отучить его от этой разрушительной привычки. Жена Галича пила еще больше. Учитывая факт, что Галичи были в Мюнхене очень желанными гостями и их постоянно приглашали на веселые застолья, можно понять внезапные проблемы, возникшие у руководства «Радио Свобода» в связи с наймом нового сотрудника.

Для него подобрали квартиру напротив гостиницы «Хилтон» в пяти минутах ходьбы от радиостанции, чтобы избежать опозданий на студию. Как я уже упоминал, ему предоставили личного секретаря. Но тем самым Галичу не сделали одолжения. Эта молодая женщина Мария Вамала недавно приехала из Москвы в ФРГ. В Москве она вышла замуж за студента из Конго, который был сыном африканского вождя. Но пока он учился в Москве, у него дома произошел очередной дворцовый путч, из-за чего его отца прогнали с трона. Поэтому после окончания учебы он предпочел не возвращаться домой в Африку, а приехать в Германию. Его наняли в русской службе курьером. Его жене нашли работу секретаря. Африканец плохо говорил на русском, зато отлично мог на этом языке материться. Он быстро у нас прижился и завоевал себе имя оригинального парня, чего нельзя сказать о его враждующих соотечественниках.

Однажды я готовил текст своей передачи, который читал старый князь Горчаков. Мы всегда обращались к этому образованному человеку, когда речь шла об интеллектуальных программах. Он был старым русским аристократом, получившим образование в кадетском корпусе, чем он особенно не гордился. Когда наша передача завершалась и нам требовались буквально еще минута-две, в студию без предупреждения ввалились Галич с Вамалой. Александр Аркадьевич был спокойным мужчиной и

никогда не любил спорить. За него с порога качала права его секретарь:

«Оставьте студию. Александр Аркадьевич не может ждать. Уходите немедленно».

Покамест она продолжала кричать что-то в том же тоне, Галич молчал в смущении. Ему это было неприятно, но, возможно, он думал, что это наш обычный стиль общения.

Старик Горчаков тогда поразил всех. Он приостановил чтение моего текста и, встав, своим глубоким и серьезным голосом грубо, но метко произнес:

«Какая дрянь сюда вошла? Это может быть только Вамала!»

Галич с трудом скрывал смех. Но его секретарь взорвалась от возмущения. Она немедленно побежала жаловаться руководству, но явно безуспешно.

Галич был известен своими анекдотами, которые он читал у микрофона. Он великолепно рассказывал множество историй о своих знакомых, о знаменитостях и другие пикантные вещи. Его захватывающие рассказы слушали, не отрываясь. Синявский и Розанова первыми это заметили и стали собирать архив записей Галича. Не знаю, что стало с этой коллекцией позднее.

Я уже говорил, что Галич был немолод. Несмотря на то что он перенес уже один или два инфаркта, он по-прежнему излучал юношескую энергию так, что в него влюблялись женщины. Одна любовная история с молодой сотрудницей чуть не закончилась для Галича трагедией. Супруг этой сотрудницы, непонятный темный бизнесмен из Берлина, узнав об измене супруги, пришел разбираться с Галичем аккурат перед воротами радиостанции. Что делать? Мы разработали систему безопасности для Галича, чтобы с ним не произошло ничего опасного. Когда «мерседес» этих ревнивых бандитов появлялся на нашей улице, Галич покидал радиостанцию через задние ворота. Мы его уводили почти как шпиона.

Мне известен, однако, еще один случай, когда, пряча в машине, из здания увезли еще кого-то из «Радио Свобода». Это был русский аристократ Николай Бабкин, который работал у нас переводчиком.

В день зарплаты его неизменно ждала у выхода супруга, чтобы взять у него денег. Коля предпочитал поход в пивнушку. Поэтому он уговорил коллег спасти его от этой опасности и увезти его тайно в машине. В качестве благодарности он приглашал своих спасителей в ресторан выпить за его счет. Обычно отмечали в «Ленине» — ресторане, где обедал великий вождь мировой революции.

Наконец американцам все это надоело, и они перевели

Галича в парижский филиал «Радио Свобода». Короткое время спустя, 15 декабря 1977 года, его не стало.

В этот день он должен был записывать передачу на студии. По плану записать должны были вторую, но Галичу не хотелось, он перенес запись на следующий день и уехал домой.

Когда он не появился назавтра в назначенное время, ему позвонили. На звонок никто не откликнулся, и обеспокоенные сотрудники поехали к Галичу домой. Дверь была закрыта и на стук никто не ответил. Позвали полицию. После того как взломали дверь, в квартире обнаружилась трагическая картина. Видимо, Александр Аркадьевич готовил запись для своей следующей передачи и хотел поставить пленку. Но старый студийный «Revox» не сработал. Галич искал неисправность и случайно соединил два провода. Электрошок был не таким уже сильным, но его слабое сердце не выдержало. Поблизости не оказалось никого, кто мог ему оказать ему первую помощь.

На следующий день газеты сделали из этого историю: великого творца убил КГБ! Вскоре было сделано официальное вскрытие, которое показало причину смерти, а также французская полиция опубликовала официальный эпикриз. Но по сегодняшний день находятся люди, которые подогревают версию, что в несчастном случае была видна рука Лубянки. Только зачем? Тем самым они не делают услугу Галичу.

Думаю, что трагедия этого человека заключается в его отрыве от Родины. Это он с трудом переносил. Две еженедельные передачи на «Радио Свобода» обеспечивали ему приемлемое существование, но не могли заменить живой контакт со зрителями. Ему необходимо было видеть и чувствовать людей перед собой. Только так до конца раскрывался его талант. Хотя на Западе Галич написал несколько сценариев и песен, там он не смог по-настоящему реализовать себя. Он принадлежал к тем творцам, которые должны были дышать воздухом своей страны.

Но прежние руководители страны не могли предоставить ему никакого занятия, не нашли применения.

Судьба другого известного писателя протекала похожим образом. Я говорю об Анатолии Кузнецове — авторе знаменитого романа «Бабий Яр», который описал трагедию евреев Киева во время Второй мировой войны. Его побег на Запад происходил следующим образом: Кузнецова в Советском Союзе считали вполне лояльным автором, он был членом КПСС и писал книги в духе «социалистического реализма». Как он позднее признался, он даже сотрудничал с органами и постукивал на своих коллег. КГБ поручил ему приглядывать за поэтом Евгением Евтушенко.

В 1969 году Анатолий Кузнецов выступил с пожеланием

написать роман о Ленине. Это был лучший способ войти в элиту советской литературы. В связи с этим он попросил разрешение поехать в Лондон, чтобы собрать там необходимый материал о вожде в эмиграции. В то время путешествия на Запад были редкостью и каждого желающего внимательно проверяли. Даже для именитых писателей считалось особенно почетным выехать в Болгарию или Чехословакию туристами. В западные страны могли попасть только руководящие литературные кадры Союза писателей, которые доказали политическую лояльность в своих литературных работах. Каждая такая делегация либо туристическая группа обязательно сопровождалась кадровым сотрудником КГБ, который следил, чтобы не было перебежчиков.

Лояльному партийной линии писателю Анатолию Кузнецову без особого труда удалось попасть в привилегированную туристическую группу, отправлявшуюся на неделю в Лондон. Никто не знал, что Кузнецов давно планирует побег, используя эту литературную экспедицию для якобы поиска заготовок. Окончательный побег он планировал после того, как Союз литераторов одобрит его пребывание в Англии, чтобы собрать окончательный материал по Ленину.

Оказавшись впервые на Западе, Кузнецов не смог отказать себе в искушении посетить знаменитый увеселительный район Сохо. Как и следовало ожидать, он быстро оказался в стриптиз-клубе. После этого над ним взяла верх судьба. Во время представления полиция появилась искать торговцев наркотиками. Советского литератора, знакомого с наркотиками со страниц газет, забрали в участок для установления личности. Кузнецов попал в неприятную ситуацию — вероятно, сейчас советское посольство узнает о его посещении стриптиз-клуба, что навсегда положит конец всем его выездам за границу. Поэтому он сразу признался полиции, что он гражданин Советского Союза и просит политическое убежище.

Никто так и не узнал, поймала тогда полиция торговцев или нет. Но в любом случае в сеть полиции попал русский писатель, чей роман «Бабий Яр» был опубликован во многих странах мира.

После всех проверок Кузнецову разрешили остаться в Великобритании. Он привлек к себе повышенное внимание, когда рассказал, что «Бабий Яр» опубликован по указанию советской цензуры со значительными сокращениями, и планировал в обозримое время опубликовать его полностью. Кузнецов въехал в уютный дом в предместьях Лондона. Когда стало известно, что известный писатель оказался на Западе без имущества и денег, многие его читатели со всего света посылали ему вещи и деньги. Сначала Анатолию помогал Дэвид Флойд — корреспондент

«Дэйли телеграф» и бывший сотрудник МИ-5. Позже о нем позаботилась еврейская семья.

Все как бы внешне выглядело устроенным. У него был собственный дом, предложение от издательства публиковать книгу и предложение «Радио Свобода» работать в лондонском филиале. Многие ожидали, что сейчас без всяких препятствий раскроется его врожденный талант. Но все получилось иначе. Из боязни, что КГБ будет мстить, Кузнецов взял псевдоним «Анатоль», что не понравилось русским эмигрантам и ограничило круг потенциальных читателей. Фамилия Кузнецов хорошо звучала, а кто там знает Анатоля? Жизнь в постоянном страхе, вероятно, так сковала Кузнецова, что кроме развернутого формата «Бабьего Яра» в ближайшие десять лет он не смог опубликовать ничего серьезного. Рассказ об эмигрантах, который никак нельзя назвать мастерским, появился в журнале «Плейбой». Он мало появлялся на людях, стал недоверчив и жил отчужденно.

Когда Анатолия Кузнецова пригласили на работу на «Радио Свобода», он долго еще не мог найти собственную тему. Все у него крутилось вокруг «Бабьего Яра» и обстоятельств публикации этой книги в Советском Союзе. Наконец руководству радиостанции это надоело.

«Вы наконец должны писать комментарии, — объяснили ему в категорической форме. — Если вам не нравятся политические темы, пишите о литературе».

Чтобы он мог попрактиковаться, его пригласили в Мюнхен, и он оказался в отделе, которым я тогда руководил. Кузнецов был опытным писателем. Мне трудно было представить себя в качестве его наставника.

Трудность заключалась в том что он был абсолютно неспособен работать оперативно и по заданию. Работа писателя и журналиста совсем не одно и то же. Он привык спокойно работать ночью, когда ничего не мешало. А тут Анатолия посадили в кабинет, в котором кроме него находились еще двое, постоянно звонил телефон и заходили посетители. Как ему работать в таких условиях? В девять у нас начинался редакционный совет. К трем на столе у редактора должны были лежать готовые к передаче комментарии. Когда известный писатель узнал об этой ситуации, он с ужасом сказал, что не может работать в таком темпе. Тогда мы позволили ему отсрочку, чтобы он мог сдавать свои комментарии только на следующий день. Но из этого тоже ничего не получилось. Незадолго после этого убитый Анатолий пришел ко мне со словами:

«Вы должны извинить меня, но я не могу здесь сконцентрироваться. Все постоянно бегают, приглашают и дают

советы. Везде незнакомые люди, которые хотят меня отравить».

Да, более всего он боялся возмездия КГБ, на который он раньше работал. Этот страх особенно сковывал его.

На пятый день своей практики Анатолий попрощался и уехал.

«Я писатель, а не политический комментатор, — оправдывался он. — Одно я уже понял. Постараюсь сделать соответствующие выводы для будущей работы. В ближайшее время предоставлю план записи моих авторских комментариев в студии. Если вам не понравится, увольняйте меня, и дело закончено».

Я информировал Перуанского об этом разговоре, и вместе мы отправились к Бобу Таку. Наша позиция была ясна: мы не можем потерять такого популярного писателя, как Кузнецов. Его необходимо сохранить для радиостанции. После некоторых раздумий Боб согласился.

На самом деле вскоре Кузнецов прислал план передач «В студии Анатолий Кузнецов» и приступил к работе в соответствии с этим планом. Ночью он приезжал в наш филиал в Лондоне, садился в студии, сам включал аппаратуру и записывал получасовой монолог и уезжал потом домой, чтобы вернуться через неделю.

Его комментарии не были привязаны к теме и касались различных проблем в литературе, экологии и политике. В общей сложности было в эфир вышло более ста таких передач. Он сделал прекрасную работу.

В 1979 году за несколько месяцев до своего пятидесятилетия Анатолий Кузнецов внезапно скончался. Его жена и маленький ребенок практически остались без средств, так как он еще не заработал на пенсию. Пока он жил, его комментарии хвалили и приводили в пример другим. Когда он скончался, радиостанция даже не выделила денег на его похороны. Мы из русской редакции собирали для него деньги, давая каждый сколько может. Всего собрали пять тысяч английских фунтов. Когда об этом стало известно, к акции пожертвования присоединились поляки, чехи и болгары. Только украинцы ничего не дали. Шеф редакции строго запретил это.

Я точно знаю, что КГБ не интересовался Анатолием в Англии. Его страх был необоснованным. Но это страх точно повлиял на его раннюю кончину.

КГБ был огромной организацией. Неспроста его называли государством в государстве. В рядах отдельных управлений ПГУ (1-е управление), которое занималось разведкой за границей, был наиболее многочисленным и самым могущественным, уважаемым и закрытым управлением. Для этого отдела в Ясенево вблизи

Москвы сразу за кольцевой дорогой был выстроен целый плотно охраняемый город окруженный бетонной стеной и колючей проволокой с вывеской «Научный центр». Здесь находилось большинство подразделений ПГУ, хотя даже этой огромной территории было недостаточно, чтобы разместить Школу разведки, Центр подготовки диверсионно-оперативных групп и другие оперативные отделы, которые были разбросаны по всей Москве. Я полагаю, что о структуре ПГУ было известно только небольшому количеству руководителей в КГБ. В Ясенево, кроме отделов, которые отвечали за работу зарубежных агентов во всем мире, находился Исследовательский институт проблем разведки, огромный вычислительный центр, центры шифровки и радиосвязи, строго охраняемые специальные лаборатории, рабочие группы паспортной и документальной подделки и так далее. Кроме того, там находился большой универмаг для служащих и даже Музей истории чекистов.

Управление внешней разведки особенно расширилось во времена управления КГБ Андроповым. Он любил Управление, считал наиважнейшим инструментом государственной политики и поддерживал всеми силами и возможностями. Во время его руководства Управление съехало с Лубянки в Ясенево и заняло место в белоснежном комплексе зданий. В его время были значительно увеличено количество зарубежных резидентур. Была основана Высшая школа разведки[13] и создана эффективная Служба аналитики. Андропов обязательно проводил день два в неделю в ПГУ. Неудивительно что этого человека еще сегодня обожествляют в разведке.

Чтобы избежать одностороннюю оценку хочу привести цитату бывшего директора ЦРУ Уильяма Колби. Он недавно написал корреспонденту русской газеты «Новое время» следующее: «На мой взгляд, это был очень интересный человек. Он начал строить новое КГБ. Вместо воров, которые ранее работали в разведке, он собрал лучших выпускников лучших институтов страны и обеспечил их знанием иностранных языков и профессиональными навыками. И они на самом деле хорошо поработали».

Как хорошо работали люди Андропова, Колби знает из собственного опыта.

Каждое утро мужчин, которые ничем не напоминали Джеймсов Бондов, собирали на оговоренных пунктах из всей Москвы и дюжинами незаметных автобусов отвозили в Ясенево — «в лес», как это называлось на языке разведчиков. Вечером после работы людей возвращали этими же автобусами к исходным станциям метро.

Каждый сотрудник государственной разведки мечтал

работать «в лесу». Во-первых, разведка всегда была овеяна аурой тайной романтики. Она считалась рабочей сферой элиты. И во-вторых, в то время была еще одна прозаическая причина: из Ясенево дорога вела прямо в западные обеспеченные страны и хороший доход. После двух-трех командировок человек мог считать себя вполне обеспеченным на старость. Хотя отбор кадров для этих миссий был достаточно строг, он не всегда падал на самых достойных. Благодаря связям преимущество выпадало детям высоких партийных функционеров, маршалов и генералов. На правильный кадровый отбор сильно влияла партийная принадлежность, что позволяло быть выбранным сразу на руководящие места, причем только благодаря предыдущей работе в области партийного функционера. Партия предполагала таким образом контролировать разведку и идеологически укрепить ее ряды. Когда я встречал таких «идеологических разведчиков по поручению партии» на пути, я немедленно узнавал их благодаря плохому знанию иностранного языка, низкой оперативной готовности и завышенной самооценке. Они ни к чему не были способны, но смотрели на всех сверху вниз, считая себя незаменимыми.

Я рассказываю о ПГУ, потому что они руководили моей работой на «Радио Свобода». Хотя я впервые был «в лесу» после возвращения, в предыдущие двадцать лет моей деятельности я регулярно встречался с сотрудниками Ясенево. Они приезжали на Запад с инструкциями и забирали в Москву предназначенный Центру материал. В Карлсхорсте они передавали мне необходимые оперативные навыки.

За меня непосредственно в ПГУ отвечало так называемое управление «К» (контрразведка — прим. ред.). Если не подводит память, Управление было создано в 1971 году на базе 14-го отдела 2-й службы ПГУ для противостояния вербовке советских граждан за рубежом, в особенности служащих государственной безопасности, а также для предотвращения внедрения агентов противника в центральный аппарат разведки.

В целом на Лубянке функциями контрразведки занимается 2-е управление, хотя уже под новым именем, но все еще располагаясь в центре Москвы. Оно ведет наблюдение за иностранцами, контролирует действия резидентур, которые работают под ширмой посольств, предотвращает создание шпионских сетей на территории России и утечку секретной информации. Контрразведка 1-го управления имела другую функцию. Она была тайной полицией внутри контрразведки. Одна из ее задач состояла, как я уже сказал, в предупреждении проникновения иностранных агентов в собственные ряды. К тому

же сотрудники управления «К» на работе офицерами безопасности в западных представительствах держали под строгим контролем российских граждан на работе за границей или в краткосрочных зарубежных командировках[14].

Прежде офицер безопасности являлся абсолютным царем в советских посольствах. Все его опасались, так как тот, кто получал от него плохую характеристику, никогда больше не мог поехать за границу.

Кстати, в США наряду с ФБР и ЦРУ также есть подобные службы с похожими функциями.

Не знаю, как уж в Лэнгли, но у нашей контрразведки всегда было много дел. Хочу объяснить причину. Советский Союз был до недавнего времени закрытым обществом, страной за «железным занавесом». Иностранным разведкам было тяжело достать здесь информацию. Вся система искусно берегла свои секреты. Контрразведка узнавала о малейшем контакте советского гражданина с иностранцами. В таких условиях практически все попытки западных контрразведок оперативно завербовать интересных им лиц практически заранее были обречены на неудачу.

При этом существовал большой спрос на информацию военно-промышленного комплекса, науки, кругов, близких к военному командованию, и конечно же, высшей партийной прослойки и аппарата государственного управления. Запад жил в постоянном страхе перед непредсказуемым «русским медведем», при этом желая держать под контролем все его намерения.

К великой радости западных разведок начиная с шестидесятых Советский Союз немного приподнял железный занавес, сделал прозрачнее границу и отпускал в зарубежные путешествия туристические группы, спортсменов, официальные делегации и художественные коллективы. Разведки сконцентрировались на этих людях. Учитывая слабые места лиц, интересных для оперативной разработки, их вербовали по существующим во всем мире правилам вербовки: «деньги, идеология, компромат и тяга к возмездию». Я не хочу утверждать, что вербовали всех. Бросали большую сеть и ловили только крупную рыбу. Какая польза была от футболиста или домохозяйки? Зато хорошо информированный журналист, сотрудник дипломатической миссии, ядерный физик, аналитик Кремля или офицер разведки были долгожданным уловом ЦРУ или любой другой разведки.

Контрразведка не вмешивалась во внутренние дела других стран и защищала интересы Советского Союза за рубежом, причем очень даже успешно. Результаты особенно впечатляли,

когда удавалось внедрить своих людей на объекты, которые работали непосредственно против Советского Союза. Безусловно, к таким объектам относилась «Радио Свобода».

Далее я хотел бы рассказать о нескольких случаях, которые сопровождали мою деятельность.

Сразу после начала моей работы в ПГУ я получил задание Центра пристально следить за армянином Дираном Магребляном. Тогда он работал практикантом в бюро Макса Ралиса и его рассматривали как кандидата на пост директора специальных проектов дочернего филиала. Под эгидой этого филиала создавались всемирные отделения «Международной ассоциации литераторов» со штаб-квартирой в Риме. Задумано было, что Ассоциация должна укреплять международные культурные связи между Востоком и Западом. Возможно, в этой связи уже предпринимались некие действия, но планировалось их усилить. С помощью денег ЦРУ Ассоциация приобретала до трети всех издаваемых на Западе книг на русском языке и распределяла эти книги безвозмездно советским гражданам или даже отправляла их в СССР по обычной почте.

В последнем случае шансы, что хотя бы одна из отправленных книг достигнет адресата, были крайне малы, так как на Центральном телеграфе Москвы цензура тщательно проверяла все входящие отправления с Запада. Но Ассоциация использовала даже самые небольшие шансы.

Я установил с Дираном дружеские отношения и сохранял их даже тогда, когда он переехал в Париж, чтобы «углублять свою работу по культурным связям». Центр просил меня периодически посещать Магребляна, чтобы узнать каналы, созданные для передачи нежелательной литературы. Я взял себе отпуск и уговорил своего друга, эстонца Раймо Ранда, составить мне компанию. На его ревущем «renault» мы отправились в путь. Нам было не к спеху, мы часто прерывали дорогу и рассматривали достопримечательности. В общем, мы вели себя как два настоящих туриста. Когда на третий день мы добрались до Парижа, я остановился у Дирана и его сестры Сони где-то в Ivry, в то время как Райму жил у своих друзей эстонцев.

Уже на следующий день Диран познакомил меня с бюро «Радио Свобода» в Париже, где Соня работала секретарем. Секретарем шефа и одновременно сотрудницей Макса Ралиса была некая Линда Петрускине, француженка литовского происхождения. Меня предупредили, что через Ралиса она поддерживает близкие связи с резидентурой ЦРУ в Париже, которая занимается поиском контактов с советскими гражданами и следит за ними с целью будущего сотрудничества.

В бюро «Радио Свобода» меня радостно встретили горячим кофе и свежей выпечкой, и забросали разными вопросами, а потом всей толпой пригласили на бизнес-ланч. Шеф бюро, чье

имя я сегодня не помню, щедро оплачивал обед из денег фонда представительства.

Мы отправились в ближайшее бистро, где за большим столом официанты накрыли нам стол с горячим луковым супом, мягкой телятиной и несколькими кувшинами очень легкого и вкусного вина. Рядом сидел почему то погрузившийся в молчание Диран Магреблян, в то время как сидящая за столом напротив Линда непрерывно разговаривала. Она рассказала мне все детали о себе и своих коллегах, не забывая задать мне вопросы о сотрудниках бюро «Радио Свобода» в Мюнхене. Я отвечал непринужденно и старался не сказать лишнего. Внезапно Линда задала странный и совершенно не связанный с нашим разговором вопрос: «Вы говорили, что учились в московском МГИМО несколько семестров. У меня там один знакомый, который иногда приезжает в Париж. Может, вы знаете его и слушали какие-то его лекции?»

«Кто же это?», — удивленно спросил я очень любезно.

Линда назвала фамилию профессора, который на самом деле прочитал нам пару лекций о международных отношениях. Я вспомнил, что он занимал достаточно высокий пост в советской номенклатуре.

«Да, такой доцент у нас был», — равнодушно сказал я Линде, но она вроде уже забыла свой вопрос и перешла к другой теме.

После этого нам подали сыр и кофе. Моя соседка, не стесняясь, положила кокетливо голову мне на плечо и спросила: «А не хотели бы вместе поужинать в ближайший вечер?»

Почему бы и нет. Я никогда не отвергал компанию красивых женщин, к тому же если разговор мог принести полезную делу информацию.

Но имя доцента московского МГИМО больше не возникло в нашем разговоре. Вместо этого было что-то другое. Со слов Линды, она часто посещает небольшой отель, который предпочитают в командировках из-за его дешевизны советские туристы.

«Это так весело, — рассказывала мне она, — сначала люди боятся собственной тени. Везде видят агентов ЦРУ и провокаторов. Но когда советским людям необходимы деньги, они достают из своих чемоданов водку, икру, матрешки и без всякого стеснения просят помощи при их продаже. Вот тогда они полностью начинают мне доверять. Возможность получить иностранную валюту притупляет у них все наставления Москвы о мерах предосторожности.

Этот разговор для меня тоже был очень показательным.

Визит в Париж близился к завершению. Через Дирана я узнал, как книги и брошюры нелегально попадают в Москву.

Кстати, ни Ассоциация, ни НТС не исключили предыдущую возможность доставки литературы обычными почтовыми бандеролями. В Париже я увидел списки имен и адреса моих соотечественников в Москве, Киеве, Ленинграде и Сочи. По этим адресам в рамках операции под кодовым названием «Стрела» им отправляли книги и другие печатные публикации в СССР. Как я уже сказал, эффект был почти нулевым. Но тем самым американцы подставляли под допрос в КГБ людей, которым они отправляли эти книги. Ведь в 1970 году за то, что мы писали, в Советском Союзе судили как за инакомыслие. И в этой ситуации было странно, зачем кто-то позволяет себе получать по почте с Запада антисоветскую литературу. Тут обязательно возникал вопрос: почему именно этому человеку? Есть ли у него связи с западными разведками? О ком вообще идет речь? У Органов государственной безопасности совершенно не было другого выбора, как регистрировать имена этих невинных людей. Многие ни в чем до сих пор не подозреваемые и абсолютно лояльные советские граждане попали, таким образом, из-за этих книжных «доставок» в неожиданные жизненные трудности. Думали ли об этом на Западе организаторы акции «Стрела»?

Во время моей следующей встречи со связным из Центра я передал все полученные в Париже данные и попросил особенно внимательно заняться лектором из МГИМО. За время моего отсутствия из Советского Союза он достиг еще более высокого ранга по службе в советской номенклатуре. Он получил доступ к документам партии и государственного управления и стал вхож и чувствовал себя как дома в кабинетах высших функционеров и возглавлял общественную организацию.

Не затащила ли Линда на берег крупную рыбу?

Позже все прояснилось. Когда этот советский гражданин был в командировке в Париже, американцы обратили внимание на его интерес к старым русским книгам, которые продавались в антикварных лавках. Так вот, Линду обязали его немедленно очаровать. Притворившись сотрудницей книжного магазина, она использовала весь свой шарм, чтобы привлечь туриста. Во время следующего визита он обещал обязательно зайти к ней.

Москве теперь было ясно, что до того как предпринять какие-либо шаги для контактов, американцы тщательно изучат и проверят своего кандидата. Так и происходило. Используя все свои источники, американцы в ближайшие три года составляли досье на «лектора». Но и КГБ не ждало сложа руки. С согласия руководства партии, что в подобных случаях было необходимо, а также с согласия самого русского книголюба был разработан план оперативной игры под названием «Апостол». Мне во время этой

операции поручили роль обозревателя и контролера.

В 1973 году «Апостол» снова приехал в Париж. Можно на самом деле похвалить американскую службу за контроль въезда граждан, интересных для оперативных разработок, за их безупречную работу. Приезд «Апостола» был тут же фиксирован. Линда Петрускине немедленно появилась на «библиотечном фронте».

«Апостол», безусловно, радовался встрече, вспомнил с благодарностью о дорогих духах, которые Линда в прошлый раз подарила его жене, и пожаловался на свои болячки, которые так тяжело было лечить в Советском Союзе. То, что касалось болезни и методов терапии, соответствовало правде.

Линда реагировала подобающим образом. Она рассказала, что знает в Париже много хороших врачей, но лечение стоит недешево, так же, как лекарства. Но что не сделаешь для старого знакомого? Они расстались в хорошем настроении. Во время следующей встречи поблизости находился Макс Ралис. Он представился журналистом, интересовавшимся Советским Союзом. Гость из Москвы был готов удовлетворить желание и любознательность друга Линды. Он упоминал в разговоре анекдоты и слухи из жизни высших кремлевских руководителей, тем самым «Апостол» давал понять, как хорошо он информирован. Сначала он не сообщил никаких секретов, а скорее намекал, что он не может обо всем говорить. Но Ралису этого было достаточно: с кандидатом можно было работать.

«Кстати, ваше состояние здоровья вызывает у нас серьезную озабоченность, — сказал он в конце разговора. Линда кое-что мне рассказала. Как друзья, мы чувствуем, что должны помочь вам преодолеть эту ситуацию».

Он вынул конверт с деньгами из сумки и отсчитал «Апостолу» внушительную сумму денег во французской валюте.

«Возьмите, сможете купить отличные медикаменты и проконсультироваться с хорошими врачами».

Гость из Москвы поначалу было воздержался, но Ралис смог его уговорить:

«Деньги не подарок, а гонорар за интервью, которое вы мне дали. То, что вы рассказали, я смогу использовать в моих статьях, не так ли? Конечно, не указывая на источник. Такого рода услуги у нас на Западе очень хорошо оплачивают».

Много позже в архивах КГБ я смог прочитать точную сводку об этой встрече, ставшей началом большой оперативной игры.

Месяц спустя после визита «Апостола» в Париж я опять отправился в этот город и, естественно, навестил бюро «Радио Свобода». Линда и Соня радовались моему визиту. Вместе мы

пили кофе и во время разговора я, между прочим, узнал, что Линде обещали за определенные заслуги скорое повышение должности и зарплату. Я поздравил ее от души, так как она это заслужила.

После этого в контактах между «Апостолом» и моими парижскими друзьями произошел длительный перерыв, так как его болезнь на самом деле ухудшилась. В связи со сложной операцией в его возрасте ему пришлось пройти длительный период реабилитации. Но не зря значится, что шпионаж — это вопрос выдержки. Выигрывает тот, у кого крепче нервы и больше терпения.

Наконец американская разведка отпраздновала «победу» в Бельгии, где произошла вербовка высокопоставленного агента из Москвы. В качестве вербовщиков выступали высокопоставленные сотрудники ЦРУ, представившиеся «Апостолу» как Михаэль Мартин и Ричард. Относительно Михаэля ПГУ удалось быстро выяснить что его настоящее имя О. Сельски. Но я, так же, как коллеги, не мог расшифровать Ричарда.

Конечно, «Апостолу» нелегко давалась эта двойная игра, так как он не проходил специальной подготовки, был не так уж молод и благодаря своему высокому положению имел привилегии. Поэтому без особого риска для своей карьеры он мог отказывать КГБ, ссылаясь на свое плохое самочувствие. Но этот человек решил выполнить задание до конца и сознательно. В 52 года он прошел ускоренный курс специальной подготовки, которая состояла из аутогенной тренировки и работы с психологом. В Москве опасались, что его будут проверять под влиянием психофармакологических препаратов или детектора лжи. В КГБ также был детектор лжи. Решено было профилактическим образом ознакомить «Апостола» с этим аппаратом, чтобы убедить его в том, что аппарат можно обмануть. К этому времени КГБ уже изобрел метод, как следует себя вести с этим аппаратом во время проверки. Это было не как раньше, когда мне советовали перед тестом выпить стакан водки, чтобы не нервничать.

Американцы аккуратно оберегали своего агента. Никто в Москве не связывался с ним, хотя для этого было достаточно возможностей. Они хотели избавить многообещающую операцию от любого риска. Поэтому все контакты проходили только за границей, предпочтительно во Франции. «Апостол» регулярно поставлял совершенно секретную информацию о ситуации в политбюро, противоборстве сил в высшем советском руководстве и перспективах двусторонних отношений между СССР и другими

странами. Особый интерес был проявлен к возможностям Юрия Андропова стать главой государства.

Интересовались, почему Андрей Громыко был освобожден от должности министра иностранных дел и назначен председателем Президиума Верховного Совета. Хотели знать, насколько твердо держатся на своих позициях лидеры коммунистических партий в республиках, какое значение имело временное исчезновение Константина Черненко с политической арены, что принесет следующее пленарное заседание ЦК КПСС, какие перемены предстоят в ближайшее время. «Апостолу» задавали сотни вопросов.

Не стоит напоминать, что перед каждой встречей «Апостола» тщательно инструктировали в КГБ о том, как ему следует отвечать. Москва также была заинтересована как можно дольше поддерживать игру. Из вопросов, поставленных двойному агенту, чекисты могли сделать вывод, насколько хорошо информирован противник и по каким каналам утекает информация. Помимо этого, через «Апостола» в ЦРУ подсаживали фальшивую информацию.

Американцы платили ему по-царски рублями и валютой. Но из соображений безопасности «Апостолу» советовали тратить французские франки только во время нахождения во Франции. Для ввоза рублей был необходим особый контейнер, изготовленный в виде зеркала для дорожного чемодана. Это зеркало легко раскладывалось на две части, между которыми укладывались рубли. Так как зеркало было покрыто специальной субстанцией, тайник невозможно было установить имеющимися в то время таможенными средствами. Это зеркало сегодня хранится в Музее разведки на Лубянке.

Есть много признаков того, что американцы планировали частые встречи с агентом. Они стали присматриваться к его подмосковной даче, изучали подъезды к ней и возможности создания мертвого почтового ящика.

Но неожиданно для всех дело грустно закончилось в 1985 году, когда «Апостол» умер.

Я сегодня еще не знаю, выяснили американцы или нет, что с ними вели оперативную игру. Если они этого не выяснили, то выражаю им свои соболезнования.

Я знал человека по имени «Апостол» лично. Во время одного из своих тайных визитов в Москву до моего возвращения мне организовали встречу с ним. Приведенный факт показывает, как ЦРУ пыталось реализовать свой проект № 46, разработанный специально для «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа», а правильнее сказать, для работавших под их прикрытием

секретных агентов. Я уже говорил, что центральным направлением был опрос мнения слушателей и эффективность передач. Отдел позднее перевели из Мюнхена в Париж и, насколько мне известно, сегодня он также является составной частью Исследовательского института «Радио Свобода» и «Свободная Европа» в баварской столице Мюнхен. Отдел был укреплен кадровыми сотрудниками американской разведки и тесно связанными с ним лицами. Главной целью этих сотрудников было изучение советских граждан, временно находившихся за границей — их опросы по конкретному образцу, установление и проверка личности и, в случае соответствия «объекта» для оперативной работы, его обработка и вербовка. Отдел поддерживал большой штат взаимосвязанных информантов практически во всех странах Западной Европы, которых вели через резидентуры. Резидентуры работали по двум направлениям. Первое направление было уже указанный проект № 46. Второе направление проект — № 52, который предполагал обработку «объектов, постоянно проживающих за границей».

В соответствии с поступающей из резидентур информацией отдел Макса Ралиса предоставлял сведения следующим организациям:

— ЦРУ и АСВ (Агентство Военной Разведки) — разведывательные данные также как данные о русских гражданах, имеющих доступ к секретным документам.

— МИД США — данные о политическом и экономическом положении в СССР.

— руководству «Радио Либерти» и «Радио Свободная Европа» — информация, которая могла быть использована в программах.

Тот факт, что я пишу обо всем в прошедшем времени, не значит, что в Мюнхене больше ничего не происходит. Безусловно, под воздействием перемен в нашей стране производятся корректировки в контрразведывательной работе «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа», но в общем и целом принцип остается тот же. Это я могу сказать совершенно уверенно. Никакая разведка не любит расставаться с наработанными методами. Американцы долго еще будут видеть в нас «непредсказуемого русского медведя», которого нельзя выпускать из виду. Кстати, не думаю, что наша агентурная сеть прекратила свою активность против США. Конечно, нашим людям теперь приходится нелегко. За ними не стоит прежняя сверхдержава, на которую агенты с готовностью работали (за деньги или по идейным соображениям). На оплату специальных служб не хватает валюты и их будущее неизвестно. Предатели из рядов офицеров легальных резидентур продают свои знания о

шпионских сетях разведкам различных стран. Многие занялись двойной игрой. В истории русской контрразведки никогда не было подобной ситуации. Но что делать? Мы все сейчас находимся в тяжелой ситуации. В одном я совершенно уверен: мы не имеем права полностью распускать нашу зарубежную контрразведку. Мир еще долго будет находиться не в лучшем состоянии. Временное взаимопонимание в порядочность в межгосударственных отношениях — только мираж. Иначе зачем разведкам иностранных государств по-прежнему так подробно интересоваться нашими внутренними делами? Зачем еще существует «Радио Свобода» со всеми его скрытыми филиалами? Ведь радиостанция имела своей первоначальной целью борьбу с коммунистическим режимом. Теперь этого режима нет. Какую цель ставят сегодня ее сотрудникам?

Но вернемся к моему повествованию.

Во время моей работы в Мюнхене я неоднократно мог убедиться, как исключительно конспиративно работает отдел Макса Ралиса. Каждый «источник» получал свой номер и псевдоним. Введенные в компьютер данные надежно и строго охранялись. Только немногие штатные сотрудники ЦРУ имели доступ к этим данным.

Если вы ждете, что сейчас я буду хвастаться тем, что украл список секретных агентов и резидентур, то мне придется вас разочаровать. Мне было бы это немного чересчур. Никогда во время своей карьеры я не пытался вскрыть закрытые сейфы, получить доступ к чужим компьютерам или отравить кого-то ядом. Я не участвовал в перестрелках и погонях и не менял своей внешности с помощью искусственной бороды. Я не прыгал с парашютом. Я не был Джеймсом Бондом, а был типичным шпионом конца XX века. Тщательный сбор информации и его анализ — этот метод иногда помогал меня идти к удаче.

Я уже говорил, как случай познакомил меня с Юджином Партой в 1967 году — американцем финского происхождения, который позже стал заместителем Макса Ралиса, а в 1981 году возглавил отдел. Юджин помнил о моей любезности и многие годы поддерживал со мной если не дружеские, то по крайней мере приятельские отношения. Конечно, я тоже старался не потерять его из своего поля зрения.

Я заметил, что он часто ездит в Финляндию. Сам по себе факт не был ничем выдающимся. Куда ему еще ездить? Конечно, на родину своих предков. Но каким-то образом мысли не оставляли меня. Я информировал Центр, хотя вряд ли там кого-то могло это заинтересовать. Но к моему удивлению Москва отреагировала оживленно и поручила следить за всеми поездками Парты в

Суоми, и записывать точные даты поездок. Я добросовестно выполнял это поручение.

Затем случилось вот что. Наши аналитики заметили следующую взаимосвязь: после того как Парта побывал в Финляндии, некий Кари Куиру отправлялся из Хельсинки в Москву. Этот журналист предпочитал некоторые регионы Средней Азии и даже установил там тесные контакты с одним ученым. Контрразведка установила тщательный контроль над обоими. После прояснения деталей с ученым провели разговор, и КГБ решил осуществить с ЦРУ дальнейшую оперативную игру. Кари продолжал приезжать в Советский Союз с удивительной регулярностью, привозил своему «информанту» деньги и дорогие подарки и получал подготовленную в КГБ фальшивую информацию, которую передавал Юджину Парте.

Такая игра продолжалась довольно долго. Я полагал, что на Лубянке не знают, как ее правильно завершить. Относительно Куири было понятно, что он настоящий шпион и его легко было словить по горячим следам. Но именно этого избегала Лубянка. На протяжении десятка лет между Финляндией и СССР существовали дружественные и доверительные отношения. Вряд ли в концепцию наших лидеров входило разоблачение такого злополучного агента. В так называемой «высокой политике» это не принесло бы СССР никаких преимуществ и, возможно, даже отягчило бы билатеральные отношения.

Наконец операцию завершили довольно легко. Когда Кари Куиру опять собрался выйти на своего «информанта», вместо него на встречу вышли журналисты и уважительно попросили у финского журналиста «интервью». Ему не сунули под нос ордер на арест, не одели наручники и даже не отвезли в милицию. Для посторонних это выглядело как дружественный разговор между старыми знакомыми. Но я уверен, что у Куиру затряслись коленки, и он тут же представил себе описанный Солженицыным сибирский архипелаг ГУЛАГ и подземелья Лубянки. Поэтому он решил сказать правду, как Парта завербовал его, как американцы щедро оплачивают его поездки в СССР и какие у него инструкции. Больше всего он опасался, что эта история получит огласку в Финляндии. Финские власти наверняка не отнесутся с пониманием к тому, что Кари Куиру нарушил налоговый закон и не указал свои доходы от шпионской работы, а также не доложил о своей работе на зарубежную разведку.

Чтобы не сердить контрразведку, он рассказал все, что знал о работе резидентуры ЦРУ в Финляндии против СССР. После этого его отпустили с просьбой никогда не приезжать в СССР с подобными миссиями. Кроме того, его просили передать Юджину

Парте, что КГБ считает игру законченной.

Эту операцию, на мой взгляд, можно однозначно оценить как успех органов госбезопасности, точнее сказать — 5-го идеологического управления КГБ.

Кроме наблюдения за СМИ, за интеллигенцией и религиозными организациями, это управление занималось в сотрудничестве с ПГУ также борьбой с зарубежными «идеологическими диверсиями», обработкой эмигрантских организаций, глушением зарубежных радиопередач для слушателей в СССР и контролем почтовых отправлений с целью перехвата антисоветской литературы и брошюр. Отделы, аналогичные 5-му управлению, существовали также в территориальных отделениях органов госбезопасности. Они также хотели отличиться в борьбе с «враждебными идеологиями» и выявлять их пособников. С согласия руководства на Лубянке они старались организовать собственные акции против зарубежных антисоветских центров, в особенности против НТС, которого считали своим главным врагом.

Могу привести как пример еще одну удавшуюся операцию оперативной игры офицеров госбезопасности Ленинграда, которые создали в городе фиктивную ячейку НТС для якобы распространения литературы и листовок. Обычно столь осторожныее функционеры НТС во Франкфурте-на-Майне почему-то слепо поверили на сей раз этой фальшивой информации и отправили в Ленинград собственных людей. Когда те почувствовали запах жареного, было уже поздно: чекисты начали свою кампанию в СМИ…

Но обычно контрразведчики НТС имели хороший нюх на ловушки и не связывались с непонятными контактными лицами. Я соглашусь с их шефом Андреем Васильевым, который достаточно снисходительно описал уровень работы КГБ против НТС в интервью: «Рутинные и шаблонные акции свидетельствуют о низким духовном уровне и ограниченности. Например, нам в Западную Германию пришли письма из Москвы и Подмосковья, в которых нам предлагали поддержку. Оба письма были напечатаны на одной и той же машинке IBM. Извините меня, но в то время пишущие машинки были еще редкостью в Москве. Большинство операций против НТС были безуспешны и полезны только для статистики: все работают, все на местах».

Эта оценка была вполне справедливой. Мне необходимо рассказать вам еще об одной операции КГБ, как все «работали и были на месте», при этом получая ордена и преждевременные повышения по службе, хотя эффект был равен нулю. Возможно, этот эпизод войдет как курьез в историю контрразведок.

В конце шестидесятых члены НТС в одной европейской стране заметили советского гражданина, который интересовался антисоветской литературой. Якобы этот гражданин часто выезжал в зарубежные командировки и обещал стать многообещающим контактом. В 1969 году (тем временем он получил подпольное имя Петр) он сообщил своим новым друзьям, что полученная литература вызвала интерес у его знакомого. В следующий раз он привез письмо от этого знакомого. Прошедшие огонь и воду эксперты контрразведки НТС определили, что письмо составлено профессионально и не вызывает подозрений. Почти… В нем предлагалось организовать в Москве постоянную оперативную группу и регулярную курьерскую службу, и вооружить борцов с советской властью всем необходимым для подпольной борьбы. Очень хорошо! Создание таких групп входило в главные задачи НТС. Но что тут же вызвало подозрение? Несколько завышенные цели (создание «революционного штаба») и просьба связать с другого рода подобными группами на территории СССР.

При этом следует отметить, что основы структуры НТС соблюдали принцип децентрализации. Их ввели как меру безопасности при создании НТС в 1930 году, чтобы впредь уберечь организацию от полного уничтожения. В двадцатые годы Чека во время операции «Доверие» полностью уничтожило антисоветское подполье. Большевики тогда добились такого успеха, потому что им удалось через внедренных ими агентов без особого труда установить связь с истинными подпольными группами. Эту операцию еще сегодня приводят как блестящий успех в истории советской контрразведки. Ей посвящены многосерийные фильмы, книги и множественные выставки в музеях разведки госбезопасности.

Так вот, сейчас районное управление КГБ города Москвы и Подмосковья задумало провести собственную операцию «Доверие». В начале 70-х в игру вошел новый актер по имени Юрий. Он был автором этих профессиональных писем и главный игрок в спектакле. Разыгрывая туриста, он встретился с сотрудниками НТС в Финляндии. Но те были начеку. Они исходили из того, что речь идет о провокации КГБ, и были готовы до определенной степени войти в игру (пока это не угрожало их организации), чтобы пощупать планы контрразведки получить материал о формах и методах работы и просто проучить противника. «Юрию» говорили все подобающие в таких случаях благородные слова о долге перед родиной, о святой обязанности каждого честного человека бороться с коммунизмом и что Запад высоко ценил его готовность и смелость положить жизнь в этой борьбе. Сотрудники НТС обещали новой группе свою поддержку

без всяких обязательств. На этом и договорились.

Во время следующей встречи «Петр» приехал из Москвы с размноженным «манифестом», который якобы нелегально распространили в столице. Помимо того, он пообещал достать местные газеты и телефонные книги из СССР, в которых НТС постоянно имело интерес как в источниках информации для установления всевозможных контактов. Через год «Юрий», которому якобы одобрили поездку в туристическую поездку, вновь объявился в Париже.

На встрече, кроме оперативных контактных персон, присутствовали двое ведущих членов НТС. Гость из Москвы их не разочаровал. Два часа подряд он подробно рассказывал руководителям НТС о плачевном положении в Москве. Потом он рассказал об успехах группы, которой руководил, к которой с его слов присоединялись все новые члены, готовые к борьбе. Господа из Франкфурта выражали свое восхищение. Во все годы и десятилетия борьбы с коммунистами им еще не встречался такой герой. Могу себе представить, насколько высоко было их искушение сообщить американцам о своем успехе, который они могли себе приписать. Возможно, они даже это сделали: ведь радость и горе НТС и работающих там людей полностью зависели от поддержки западных спецслужб. Такой успех мог очень даже пригодиться.

Одновременно у умных и опытных руководителей НТС закрадывались сомнения. «Юрий» настаивал, чтобы ответственный руководитель из НТС приехал в Москву. Это окончательно попахивало провокацией. Подобным образом в первые годы советской власти чекисты заманивали в Москву своих противников и безжалостно с ними там расправлялись. «Юрия» тщательно проверили и таким образом установили, что названные им телефонные номера не были зарегистрированы в справочнике Москвы. Также названное им имя Андрей Родионов оказалось фальшивым. Теперь было абсолютно ясно что речь идет о провокации.

Во Франкфурте расходились во мнении, как следует дальше себя вести. Кто-то хотел немедленно оборвать все связи. Другие настаивали на продолжении встреч.

«Расследуем, что КГБ от нас хочет и к чему нас толкает, как инсценирует игру, — говорили они. — Кроме того, мы можем их дезинформировать и вводить в заблуждение». На том и порешили в конце концов.

Эту комедию играли семь или восемь лет. Все извлекали из нее пользу. «Юрий» — офицер московского управления КГБ по имени Ярослав Карпович, позже участвовал в решении вопроса о

лишении гражданства Александра Солженицына. Он получил орден Красного Знамени и преждевременно произведен в полковники. Сама операция находилась под прямым контролем председателя КГБ Юрия Андропова. Даже Леонид Брежнев, насколько я слышал, был информирован об удачной оперативной игре. И во Франкфурте потирали руки от удовольствия. «Петр», «Юрий» и другие курьеры регулярно привозили из Москвы местные газеты и другие публикации и докладывали о проделанной работе. Все получали свое.

Сначала «Юрий» произвел хорошее впечатление в Хельсинки на людей НТС. Он был умен, энергичен и критичен к советскому руководству. Он точно замечал все недостатки коммунистического режима. У него были все лидерские данные. Дай ему в руки винтовку — пойдет брать Кремль. Но, как очень скоро стало ясно, он явно переигрывал и выдавал себя за того, кем не был. Все его сводки из Москвы вызывали во Франкфурте смех. «Юрий» доложил об арестованном при распространении антисоветских листовок в почтовые ящики члене своей группы, которому соратники помогли освободиться и бежать. Не проще ли было отправить в Москву пару винтовок, чтобы в следующий раз они могли по-настоящему защититься от КГБ?

Все это было явным дилетантством. Таким примитивным образом НТС хотели выдать за террористическую организацию. Из Франкфурта поступил вежливый, но конкретный отказ: «Нет, оружие мы не дадим, потому что, если провалитесь, это означает для вас еще большие трудности. Работайте старыми методами — листовками, устной агитацией, распространением присланной с Запада литературы…

Карповичу и его людям не оставалось ничего другого, как проглотить эту горькую пилюлю и сообщать о выдуманных акциях и распространении листовок.

В конце семидесятых эта грандиозно задуманная «операция» достигла свей мертвой точки и поэтапно завершена. КГБ связывало с ней далеко идущие цели. Как при операции «Доверие», чекисты хотели одним ударом разоблачить и уничтожить все ячейки НТС на территории СССР, одновременно собрать или организовать компромат на организации, чтобы вызвать к ней полное недоверие. Но операция оказалось бесполезной, за исключением личных привилегий, которые получил полковник Карпович и его офицеры.

Стоит ли говорить, что больше всего мне нравилось встречаться с коллегами в Восточном Берлине? Во время этих коротких встреч я чувствовал себя хотя бы на какое-то время дома и мог немного отдохнуть и расслабиться. Я опять мог быть

московским Олегом Тумановым. Естественно, все эти поездки в ГДР были связаны с определенным риском, но разработанная совместно КГБ и органами госбезопасности ГДР система работала безупречно. Все было продумано до мелочей.

Только однажды мне стало не по себе во время обычной поездки. После окончания встречи в Карлсхорсте я целым и невредимым прошел пограничный и таможенный контроль в аэропорту Шенефельд и прошел на борт самолета в ожидании вылета в Копенгаген. Как обычно, в паспорте отсутствовал штамп о пересечении границы и, как обычно, моя фамилия в авиабилете была несколько изменена.

Внезапно по непонятной мне по сей день причине в готовый к отлету самолет поднялись вооруженные пограничники ГДР. Два наряда с автоматами охраняли выход, в то время как полная женщина в серой форме с фуражкой принялась проверять паспорта и билеты пассажиров. Это было неожиданностью! Только еще не хватало, чтобы в присутствии других пассажиров меня станут вслух спрашивать, почему у меня нет визы на выезд и почему мое имя в билете записано с ошибками. И под конец господина Туманова, по его правильной фамилии, попросят пройти вместе.

Я сидел в заднем отсеке самолета и у меня еще было время подумать как выйти из этого положения, но мне не приходило в голову ничего разумного. Поэтому я просто сидел и ждал, чем все закончится.

И вот эта женщина-пограничник в сером стояла передо мной. Я передал ей паспорт и билет. Она поглядела на мои документы, даже не моргнув глазом, и молча вернула их мне. Через пять минут досмотр завершился, дозор покинул самолет и мы покатились к взлетной полосе.

Странное поведение пограничников я не могу понять по сегодняшний день.

Не считая этого инцидента, мои контакты с Центром проходили без особых происшествий. Схема всегда повторялась: к назначенному времени я отправлялся в Восточный Берлин или чуть реже — в Австрию или Швейцарию, встречался там со связником, передавал ему новую информацию и возвращался обратно. Эти встречи никогда не проходили в Мюнхене или на территории ФРГ.

Если при этом возникали внештатные ситуации, то это было только ввиду наших собственных ошибок.

Так однажды получилось в Берлине. Я оформил себе длительный отпуск, запланировал первые три дня провести, как намечено, с ведущим офицером в столице ГДР. Потом полететь к

моему псевдо-другу Владимиру Матусевичу в Копенгаген. Оттуда — к настоящему другу Владимиру Крысанову в Стокгольм, а уже оттуда улететь в Париж, порыться в русском антиквариате, проведать филиал «Радио Свобода» и, наконец, вечером отдохнуть в русском ресторане «Распутин».

В Карлсхорсте вместо Сергея меня ждал новый напарник по имени Евгений.

На этот раз у нас особо не о чем было говорить. Вся работа была обычной рутиной. Мы только выяснили вопросы Центра ко мне и уточнили информацию. Рутина всегда утомляет, так что уже на следующий день Евгений предложил отдохнуть в доме офицеров, где как раз показывали новый советский фильм.

«Зайдем в зал в темноте, когда фильм уже будет крутиться, и сядем в последний ряд. Потом уйдем незаметно, пока фильм еще не закончился, чтобы никто нас не заметил».

Это было абсолютным нарушением правил конспирации, но вполне отвечало русскому менталитету «на авось».

Тогда меня уже селили не на квартире, а на вилле с садом. Как я сейчас еще помню, от двери мраморная лестница из двенадцати ступенек вела вниз прямо в сад. В середине этой лестницы я оступился, упал и почувствовал сильную боль в щиколотке.

«Очевидно, это сильное растяжение, — сделал быстрый диагноз Евгений. — До утра все пройдет. Наложим тебе тугую повязку с холодным компрессом».

Но боль усиливалась и мы не пошли в кино. Я с трудом поднялся на второй этаж в спальню и со стонами обрушился на кровать. Наутро я не вставал, потому что нога сильно опухла и каждое неосторожное движение приносило сильную боль. В таком жалком виде и совсем беспомощным застал меня утром Евгений. Экономка с помощью имеющихся на вилле лекарств и народных средств безуспешно пыталась облегчить мою боль.

Что делать? Вы должны поставить себя на место моих хозяев. Чтобы пригласить на дом врача, необходимо сначала доложить о происшествии руководству и затем посвятить в дело посторонних людей. Но у нас почти не было надежды, что травма заживет сама по себе. Секретный агент содрогался в постели от резкой боли, а его нога все больше распухала. Нелегального агента срочно должен был посмотреть легальный советский врач.

В конце концов необходимые телефонные вызовы были сделаны. Прибывший в белом халате подполковник настоял на необходимости тут же сделать рентген. Поддерживая под руки, меня транспортировали в военный госпиталь. Прежде чем вывести меня из машины и проводить в отделение, где мне могли

сделать рентген, его очистили от всего медперсонала и других пациентов. Остался один-единственный военный врач, который оказывал мне скорую помощь. После осмотра он объявил свой ужасный диагноз:

«Наложить гипс и две недели строгий постельный режим!»

«Сколько?», — спросил Евгений с ужасом на лице и побледнев.

«Две недели! — повторил доктор совершенно без сострадания. — Это если хорошо заживет. Иначе может быть и дольше».

С ужасом мой коллега опять позвонил руководству в Берлине, так как он не имел права в подобных случаях самостоятельно принимать решения.

Главврач, конечно, не понимал, откуда такое волнение из-за пациента всего лишь со сломанной щиколоткой. Обычный диагноз, от которого еще никто не умирал. Зачем весь этот придуманный театр, будто дело идет не о молодом парне, а по крайней мере о министре обороны или высшем чине политбюро? Из хирургического отделения удалили всех пациентов, а при возможности еще поставили бы там охрану. Теперь договариваются, что делать с пациентом. Что это за большой зверь?

Пока Женя говорил по телефону, мне до колена наложили гипс. Из представительства КГБ в Берлине приехал высокий чин, чтобы поговорить с руководством госпиталя с глазу на глаз. Смысл был, чтобы лечить меня на дому. Но врачи были наотрез против этого. Бледный Евгений уже видел все вытекающие для него из этой истории последствия. Его разжалуют, отзовут в Москву и станут разбираться в происшествии. Если бы он не пригласил меня в Дом офицеров, что само по себе было большим нарушением, несчастья не случилось бы. Я использовал момент, чтобы успокоить его, что о походе в кино никто не узнает ни слова. Пускай руководство думает, что перед сном мы хотели подышать свежим воздухом. Это же не запрещено…

Наконец выход был найден. Меня переместили в отдельную палату госпиталя под названием «Маршальская» — шикарную двухкомнатную квартиру типа люкс, с собственным душем, туалетом, коврами и хрустальной посудой, предназначенную для высшего военного командования и, к счастью, свободную на тот момент. Мне тут же придумали простую легенду — «известный журналист из Москвы». Ко мне имели право приходить только лечащий врач и медсестра с термометром в завтрак, обед и ужин. Она тоже была москвичкой и усыпала меня вопросами о новостях у нас в стране. Она сама не была дома два года, зато меня там не

было уже целых десять лет. Что же я мог рассказать ей о Москве…

На следующий день пришел Евгений и рассказал, что гроза уже позади. «В любом несчастье есть что-то хорошее» — так он считал. Теперь есть время поработать на аналитический отдел.

И затем в течение двенадцати дней мы вырабатывали прогнозы для аналитического отдела. Как я узнал позже, Центр был очень доволен результатом этого незапланированного пребывания в госпитале.

После того как меня выписали из госпиталя, оставалась одна маленькая проблема. Одной ногой я влезал в ботинок, а другой ногой — никак. Пришлось отправлять человека в Западный Берлин за новой парой обуви двумя размерами больше моего. На следующий день я летел из Копенгагена в Париж. Стокгольм пришлось вычеркнуть, так как на него больше не было времени.

На сей раз мне повезло, но что если бы я не был в отпуске? Отправился с загипсованной в советском госпитале ногой из Восточного Берлина в Западный? Моя легенда обязательно распалась бы. А так — обошлось.

Как показывает практика, обычно такие проколы возникают при нарушении железных правил контрразведки. Нелегальному агенту запрещается многое из того, что позволено обычному человеку. Нарушения жестких правил часто имеют серьезные последствия. Хочу привести еще один пример.

Однажды, успев завершить нашу основную работу в Карлсхорсте, мы с Сергеем решили опять чуть расслабиться и поудить. Для меня рыбалка была лишь возможностью приятно провести время, а мой коллега был страстным рыбаком, впрочем, как и водитель из личной охраны, который терял голову при одном виде удила. Когда мы наудили пару карпов, действуя без соответствующей лицензии на хорошо знакомом нашему водителю озере, наши молодцы решили, что улов еще не тот. Особенно был недоволен водитель, который считал, что из двух пойманных, хотя и жирных рыбин не сварить ароматной ухи. Для этого нужно было еще наудить щуки и окуня. Поэтому он предложил поехать дальше, на другое озеро, и Сергей согласился, ни о чем не спросив.

Озеро оказалось совсем рядом. На съезде в лес у дороги, хотя там не было полицейского поста, виднелся щит «Въезд запрещен!». Мы осторожно проехали к берегу и спрятали нашу «Волгу» в кустах, после чего с удочками в руках сели на небольшом расстоянии друг от друга. Озеро было необычным, с маленьким островком и симпатичным домиком посередине. Из него доносилась тихая музыка. Вода была тихая и лодок не было видно.

Я сконцентрировался на рыбалке, но вдруг почувствовал руку сзади у себя на плече:

«Ваши документы!», — приказал со спины строгий голос на немецком языке.

Я развернулся, увидел за собой молодого парня в хорошей новой куртке и успел заметить, что мои коллеги также оказались в окружении той же группы лиц. У меня с собой не было никаких документов, только сигареты и спички местного производства. Что мне показывать «парню в куртке»? Я махнул головой в сторону моих знакомых.

У них с собой были все документы. Сергей показал немцам свое удостоверение, рассмотрев которое один из немцев ответил на ломаном русском языке: «Вы КГБ, а это объект MFS (Министерство государственной безопасности ГДР (нем. Ministerium für Staatssicherheit) — прим. ред.).. У вас сюда нет пропуска».

Но инцидент удалось мирно затушить, после чего немцы проводили нас к «Волге», напоследок предупредив никогда здесь больше не появляться.

Оказалось, что сами того не желая, мы были вблизи загородной дачи руководителя восточно-немецкой разведки Эриха Миелке. Эту территорию строго охраняли и мало кто имел сюда доступ. Таким образом, могу только представить себе скандал, если бы из принципиальных соображений немцы потребовали мои документы и узнали, кто я есть на самом деле. *Сотрудник «Радио Свобода», что для них ровно ЦРУ, удит рыбу под носом начальства госбезопасности страны рабочих и крестьян!* Как бы я объяснил им, что я не враг Советского Союза, а выполняю секретное задание Москвы, о котором никто не знает? Они бы не поверили. Слава богу, на сей раз с нами еще раз обошлось.

Хороший шахматист всегда планирует свою игру заранее, обдумывает собственные ходы и рассчитывает возможную реакцию противника. Так работают в контрразведке. При организации самых простых операций нужно помнить все факторы, которые имеют отношение к данному вопросу. Для этой цели американцы уже давно используют ЭВМ. Компьютеру ставят задачу, и через пару секунд он выдает несколько вариантов их решения. Остается выбрать самый лучший вариант. Здорово! Может, и у нас в разведке появилось что-то подобное. Я не знаю… В любом случае, в мое время это было не так. Офицеры КГБ опирались на свой опыт, разработанные принципы и собственную интуицию. Особенно в деликатных случаях решения приходят через интуицию. Здесь современные компьютеры не могут помочь.

Я уже говорил, что наши встречи не всегда проходили в Берлине. Однажды Сергей подумал, не встретиться ли нам в следующий раз в маленьком городке на реке Дунай в Австрии. Чтобы добраться туда, я должен был ехать поездом, затем пересесть в автобус и еще минут десять идти пешком в сторону самого Дуная. Там, на берегу Дуная, среди толпы немцев, американцев и скандинавов, мне предстояло встретиться с моим связником.

Я обязательный человек. Когда ведущие офицеры назначали место для встречи, я всегда полагался на них, так как у них был лучший обзор. Что они говорили, то я и делал, так как не мое дело было делать им замечания в вопросах конспирации и выхода на связь. Но на этот раз, должен сказать, мне было не по себе. Что-то тревожило меня. Я не мог сказать, что именно. Мы запланировали встречу на конец сентября — начало октября, то есть на время, когда завершается туристический сезон. Многое зависело от погоды. Мы могли оказаться там единственными туристами среди пустых павильонов на берегу реки. Я высказал Сергею свои опасения, но он только отмахнулся: «Мы все проверили — там в это время еще много людей. Это многолюдное место — не беспокойся ни о чем».

В назначенный день я сел в поезд и отправился на встречу. В Мюнхене еще стояла прекрасная погода, так что я даже не захватил с собой плащ. Но когда мы пересекли немецко-австрийскую границу, над горами лежал глубокий туман, а позже погода совсем поменялась. Стало совсем холодно и полил дождь. Место назначения по прибытию в Австрии встретило меня настоящей непогодой — небо было укрыто черными облаками. Шел ливень вовсю. Я знал, что маршрутный автобус отправляется от вокзала через десять минут после прибытия поезда, но поблизости не было видно ни людей, ни автобуса.

Я пошел на вокзальный буфет и спросил официантку, будет ли вообще еще один маршрут?

«Часа через два, или еще позже, — сказала она, — а может и вообще не быть».

«Странно, меня предупредили, что автобус ходит вовремя по расписанию».

«Да, в хорошую погоду, — ограничилась она коротким ответом. — А когда туристов нет, их отменяют. Зачем автобусам ездить пустыми?».

«А такси тут ходят?»

Разговорчивая хозяйка только помахала головой. «Откуда к нам в столь отдаленное место должно приехать такси?»

Видимо, я показался ей понурым, так как она с сочувствием

спросила меня:

«Однако куда вы едете?»

Я запомнил со слов Сергея названия двух ресторанов и сказал, что в одном работает мой старый друг, которого я хотел бы сегодня навестить.

«О, — покивала хозяйка с сожалением головой. — Почти все рестораны закрылись. Туристы разъехались в теплые места. Кстати откуда вы? У вас не местный акцент».

«Я из Польши».

«Так и догадалась. Поляк или югослав. У нас много югославов работает, особенно во время летнего сезона. Как же зовут вашего знакомого, с которым вы хотите встретиться? Я почти всех тут знаю».

Вот так легко все может случиться. Слово за слово, и я уже почти попал в ловушку. Я глупо пошел на разговор. В маленьком городке, где каждый знает каждого, опасно называть выдуманные имена. Но как мне было сейчас поступить? На улицу мне сейчас нельзя было идти, потому что там было холодно, лил дождь и дул сильный ветер. Вдоль и поперек никого не видать. Естественно, меня уже давно ждут и на месте встречи. Волнуются, в то время как я все больше запутываюсь в опасном разговоре.

«Мой знакомый недавно здесь работает. Он тоже поляк и приехал на сезонные заработки».

«Не может быть, — сомневаясь, ответила она. — Рестораны закрыты уже неделю. Без туристов ничего не происходит. Ничего у вас не получится».

«Проделав такой длинный путь, я все же постараюсь его найти. Если все окажется попусту, вечером вернусь домой».

…Видимо, у меня был ангел-хранитель. Когда я выглянул из окна, у вокзала остановилась синяя «volvo» с венскими номерными знаками. Из машины вышел хорошо знакомый мне водитель венской резидентуры. Он прошел прямо в буфет, у стойки купил бутылку сливовицы. Естественно, он старательно меня не замечал, но безусловно приехал за мной.

«Извините, могли бы вы подвезти меня до берега Дуная? — обратился я к нему. — Автобусы не ездят, а на улице дождь. Я вам хорошо заплачу».

«Двести шиллингов», — невозмутимо потребовал водитель «volvo».

Я сделал вид, что это слишком дорого, но у меня нет выбора.

«Это мне не по пути, — оправдывался водитель за свою возмутительную цену. — К тому же плохая погода».

«Так я согласен, — торопил я, сунув ему в руки деньги. — Поехали».

И мы тут же отправились в сторону Дуная, забрав по пути замерзшего и промокшего связного. Нам стало понятно, что было не только неудобно, но и опасно проводить здесь встречу. Поэтому мы добрались до Линца, где за вкусным обедом в «Винервальде» я передал всю информацию. Кстати, водитель не вернул мне двести шиллингов. Денег мне было не жаль, так как он прекрасно сыграл роль случайного шофера в этой беде, выпутав меня из совершенно запутанной ситуации.

По правде говоря, я бы добавил ему еще сотню-другую шиллингов. Водитель мне нравился, и я всегда с удовольствием с ним работал. Но в присутствии еще мало знакомого мне связного делать этого было нельзя. Я знал о зависти ко мне соотечественников из-за валютных заработков и как там скрывают друг от друга побочные доходы. В любой советской колонии за рубежом были партийные комитеты, для которых такие поводы были только предлогом, чтобы устроить расправу над коммунистами за нарушение «морального кодекса». Так как все сотрудники за границей были членами партии, они в одинаковой мере боялись как партийные комитеты, так и офицеров госбезопасности.

Симпатичному водителю предстояло еще вернуться в Вену со связным и в резидентуре написать подробный отчет о встрече, стараясь не упоминать о возникших проблемах, связанных с ней. Иначе можно было опасаться, что подключат расследование и будут искать «виноватого», в результате найдя инициатора, то есть водителя, и накажут его. Не зря в России давно распространено выражение «Инициатива наказуема».

Кстати, с этом связным я больше нигде не встречался на своем пути. Он принадлежал к особым курьерам, которые появлялись только один раз. Обычно работа шла два года с постоянным партнером и до первого оперативного контакта, знакомство с ним (например, в Карлсхорсте) чаще всего происходило для того, чтобы обменяться минимальной информацией, познакомиться и сблизиться по-человечески, непринужденно поговорить во время прогулки… Последнее решение о сотрудничестве принимает агент. Он может отменить связного. Тогда вопрос о его оперативной работе под легендой за рубежом стоит под вопросом.

В моей практике были такие случаи.

Однажды мне представили будущего связника. Он был старше меня, любезен и умен, так что сначала я был о нем хорошего мнения. Мы познакомились на рабочей квартире в Карлсхорсте. Зоя с привычным для нее гостеприимством накрыла стол и затем оставила нас вдвоем. Приняв на грудь немного

спиртного, собеседник вдруг стал более разговорчив. Из его рассказов я понял, что он пришел в разведку по рекомендации партии, что означало, что в прошлом он был провинциальным партийным сотрудником среднего звена, зарекомендовал себя в этом звании и в знак отличия был послан в высшую школу КГБ. После окончания школы его тут же произвели в майоры и отправили на работу за рубеж.

По моей легенде я был убежавшим матросом Тумановым, который сотрудничал с разведкой только для того, чтобы «искупить долг перед родиной». Из-за его политических убеждений я не мог «вывести его на чистую воду». Поэтому начинающий Джеймс Бонд снисходительно начал преподавать мне урок: «Тебе нужно на самом деле много потрудиться, тогда наша социалистическая родина, возможно, вернет тебя домой». Он погрузился в красноречивое описание «великих достижений и завоеваний строительства коммунизма», в которых он принимал личное участие и в которых в будущем тоже, возможно, смогу поучаствовать я. Я подлил ему водки и слушал, кивая. Когда позже вечером к нам присоединился Сергей, я отвел в сторону своего старого друга и без всяких церемоний попросил в будущем держать этого типа подальше от меня. Сергей в недоумении спросил меня, в чем же дело. Я пригласил его к нам за стол. Скоро он уже понял меня.

С гостями из Москвы происходили разные курьезы. Один из них произошел во время Олимпийских игр 1972 года.

Летом этого года мне позвонил один знакомый — ранее советский кинорежиссер, который теперь работал на «Радио Свобода» в Лондоне. Когда я бывал в Лондоне, я почти всегда останавливался у него дома и наоборот, когда он бывал в Мюнхене, он жил у меня. Поэтому у меня не вызвало удивления, когда мой знакомый захотел побывать на Олимпиаде и пожить у меня. По приезде он сообщил, что обязательно хочет повидать своего друга юности, который приехал в Мюнхен с туристической группой. Я принял это к сведению, не придав его словам особого значения. В конце концов это было его личным делом и никак меня не касалось. К тому же я в то время был очень занят.

Но однажды вернувшись домой, к своему большому удивлению я обнаружил, что мой знакомый пригласил своего друга ко мне домой. Это было невероятно. Как мог сознательный гражданин Советского Союза согласиться на гостеприимство сотрудника «Радио Свобода» в Мюнхене? Если КГБ об этом узнает, ему не поздоровится. Его вызовут на допрос, его карьера полетит к чертям и ему грозит увольнение. Он навсегда забудет поездки за границу, жена от него уйдет, а его дети станут в школе

изгоями.

Я вспомнил случай, когда спортивный репортер «Радио Свобода» во время зимней Олимпиады в пресс-центре случайно поприветствовал своего старого друга из Москвы, с которым много лет работал вместе и который приехал сюда чтобы вести репортажи о хоккее. Для друга из Москвы это означало конец карьеры. Его уволили из редакции и не разрешили больше писать для центральных советских газет. При этом разговор был совершенно безобидным и два старых друга всего лишь обменялись несколькими приветственными словами. Но для 5-го управления КГБ этого было достаточно, чтобы строго наказать журналиста.

И тут внезапно гость из Москвы появляется у меня в квартире и при этом не видит в этом ничего подозрительного для себя! Либо он сотрудник КГБ, или провокатор из государственных органов, которого специально внедрили в эту туристическую группу, чтобы он использовал старую юношескую дружбу для знакомства с кадровыми сотрудниками «Радио Свобода».

Эта ситуация казалась мне крайне забавной. Не хватало только, чтобы он попытался меня завербовать. Как раз этим он и занялся.

«Можно у вас переночевать? — спросил он непринужденно. — Сейчас уже поздно и до гостиницы далеко».

«Конечно. Живите у меня хоть всю Олимпиаду. Только не хотелось бы, чтобы у вас из-за этого потом возникли неприятности».

«Почему вы так решили? Какие неприятности? — нагло врал мне в глаза необычный гость из Москвы. — У нас времена теперь переменились. В нашей стране изменилось отношение к иностранцам. Я теперь сам могу решать, как мне удобнее, — жить в гостинице или у друзей. Мы все должны сделать свой вклад в достижении взаимопонимания».

«Безусловно, конечно», — я должным образом пожал ему дружески руку. Про себя я подумал, что неделя будет увлекательной.

Я абсолютно точно понимал, что это за птица из Москвы. С другой стороны, мне также было ясно, что я должен немедленно доложить своему непосредственному шефу об этом госте с Лубянки. Мне только не хватало, что кто-нибудь узнал о чекисте из других источников и обвинил меня в подозрительных контактах с КГБ.

Рано утром, пока мои друзья еще спали, я позвонил на «Радио Свобода» и сообщил об этом смельчаке, который приехал в гости из СССР. Вскоре мне перезвонили с радиостанции:

«Быть может, этот русский гость пожелает встретиться с кем-то из руководства радиостанции? Мы могли бы позавтракать вместе и обменяться мнениями об Олимпиаде».

Когда в семь часов зазвонил будильник и мои друзья пробудились, я сообщил им об этом предложении.

Меня нисколько не удивило, что «турист» без всякого замедления принял такое предложение. Но у меня также закрались подозрения, что, может быть, он диссидент и захочет получить политическое убежище на Западе.

В кафе поблизости от «Радио Свобода» нас приветствовали Джордж Перри и Макс Ралис, которые не хотели отказать себе в удовольствии такой встречи. Директор «Радио Свобода» Франсис Рональдс тоже обязательно хотел познакомиться и поговорить с гостем из СССР. Возможно, все также заподозрили, что этот человек был из КГБ, но они не хотели упустить шанс лично услышать последние новости от гостя из Москвы.

Возможно, они тоже ожидали, что он попросит помощь, чтобы остаться на Западе.

В качестве младшего сотрудника радиостанции я мог только выпить чашку кофе и уйти. Только вечером я узнал некоторые детали этой необычной встречи.

Политического убежища «турист» не просил, но он был чрезвычайно разговорчив, сам много говорил и пытался вызвать на разговор собеседников. Он рассказывал о новых прогрессивных течениях в СССР, о предстоящих еще больших прорывах к положительным изменениям и грандиозных успехах советского общества исключительно во всех сферах жизни. Он очень старался выставить себя в хорошем свете и, не стесняясь, утверждал, что передачи «Радио Свобода» играли важную роль в жизни советских людей, не менее важную, чем газета «Правда». (Могу представить, насколько сладко было слышать эту грубую лесть моим руководителям.)

«Только жаль, — продолжал гость, — что в этих передачах преобладает критика советской действительности. Вам необходимо подчеркивать позитивные процессы в Советском Союзе и посвящать больше времени в передачах новостям о культуре, спорте и музыке. Наша молодежь обожает современную музыку!»

«Турист» настолько окутал руководство своими рассказами, что завтрак продолжился в ресторане за плотным обедом и на прощание ему передали деньги и подарки. Его, как обычно, не попросили о квитанции, вместо этого передали телефон «Радио Свобода», сказав: «В следующий раз будете на Западе, не забудьте позвонить, чтобы мы имели возможность опять побеседовать».

Со временем я забыл этот эпизод, пока однажды в Карлсхорсте Сергей с неоднозначной улыбкой не сказал мне: «Хочешь почитать что-то веселое?» Он передал мне машинописный отчет некого гостя о визите в Мюнхен.

Это на самом деле был интересный документ. Гость (судя по всему, сотрудник периферийного Управления КГБ), подробно характеризовал всех сотрудников «Радио Свобода», с которыми он встречался во время Олимпиады в Мюнхене. Общий знакомый из Лондона был описан очень подробно, со всеми необходимыми рекомендациями для его вербовки. В описание попали также я, Джордж Перри и Франсис Рональдс. Меня он характеризовал следующим образом: «Если Туманов на самом деле беглый матрос, за которого он себя выдает, то на Западе он получил хорошее образование. Он умен и проницателен. Его следует рассматривать как опасного врага советского государства».

Я радовался в душе этой оценке, так как для меня она была самой большой похвалой.

Джорджа Перри «турист» очень подробно обрисовал: «Этот американец, судя по его акценту, польского происхождения, вряд ли является тем журналистом, за которого себя выдает. На “Радио Свобода” у него явно другие функции. По всей видимости, он американский разведчик и любимец женщин». Нашему директору тоже не повезло: «Франсис Рональдс умен и совмещает уступчивость и решительность. У него нет ни малейшего представления о советской действительности. Ему можно вешать на уши лапшу. Он во все верит и позволяет вести себя на поводу».

Это были жесткие, но довольно объективные суждения.

Возможно, нашего друга наградили за такой удачный набег во враждебный лагерь.

Конечно, гость из Москвы не смог сообщить ничего нового. К тому времени КГБ знал о важнейших эмигрантских организациях на Западе если не все, то очень много. И конечно, в первую очередь о «Радио Свобода». На Лубянке и в Ясенево велись досье на буквально всех сотрудников радиостанции. Изучались их слабые и сильные стороны, собирали на них компромат, анализировали журналистские работы и копались в их прошлом. Конечно, чекисты не руководствовались при этом всего лишь любопытством. Как я уже писал выше, в рамках жесткой идеологической конфронтации Политбюро считало «Радио Свобода» своим наиопаснейшем врагом. А когда дело идет о враге, то следует его изучать, ослаблять и подрывать его позиции.

Я полагаю, что определенно я был не единственным разведчиком КГБ в Мюнхене и Франкфурте, где находился штаб НТС. Иногда на встречах в Карлсхорсте мои ведущие офицеры

только отмахивались рукой, когда я привозил им информацию, которая казалась мне важной, и говорили, что у них она уже есть. Иногда они настолько близко были информированы о личной жизни сотрудников, что это меня даже удивляло. Когда я проводил собственное расследование, оказывалось, что они правы.

После моего возвращения в Москву в известном здании на площади Дзержинского мне показали сейфы с толстыми папками и тысячами документов о различных аспектах деятельности «Радио Свобода» и о его сотрудниках. Определенная (достаточно большая) информация исходила от меня. Другие отчеты вели свое происхождение от кадровых сотрудников разведки и агентов, которая были завербованы среди эмигрантов. Есть ли таковые сегодня и каково их число, мы наверняка никогда не узнаем.

Во время всей моей шестнадцатилетней активной работы на контрразведку я никогда никого не завербовал и не пытался завербовать. Центр категорически запретил мне любую самостоятельность. В Москве были в первую очередь заинтересованы в том, чтобы я сохранял свою должность. По моему мнению, в этом смысле иногда практиковалась излишняя осторожность.

Если я, к примеру, вносил предложение добыть какие-то секретные материалы, когда возникала возможность их просто выкрасть, переснять и вернуть на место, то мне это строго воспрещалось. «Ты проявляешь слишком большой азарт, — справедливо говорили мне во время встреч. — Ты должен так организовать работу, чтобы документы сами падали тебе в руки». Легко сказать. Держаться затаившись мне давалось тяжело, так как во мне горели юношеская любовь к риску и желание пощекотать нервы. Кстати, иногда без всяких усилий с моей стороны документы все же случайно попадали ко мне в руки.

В нашей редакции работали две секретарши — русская Ирина и немецкая Герда. Они обе были усердные, но в то время как Герда работала добросовестно, Ирина иногда позволяла себе рассеянность и недопустимые ошибки. Однажды мне это очень помогло. К обязанностям секретаря также относилось распределение писем, газет и утреней почты. Однажды Ирина дала мне подписанное президентом «Радио Свобода» письмо. Я уже торопился домой и положил его в портфель, не раскрывая. Когда я открыл и прочитал его дома, мне стало не по себе. Директор составил конфиденциальное информационное письмо руководству «Радио Свобода» — это значит директору Русской службы, начальнику Исследовательского отдела и двум другим высоким начальникам. К этом избранному кругу относился,

конечно, и я. Но к моему счастью, секретарь перепутала конверты и я получил конверт, положенный Роберту Таку или Герду Демингу (точно не помню, кто в этот момент был директором).

Разговор шел об очень подробном отчете о состоянии здоровья Леонида Брежнева. В нем даже указывалось примерное время его смерти. Из содержания сообщения можно было сделать вывод, что информация утекает из ближайших кругов генерального секретаря или его врачей. Кроме того, предлагались прогнозы о его наследниках и среди них указывались имена Андропова и Черненко. Андропов, говорилось там, долго не проживет. Затем следовал его диагноз и варианты течения болезни.

Этот документ мог происходить только из одной организации — ЦРУ. Это письмо было скреплено грифом «Для ознакомления, совершенно конфиденциально».

Я снял документ на микрофильм и стал думать, как доставить материал в Центр. Следующая встреча была запланирована только через месяц. В таких случаях я должен был использовать согласованный сигнал и отправить письмо совершенно отвлеченного содержания на секретный адрес в Восточный Берлин. В нем тайными чернилами я сообщал, что у меня есть срочная информация и что я прошу о назначении внеплановой встречи. Через пять дней я получил ответ из Западного Берлина. В засекреченной форме мне сообщили место и время внеочередной встречи. Материал в полной сохранности дошел до Москвы, но в Центре никто не осмеливался показать его ЦК КПСС. ЦРУ обрисовывало слишком серую картину перспектив правительственных руководителей.

Но следует отдать должное американцам — все их прогнозы сбылись.

О трагической смерти американского президента Джона Ф. Кеннеди написано множество книг. Существует много различных версий, кто стрелял в президента и тщательно заметал все следы преступления. Во всех этих исследованиях так или иначе Ли Харви Освальд играет роль. К несчастью для нас всех, незадолго до совершенного покушения он вернулся в США из Советского Союза, где даже какое-то время жил и был женат на русской. Это дало возможность обвинить во всем случившемся КГБ. Проще доказательства на самом деле невозможно было предложить: Ли Освальда завербовали в Москве, обучили снайперской стрельбе и отправили снова в США для совершения запланированного покушения. Этому еще сегодня верят многие американцы.

Версия участия Кремля в «убийстве века» получила большую

популярность, когда определенно стало известно о том, что Ли Освальд на самом деле имел контакты с КГБ. В этой связи на Западе скандальную славу получило имя полковника Олега Нечипоренко.

Вы вероятно помните элегантного господина, который в 1965 году беседовал со мной в гостинице «Советская». Я обещал еще раз подробно о нем рассказать, и сделаю это сейчас. О Нечипоренко на Западе помнят не только в связи с покушением на Джона Кеннеди. Писатель Джон Барон в своих знаменитых книгах о КГБ описывает «мексиканский период» Олега Максимовича, обозначая самым успешным офицером советской контрразведки в Мексике. Генерал Олег Калугин в своих статьях об операциях КГБ обвиняет Нечипоренко в том, что он допрашивал американских летчиков, попавших в плен во Вьетнаме. Я тоже раскрою секрет, связанный с его именем: этот человек заботился в Москве о Рамоне Меркадере, убийце Троцкого, после того, как тот отбыл свой срок в мексиканской тюрьме.

В начале восьмидесятых судьба опять свела меня с Олегом Нечипоренко.

Но вернемся еще раз к событиям, случившимся двадцать семь лет назад.

Осенью 1963 года в Мехико-Сити, Кальсада Такубая, 204 сотрудники резидентуры контрразведки КГБ организовали во дворе посольства волейбольный турнир. Когда игра достигла разгара, дежурный командир вызвал к себе 2-го помощника культурного атташе посольства, офицера госбезопасности Николая Леонова.

«Тут появился странный тип. Говорит, что американец, и просит немедленно поговорить с кем-то из посольства. На самом деле странный тип».

Одетый как для спортивной площадки, в майке и штанах, он принял американца в помещении, специально оборудованном для таких неожиданных гостей. Ли Харви Освальд вел себя странно и производил впечатление, будто только что испытал смертельный страх. Его глаза дрожали, руки потели и речь была бессвязной. Немудрено, что это изумило командира посольства. В завершение он развалился в предложенном ему кресле, достал из-за пояса револьвер большого калибра и положил его перед собой на стол. Николай Леонов одним взглядом оценил до упора заряженную амбразуру.

«Меня преследуют, — сказал американец. — Они, можно сказать, ходят за мной по пятам. Они в любой момент могут убить меня».

«Успокойтесь. Вы здесь в безопасности. Расскажите подробно, о чем идет речь».

«Об агентах американской контрразведки, о ком еще! — раздраженно ответил гость. — Они преследуют меня. Везде! Но я им так просто не сдамся. Они дорого за все поплатятся!» — и схватив револьвер, он стал трясти им.

Леонову с трудом удалось успокоить необычного гостя и вытянуть из него несколько связных предложений, из которых следовало, что Ли Харви Освальд жил в Советском Союзе и работал на фабрике поблизости Минска. После чего он вернулся в США с русской женой и сейчас ощущал преследования с непонятной стороны.

«Что послужило тому, что вы нас посетили?» — спросил Леонов Освальда.

«Хочу обратно в СССР. В этом мое спасение. Дайте мне сейчас и немедленно въездную визу».

«Это невозможно. Вам необходимо подать запрос, его проверят в соответствии с правилами и примут решение. Вы должны понять, что я не могу сам решить этот вопрос».

«Но мне нельзя ждать! — закричал иступленный Освальд. — Они хотят меня убить. Еще сегодня, в гостинице. Они наняли женщину, которая у меня убирается. Но я ее опережу и убью ее до того».

Как потом рассказал мне Леонов, он был серьезно ошеломлен. Если этот сумасшедший мужчина на самом деле кого-то убьет, то во время следствия несомненно установят, что он побывал в советском посольстве. И из этого извлекут выводы. Поэтому он отчаянно старался успокоить Освальда и убедить его не совершать ничего такого.

«Приходите к нам в понедельник. Я уверен, что мы сможем для вас что-то сделать».

Наконец гость немного успокоился и ответил с разочарованием: «Если вы не можете помочь другу, я пойду к кубинцам. Может они будут сговорчивее».

На следующей неделе он еще дважды появился в посольстве. Теперь с ним разговаривал сотрудник консульского отдела, офицер внешней разведки Олег Нечипоренко. После этого американец исчез. И несколько дней спустя мир узнал о роковых выстрелах в Далласе.

Олег Максимович рассказал мне, что его переговоры с Ли Освальдом проходили в той же форме. Однако Нечипоренко не посвятил меня в подробности, так как он собирался писать книгу о Ли Освальде и рассказать там много интересного.

Кстати, Николай Сергеевич Леонов позже стал руководителем

Управления информации и анализа 1-го управления. Он завершил свою карьеру в чине генерал-лейтенанта и заместителя председателя КГБ СССР. Ему было известно много интриг и секретов внешней разведки. Подробности его первой встречи с Ли Харви Освальдом до сих пор нигде не опубликованы. Я впервые упомянул об этом с его слов, так как он мне об этом рассказал.

Нечипоренко успешно проработал под прикрытием консульства еще полтора года и затем вернулся в Москву. Тогда и состоялась наша встреча в гостинице «Советская» накануне моего «побега» с боевого корабля. Затем Нечипоренко вернулся в длинную «служебную поездку» в Мексику. Он безупречно владел испанским языком, был молод и энергичен и очень амбициозен. Разведка была его призванием. Однажды он признался мне: «Вербовка агента для меня равноценна ночи с любимой женщиной».

Его противниками по линии контрразведки были США. Джон Барон, который посвятил в своей книге о КГБ много страниц Олегу Нечипоренко, пишет, что он прекрасно знал испанский и в состоянии говорить на наречии простого крестьянина, водителя грузовика или студента, а при необходимости переходить на язык дипломата или знати. Барон даже предположил, что один из его родителей мог быть испанского происхождения. Но это не так. Нечипоренко коренной москвич, выпускник Института иностранных языков. Его родной брат Глеб также работал в контрразведке по линии нелегалов. Он был талантливым художником и ваятелем по меди и долго готовил фальшивые документы для агентов, разрабатывал для них маршруты и легенды для переброски на Запад и позже перешел на оперативную работу. В Ясенево он служил в одном кабинете с Олегом Гордиевским, который, как мне стало известно позже, многие годы работал на британскую разведку.

Это правда, что во время своего восьмилетнего пребывания в Мексике он достиг больших успехов. Уместны также неоднократные слова похвалы, которые Джон Барон высказывает в своей книге о высоком профессионализме Нечипоренко. В этом я мог позднее неоднократно убедиться. Вне всякого сомнения, он был лучшим оперативным сотрудником КГБ в Латинской Америке. Американцы неоднократно делали ему заманчивые предложения сменить стороны. Он только смеялся и продолжал свою оперативную игру. Нечипоренко однажды даже удалось проникнуть в самое секретное помещение посольства США и выдать себя за официального члена делегации из Вашингтона. Контрразведка противника отреагировала с недовольством. В марте 1971 на Западе осталась техническая сотрудница Раиса

Кисельникова и в связи с ее «разоблачениями» (хотя что могла знать простой секретарь?) мексиканские власти выслали из страны пять советских дипломатов — среди них Нечипоренко. Этому сопутствовала эффектная акция в СМИ с целью разоблачить «заговор» КГБ в Средней Америке.

Разоблачение и высылка офицера легальной резидентуры обычно непременно исключают его будущие задания на Западе. Но бывали и исключения. Я был знаком с одним разведчиком, которому подготовили скандальную высылку из США, после того как работавший с ним агент выступил в качестве «приманки» и опубликовал книгу о нем. Но это не был его конец. В Москве этот неудачник смог убедить самого Андропова в своей незаменимости, и его отправили не в Монголию или Вьетнам, а в Японию. Позднее его даже повысили в генералы. Он руководил тайной операцией КГБ в Афганистане после вывода войск из страны. Еще сегодня он является активным сотрудником СВР России.

Карьера Нечипоренко также не завершилась из-за высылки из Мексики. В управлении «К» он руководил отделом, который занимался международным терроризмом и идеологической диверсией. Он был советником разведки Никарагуа и ездил с фальшивым паспортом на встречи с агентами КГБ в другие страны. Дважды он был во Вьетнаме, что, вероятно, породило слухи о том, что он допрашивал пленных американских пилотов.

«В 1973 году я на самом деле встретился с одним пленным американцем, — рассказывал мне Олег Максимович. — Но более одного общего разговора не произошло. Вьетнамская разведка не подпускала нас слишком близко к пленным американцам и отслеживала все наши подобные попытки». Через год я летал в Ханой. На сей раз мне разрешили посмотреть только следственные материалы. Кстати, насколько можно было судить по этим документам, американцы вели себя в плену очень достойно. Никто не пытался спасти себе жизнь путем предательства».

Как многие, Нечипоренко завершил карьеру контрразведчика в школе 1-го управления (ПГУ) так называемого Краснознаменного института (КИ). Он руководил научной кафедрой изучения контрразведки. Интересно, что после его ухода этот факультет закрыли. Вероятно, не так много разведчиков превращают профессию в искусство. Для большинства это нечто вроде работы в архиве или бухгалтерии. Во всяком случае, я никогда не встречал разведчика, более одержимого своей работой, чем Олег Максимович.

Последней каплей, переполнившей терпение этого старого

бойца, заставившей его писать рапорт об уходе на пенсию, был приказ шефа КГБ Владимира Крючкова об участии сотрудников аппарата государственной безопасности и СВР в традиционном параде в честь годовщины Октябрьской Революции 7 ноября 1990 года.

«Это настоящий сумасшествие, — считал Нечипоренко. — Люди, скрывавшие друг от друга даже принадлежность к разведке, теперь были вынуждены на глазах всей Москвы под объективами телекамер маршировать по Красной площади. Марш блока КГБ завершали курсанты Краснознаменного института — будущие офицеры СВР, которых готовили к заданию под легендой дипломатов, бизнесменов, сотрудников внешнеторговых представительств и журналистов. Только сумасшедший мог приказать такое».

Когда Олег Максимович приехал на первую встречу со мной в Австрии, это меня очень удивило. Он путешествовал с поддельным паспортом на чужое имя, но не сделал ничего, чтобы изменить свою внешность, несмотря на то, что в это время уже вышла книга Барона с его фотографией и описанием его деятельности в Мексике. О моих опасениях он только пошутил: «Не стоит преувеличивать возможности австрийской контрразведки. Я им просто не интересен. Известный террорист Ильич Карлос объездил полмира с фальшивым паспортом и практически никогда не менял своей внешности. Его фотографии на паспорт имели только небольшие тонкости, поскольку каждый раз немного менялось освещение угла съемки».

«Так вы с этим убийцей тоже встречались?»

«Он часто путешествовал через СССР, — бесстрастно ответил Нечипоренко. — И мы об этом знали. Но Андропов категорически запретил все контакты с Карлосом. Он был обеспокоен, что об этом узнают и произойдет скандал».

Я обязан Олегу Максимовичу тем, что он заступился за меня перед руководством и тем, что мои родственники узнали обо мне правду. Моего отца к тому времени уже не было в живых и он так и не узнал, чем я занимаюсь на чужбине. Это очень меня угнетало. Мне было ясно, что моей маме тоже осталось недолго жить. Неужели и ей придется умереть в незнании и с тяжелым камнем на душе, что ее сын был предателем и беглецом, бросившим родителей навсегда… Я представлял себе, насколько ей это было тяжело. Судя по всему, Москва догадывалась, что меня так угнетает, и подключили такого опытного разведчика, как Нечипоренко.

Много позднее он признался мне, что все было именно так.

«Да, — он открыто рассказал, — мы чувствовали, что тебе

нужна психологическая помощь. Признаки этого тяжело описать. Это состоит из целой картины, сотканной из отдельных еле заметных штрихов в твоем поведении и твоих последних сводок. Снаружи все выглядит как прежде, и ни у кого нет повода сомневаться, что с тобой что-то не так. И все же что-то не так… Чтобы понять это, нужно провести всю жизнь в разведке».

«Ты выглядел усталым и временами терял бдительность. В поисках необходимой информации делал недопустимые ошибки. Это тоже легко объяснить, когда работаешь столько лет без особых инцидентов. Другие на твоем месте, возможно, тоже потеряли чувство опасности».

«Поэтому я безоговорочно предложил руководству, — продолжал Нечипоренко, — поддержать тебя психологически. Предложение одобрили, в частности твою необычную просьбу о том, чтобы рассказать твоим близким о твоем задании. Обычно мы никогда не идем на такой шаг. Но на сей раз, взвесив все аргументы за и против, руководство приняло положительное решение. Я встретился с твоим старшим братом. Вместе с ним мы поехали к твоей маме. Она была тронута до слез. После этого я приехал к тебе в Австрию».

Я все еще хорошо помню встречу с полковником Нечипоренко. Он привез мне письмо от брата — первое, которое не прошло особой цензуры КГБ, на самом деле сердечное письмо от родного человека. Он писал мне о нашей маме. В первый раз мне ясно объяснили, что значит моя работа на «Радио Свобода» для Центра.

«Твои сводки, Олег, попадают прямо на стол членам Политбюро, — сказал полковник. — На основании их партия и руководство государства принимают важные решения о мерах пресечения иностранной пропаганды и идеологической диверсии. С твоей помощью мы узнаем все о планах опасного врага и можем производить превентивные удары».

…Мы сидели в углу маленького задымленного ресторана, в котором было много туристов. Никому до нас не было дела. Но в этот момент гость из Москвы морально декорировал мою грудь невидимыми орденами.

«Используя информацию, поученную от тебя, мы смогли скомпрометировать несколько агентов ЦРУ, которые работали против нашей страны. Мы предупредили целый ряд крупных и долгосрочных подрывных операций. Руководство КГБ и СССР просило меня благодарить тебя за это».

Мы подняли бокалы и выпили по русскому обычаю, не чокаясь.

Затем полковник принялся за вторую часть своего нелегкого

задания. Не задевая моих амбиций, он должен был инструктировать меня как агента направить свое основное внимание на предусмотрительность и осторожность. Он просил меня отказаться от ненужных инициатив, чаще советоваться с Центром и не идти на риск. Все это я ему, конечно, пообещал.

Видимо, когда Нечипоренко говорил об этом, он не преувеличивал, насколько мою работу ценят в Москве. Возможность убедиться в этом последовала уже скоро. Наша следующая встреча была назначена в Карлсхорсте. Там все было так же, как десять лет назад. Гостеприимная Зоя готовила прекрасные обеды. Из Москвы специально прибыл мой друг Сергей. Но я обратил внимание, что стол был накрыт как-то празднично. Дело было не только в дорогом виски, джине и хорошем французском вине, но и холодные закуски были из западных продуктов. Я посмотрел на Сергея с вопросом: «К чему это? Ждем гостей?»

«Да, — ответил он, сначала задумавшись. — Большой начальник слышал о тебе и желает познакомиться лично».

У начальника на самом деле был высокий ранг, даже если он был низкого роста. Позже он получил очень высокое назначение в структуре КГБ. Его поведение на самом деле отражало менталитет руководителя — он не особенно интересовался подробностями моей работы, зато он не жалел себе икры и виски.

«Мы довольны вашей работой, — произнес он, энергично работая челюстями. — Много вашей информации попадает прямо на стол Леониду Ильичу Брежневу. Для разведчика нет большей хвалы — вам это понятно?»

Я кивнул и произнес несколько слов благодарности.

«А как Ваше настроение? У Вас есть просьбы или пожелания?», — спросил высокий шеф обыденно.

«Да, — ответил я осторожно. — У меня есть просьба, которую мне здесь много лет не могут удовлетворить».

Сергей, который сидел рядом, нервно сжался, наступая мне потихоньку на ногу под столом. Я немного от него отодвинулся. Мне было ясно, что я нарушаю какие-то незыблемые и неписаные законы, но я решил идти до конца. Большой шеф из Москвы прервал в ужасе поедание игры и смотрел на меня с некоторым удивлением.

«Я уже неоднократно просил организовать мне поездку в Москву. Но до сих пор этот вопрос не решен. Вы должны понять, что я уже пятнадцать лет не был дома…»

С явным облегчением начальник продолжал неустанное поедание деликатесов. Он явно думал, что я попрошу у него миллион долларов США.

«В чем же проблема? — спросил он Сергея. — Неужели так трудно удовлетворить эту просьбу? Каждый день в Москву летают самолеты. Купите все билеты в первый класс и позаботьтесь о том, чтобы он сел на борт первым до других пассажиров. Честно говоря, не вижу в этом никаких особых проблем. Парень не один год делает рискованную работу. Надо ему помочь».

«Так точно, товарищ генерал!» — послушно ответил ему Сергей.

Вскоре после этого я на самом деле оказался в Москве, что вызывало большой страх у коллег из внешней разведки, которым было необходимо организовать мне эту поездку и обеспечить мою безопасность. В машине с затемненными окнами меня возили по Москве. Для камуфляжа мне пришлось отрастить бороду, одеть темные очки и меховую шапку-ушанку, которую я так не любил с детства. Но я согласился нехотя на этот маскарад, понимая, что он был необходим. Ничто не могло испортить мне настроение — я был в Москве! Я был дома!

В первую очередь намечалась встреча с моим братом Игорем. Вечером с эскортом чекистов он привез меня к маме. Она ничего не знала о моем приезде. Мой брат открыл своим ключом дверь квартиры, в которой я провел свое детство, и повел меня в комнату. Мама как раз была на кухне. Она зашла после нас, не удивившись Игорю. Молча я вышел из-за его спины. Тарелка выпала из ее рук и разбилась. Она заплакала.

Моя мама заметно постарела. Мне было ее жаль. Она рассказала, что стало с моими друзьями детства. По ее мнению, вся моя жизнь запуталась из-за этой странной долгосрочной поездки.

«Что же за судьбу ты себе избрал, сынок», — жаловалась она, сочувствуя мне.

На следующий день мы поехали на кладбище к отцу на могилу.

Такие короткие «вылазки» в Москву за все время случились только дважды.

У богатых людей есть свои привычки. Этим я не хочу сказать, что на Западе я сколотил большой капитал, но у меня был постоянный доход и мне не приходилось себе ни в чем отказывать. Так я приучил себя к привычкам состоятельного человека. Чтобы обновить или пополнить свой гардероб, я обязательно отправлялся в Англию, где одежда была дорогой, зато соответствовала последнему крику моды. Покупки я делал в самых знаменитых магазинах, потому что мне нравилось там «крутиться» и значиться среди самых постоянных клиентов.

Однажды, в очередной раз отправившись в Лондон, я

остановился у друга Владика Давиденко. Он был очень яркой персоной. Когда-то он решил бежать из СССР и нанялся работать сторожем в Ленинградском порту. Сначала он внимательно изучил все порядки пограничного и таможенного режима, учитывая их слабости. После тщательных наблюдений и обдумывания он использовал удобный момент и пробрался на борт корабля, отправляющегося в Ливерпуль. Он спрятался в грузовом отсеке и незаметно уплыл, так сказать, зайцем в сторону покрытого туманом британского Альбиона. Несколько дней ему пришлось обходиться без воды и пищи. Но вскоре он оказался в Англии и в конце своего нелегального путешествия. Он затерялся среди множества английских моряков и незаметно покинул корабль в целости и сохранности.

Сначала Владику необходимо было утолить голод. Он зашел в первую попавшуюся ему харчевню и на пальцах объяснил, что ему хочется есть. Естественно, заказ ему принесли. И он наелся. Тогда ему принесли счет, который он решительно отодвинул от себя и попросил вызвать полицию. Прибывшему полицейскому он произнес следующую речь:

«Я, Владик Давиденко, приехал сюда по заданию Украинского национального фронта, чтобы встретиться с писателем Анатолием Кузнецовым. У меня для него сообщение особой важности».

Странно, что официальные британские власти поверили этой выдумке и доставили Владика на встречу с Анатолием Кузнецовым. Когда он остался наедине с несколько взволнованным писателем, который, как я уже упоминал, жил в постоянном страхе возмездия со стороны КГБ, Владик искренне признался, что у него нет никакого сообщения и что он просто хочет остаться на Западе.

Свою новую жизнь он начал с работы в автомастерской. Потом, как и многие до него, открыл собственный русский ресторан под названием «Распутин» и, как большинство своих предшественников, очень скоро разорился. Чтобы спастись от судебных приставов, он приехал в Мюнхен и устроился работать на «Радио Свобода» плотником. Тогда мы и познакомились. Позже Владик вернулся в Англию и занялся контрабандой автомобилей. Его авантюрное нутро требовало новых приключений. Естественно, полиция долго не заставила себя ждать, хотя на сей раз Владику удалось опять бежать, но ненадолго. Его все же арестовали и дали тюремный срок.

Когда я вновь его навестил, он занялся совсем новым бизнесом. Он обзавелся собственным небольшим баром и пытался быстро разбогатеть. Одним словом, был в своем элементе.

Владик по-настоящему обрадовался нашей встрече — вечером он пригласил двух своих подружек и вместе мы отправились отдохнуть, сначала в ресторан, а потом в клуб «Плейбой». Одну из девушек звали Светланой или, проще, Светой. Но на западный манер она представилась мне Етой. Она была из Риги, еврейского происхождения и работала секретарем русской редакции Би-Би-Си. Несколько лет назад она эмигрировала и обосновалась в Израиле, но впоследствии, избегая службы в армии, уехала в Великобританию. Естественно, здесь она проживала «до пересмотра» в небольшой однокомнатной квартире, благодаря контракту с Би-Би-Си, что позволило ей получить временный вид на жительство.

Незадолго до этого я расстался с последней подругой в Мюнхене и подумывал о «надежном семейном пристанище». По правде говоря, мне надоела холостяцкая жизнь и хотелось постоянного семейного тепла и уюта. Помимо этого, мне надоели косые взгляды коллег: почему Туманов еще не женат? А нет ли у него гомосексуальных наклонностей? В этот момент мне встретилась молодая и красивая девушка. Она была на тринадцать лет моложе. В следующий приезд в Лондон я остановился у нее. Во время третьего визита мы отнесли наши документы в ЗАГС и поженились. Это было весной 1978 года.

Когда мы стали оформлять визу на въезд для Еты в консульстве Германии, оказалось, что ее документов недостаточно для въезда в Германию.

«Конечно, господин Туманов, если у вас был бы настоящий паспорт гражданина, а не политического беженца, у нас не было бы никаких вопросов», — объяснили мне с пониманием в консульском отделе.

Что же делать? Я оставил свою молодую жену в Лондоне и, вернувшись в Мюнхен, обратился к старому методу решения проблем — обратился к старому другу Алексу, который когда-то помог мне адаптироваться в Германии. Тот все понял с полуслова, попросил немного времени, чтобы навести справки о Светлане и вскоре пригласил меня к начальнику американской контрразведки в Германии, господину Вагнеру. Через два дня консульство Германии предоставило Светлане въездную визу. Она тут же прилетела в Мюнхен, и спустя два дня Алекс вручил ей собственный паспорт.

Светлана быстро выучила немецкий язык. До этого она уже владела английским и ивритом. Вскоре после этого меня назначили директором отдела новостей «Радио Свобода» и она как бы в шутку заметила: «Видишь, рядом со мной у тебя быстрее складывается карьера».

В какой-то степени это было справедливое замечание. Моя жизнь приобрела некую стабильность. Возрос авторитет в глазах окружения. Теперь мы часто приглашали гостей, организовывали вечерние коктейли, фуршеты и вечеринки… Все это было полезно для моей основной миссии. Чем больше расширялся мой круг знакомств, тем больше доступа появлялось к разной информации.

Однажды Светлана объявила, что намерена искать работу. Я протестовал и доказывал ей, что могу прекрасно обеспечить нашу семью. Но жена была непреклонна и ее энергию невозможно было обуздать. Она хотела утвердиться в собственных силах и возможностях. Как раз в это время Русский институт армии США в Гармиш-Партенкирхене искал преподавателя русского языка. Объявление о должности было, среди прочих, опубликовано на «Радио Свобода», о чем Светлане рассказала общая знакомая. Когда я вернулся с работы домой, радостная жена встречала меня с приветствием в дверях: «Я уже позвонила в Гармиш, и меня пригласили на собеседование».

Черт побери! Это была нехорошая новость. С этого начались трудности в нашей семейной жизни. Пускай, ради бога, ищет работу, но не в Гармише! Ни для кого не секрет, что на территории казармы помимо открытого Института находится секретный отдел американской контрразведки. С одной стороны, конечно, заманчиво получить доступ к новому источнику, неожиданно сулящему успехи в моей подпольной деятельности. Но как отреагирует Центр на такое развитие событий? Возможно, все это предвещает непоправимую ошибку, которая поведет к моему разоблачению? Ведь американская контрразведка внимательно займется моей женой, пристально соберет отовсюду материал до ее найма в Институт. А это значит, что и мною опять займутся. Мне нечего было бояться, но все же у меня возникло непонятное чувство …

Я попытался еще раз отговорить Светлану от этого неожиданного мероприятия, но все мои усилия были бесполезны. Ведь я не мог сознаться ей, что был советским агентом… С одобрения Центра я, конечно, мог пойти на этот шаг, но тогда она стала бы молчаливой сообщницей со всеми вытекающими из этого последствиями.

«Гармиш слишком далеко, — сказал я. — Тебе каждый день придется ездить шестьдесят километров».

«Но ты же знаешь, что я уверенно вожу машину», — отвечала она.

«И зарплата низкая — только 2000 марок. Стоит ли овчинка выделки?»

«Но разговор идет только о двух часах работы ежедневно».

Спустя несколько дней меня пригласили в службу безопасности «Радио Свобода», чтобы поинтересоваться, что я думаю по поводу найма жены в Русский институт армии США. Я только пожал плечами и ответил, что не возражаю, поскольку это не отразится негативно на моей работе директором службы новостей. К моему удивлению, мой контрагент попросил меня пойти навстречу пожеланиям моей жены.

«Вы на хорошем счету и вас тщательно проверяли, — говорил он. — Поэтому относительно найма вашей жены не должно возникнуть никаких возражений. Если ее выберут из кандидатов на заявленную ставку и она будет работать учителем, это будет особым почетом нашей радиостанции. Мы заинтересованы, чтобы жены наших ведущих сотрудников работали в таких престижных заведениях».

В 1980 году Светлану наняли преподавателем в Гармиш. После рождения нашей дочери Саши она нашла себе работу ближе к дому.

Жизнь дочери и ее первые попытки ползать по полу дома связаны с событиями, которые у меня все еще вызывают удивление сегодня. Однажды, когда ей еще не было года, он приползла из нашей спальни с каким-то чужеродным предметом во рту. Я взял ее на руки и дал выплюнуть предмет изо рта мне на руку. Ого! Это было изощренное миниатюрное подслушивающее устройство с присоской, напоминающее шуруп. Где Саша нашла этот «жучок» и где оно крепилось? И кем? Я был очень обеспокоен этой внезапной находкой. Что бы это значило? Рутинную проверку, которой время от времени подвергались все сотрудники? Или контрразведка следит за мной? Или, быть может, КГБ наблюдает за мной, полагая, что я, возможно, стал вести двойную игру?

Недолго думая, я решил, что будет лучше выкинуть жучок просто в мусор. Я не рассказал ни жене, ни службе безопасности о находке. Но сообщил об этом коллегам во время следующей встречи в Карлсхорсте, что очень их обеспокоило. Они посоветовали мне внимательно осмотреть всю квартиру, проверить тайники и определенные места в квартире, и внимательнее соблюдать правила конспирации. После возвращения я бдительно проверил все комнаты, уделив особое внимание стенам и мебели, но не нашел никаких новых подозрительных предметов.

Для сотрудников «Радио Свобода» не было секретом, что для персонала службы безопасности не составляло никакого труда беспардонно проникать и обыскивать квартиры в отсутствие квартирантов. По этой причине я не хранил дома никакой

оперативной техники, за исключением контейнера для микрофильмов, хранящегося в батарейке. Речь шла о настоящей батарейке, которую я ставил на свой приемник, но внутри ее полости был тайник.

Однажды в середине семидесятых я отправился на работу и оставил дома в квартире свою новую знакомую. В обед она озабоченно позвонила мне:

«Скажи, Олег, кому ты оставил ключ от квартиры?»

«Никому!»

«Тогда мне это непонятно».

«Успокойся и скажи, что стряслось?»

«А как же мне успокоиться? Я проснулась, когда кто-то, будто он хозяин квартиры, открыл входную дверь. Думала, что ты с работы вернулся, и полураздетая вышла в коридор. А там двое незнакомых мужчин стоят напротив. Они коротко поздоровались, развернулись и удалились. Скажи, что бы это значило?»

После того, как она описала мне этих двух мужчин по их внешности, у меня не оставалось никаких сомнений, что это был шеф службы безопасности «Радио Свбода» в сопровождении одного из сотрудников.

Кстати, история с жучком осталась единичной и до сих пор мне непонятной.

Но хочу вернуться к семейной жизни. Наш брак протекал благополучно до 1985 года, когда я внезапно узнал, что я не единственный мужчина в личной жизни моей жены. Мы сразу расстались…

Светлана и Саша до сих пор живут на Западе. К сожалению, контакт с дочерью у меня очень нерегулярный. Она недавно навестила меня в Москве.

Да, за все в жизни приходится платить. И иногда цена очень высокая.

Часть третья. Возвращение в Москву, или Чужой в собственной стране

Февраль 1986, Мюнхен.

Самая большая беда для разведчиков — это предатели. Они являются причиной большинства срывов и потери агентов. Их побег повергает в волнение резидентуры, ввергает в панику Центр, раскачивает вместе с собой правительства и является причиной шумных международных скандалов. Предателями я считаю офицеров центрального аппарата контрразведки, имеющих допуск к агентурным сетям.

В целом в нашей профессии считается, что даже высокое руководство должно знать только то, что непосредственно касается ее сферы интересов. Не положено интересоваться информацией коллег и совать свой нос в чужое дело. Но когда кто-то планирует побег, он обязательно постарается себя подороже продать. Он постарается получить доступ к секретной информации из чужой области и получить любые возможные данные, даже если они косвенные и совсем скудные, об агентах, работающих против страны, в разведку которой он хотел бы предложить себя в качестве информанта. Для этого ему не обязательно знать имя агента. Достаточно хотя бы маленького фрагмента переданной агентом информации. Опытные аналитики в состоянии, пользуясь крупицами информации, реконструировать все построение, чтобы вычислить след шпиона. История разведок знает много таких случаев.

Полковник нашей контрразведки Виталий Юрченко[15], который ушел к американцам в 1985 году, сообщил во время допросов, среди прочего, что во время своей пятилетней деятельности под прикрытием нашего посольства в Вашингтоне ему звонил один американец с просьбой организовать встречу с одним из сотрудников посольства. Далее Юрченко рассказал, что этим человеком был сотрудник Национального агентства безопасности, позднее на нас работавший под кодовым именем «мистер Лонг». Это было все, что он знал об этом человеке, — один звонок, принадлежность к АНБ и его кодовое имя. На самом деле немного.

Но даже этой скудной информации было достаточно, чтобы через два с половиной месяца ФБР разоблачил «мистера Лонга». Для сотрудников контрразведки в Вашингтоне это было трудоемкой и тяжелой задачей, но результат превзошел все их ожидания.

Они начали с того, что подняли из архивов все входящие звонки в советское посольство в январе 1980 года. Достаточно быстро они определили соответствующий звонок между Юрченко и неизвестным американцем, который просил о встрече. Параллельно они изучили записи пункта наблюдения перед советским посольством и натолкнулись на видеозапись 15 февраля. На ней было видно, как американский гражданин заходит в посольство, но отсутствовала запись, как он покидает здание. Куда пропал этот человек? Видимо, речь шла об агенте, который предложил свои услуги КГБ и после вербовки тайно был вывезен из посольства.

К этому времени к расследованию присоединились четыре дюжины самых опытных контрразведчиков. С помощью компьютеров были проанализированы личные дела сотрудников АНБ, после чего был составлен список из ста имен. Одним из этих людей мог быть советский шпион. Для опознания голоса звонящего в особо оборудованном помещении была проиграна запись телефонного разговора совершенно надежным сотрудникам АНБ. Спустя два месяца, когда надежда на успех была почти утеряна, Дональд Бэкон, который слышал запись, объявил:

«Конечно, я его знаю. Это Рон Пелтон».

Спустя девять дней агент ФБР по специальным заданиям Дэйв Фалкнер провел настоящую психологическую атаку на Пелтона в помещении отеля «Хилтон», оснащенном оперативной техникой. Он озвучил Пелтону свою версию о том, как состоялось сотрудничество с КГБ. Пелтон был озабочен множеством собранных контрразведкой фактов, которые говорили против него. Ему ничего не оставалось, как сделать чистосердечное признание.

От этого человека Москве стало известно, что американцам удалось с помощью подводного кабеля подсоединиться к строго засекреченной связи в Охотском море и прослушивать оперативные переговоры наших военных в этой стратегической зоне. За это предательство бывший сотрудник АНБ был приговорен в США к многолетнему тюремному заключению.

В знаменитой истории разоблачения Кима Филби, который работал на советскую разведку почти тридцать лет, при этом занимая высокий пост в британской секретной службе, также серьезную роль сыграли предатели из Москвы. В первый раз разоблачение ему грозило в 1937 году. Перебежчик из Москвы Вальтер Кривицкий[16] занимал высокий пост в советской разведке и сообщил англичанам, что у русских в Великобритании есть источник, который в соответствующее время работал

журналистом в Испании. Филби в то время писал для «Таймс» статьи о гражданской войне в Испании. Абсолютно непонятно, почему британцы не взялись проследить в то время до конца всю информацию.

Вместо этого они двадцать пять лет спустя проявили значительно больше доверия к сведениям перебежавшего сотрудника КГБ Анатолия Голицына. Голицын тщательно подготовился к своему побегу на Запад и собрал все, что могло иметь оперативный интерес для разведки: сведения об агентах, факты в первую очередь о переданных материалах, имена прикрытия, имена сотрудников связи и офицеров легальных резидентур. Как предполагают, его информация предоставила необходимые недостающие факты в досье разведки о Филби, чтобы окончательно определить его в качестве советского агента.

Полковник Олег Гордиевский виновен в разоблачении целого ряда полезных источников в Европе и Южной Америке. Он был сотрудником 1-го управления КГБ и в 1985 году перебежал к англичанам, на которых работал последние тринадцать лет. От последствий предательства в новейшее время также пострадал научно-технический отдел КГБ, когда в Италии и Франции убежали офицеры легальных резидентур и предали агентурную сеть после побега.

Меня предал офицер внешней разведки Гундарев[17], который бежал на Запад в Греции. Он точно знал, что на «Радио Свобода» есть советский источник, и мог дать некоторые косвенные сведения, ведущие прямо ко мне. Он знал слишком много, и после его побега ведущие офицеры в Москве сразу почувствовали опасность и решили меня вернуть.

23 февраля в СССР по традиции справляли День советской армии и военно-морского флота. Мы в Мюнхене тоже праздновали. Некоторые, как я, служили в ВС. Другие воевали в Армии Власова или в белой гвардии. Кто когда-то служил в армии, имел повод праздновать. В этот день все бывшие служивые собирались в мужской компании и… напивались.

23 февраля 1986 года проходило обычно. После дружеского запоя я вернулся домой достаточно поздно. Там выпил еще стакан водки, зael хлебушком и соленым огурчиком, чтобы как-то нейтрализовать действие алкоголя. Мыслями я был у моих родственников, воевавших когда-то в армии в далекой мне сейчас Москве.

В этом году 23 февраля выпало на воскресенье. Так как понедельник был моим выходным днем, я не торопился спать. Прошедшая неделя была очень напряженной, мне пришлось много работать и утром я собирался выспаться. На завтрак я

заказал себе в китайском ресторане неподалеку от «Арабеллы» дюжину блинчиков с мясом, креветками и острыми специями. Эти блинчики, которые значились в меню как «весенние блинчики», были моим любимым блюдом.

В шесть утра телефонный звонок вырвал меня из сна. Не считая такой ранний звонок особенно трагичным ввиду того, что это случалось нередко, я решил, что дело идет о какой-то небольшой проблеме, с которой столкнулась ночная смена на «Радио Свобода». И, хотя это безусловно мелочь, кто-то хочет перестраховаться. Позвонив и информировав шефа, сотрудники снимали с себя ответственность. Редко речь шла о серьезных вопросах, которые требовали немедленного внимания.

Итак, как обычно, я снял трубку и зажег свет в комнате, ожидая один из обычных срочных вопросов: «что нам делать, не можем найти кассету с записью, которую необходимо сейчас пустить в эфир» или что-то в подобном духе. По ту сторону телефона сначала трещало и шумело, но затем я услышал радостный русский говор: «Спишь, редактор? Последние новости слышал?».

Это кто-то выпил, но я скоро его урезоню, подумал я. Тем не менее, веселый голос продолжил:

«Таня родила мальчика. Мальчик здоров и весит четыре килограмма. Мы все ждем тебя на крестины. Бросай все и приезжай. Все тебя ждут».

О, да! Голос звучал весело и радостно. Но меня будто удар хватил.

«Хорошо, приеду», — сказал я и бросил трубку, будто мне обожгли руку.

Это был оговоренный сигнал тревоги. Когда прозвучит предложение «Таня родила мальчика», в соответствии с инструкциями мне следовало «складывать палатки» и немедленно бежать. В качестве маршрута можно было использовать любой из предназначенных для этого каналов побега, не советуясь и не пытаясь до этого связаться с Центром. Нельзя было терять время.

Что-то произошло, и я был в серьезной опасности. Возможно, за мной уже следит вражеская контрразведка. Возможно, меня хотят арестовать уже утром. Этот сигнал, «Татьяна родила мальчика», переворачивал всю мою налаженную и привычную жизнь и требовал немедленных и решительных действий. Это «рождение» клало конец моей двадцатилетней карьере в Мюнхене. Да, времени нельзя было терять.

Я прикурил сигарету и попытался спланировать свои следующие шаги. Было шесть утра и на улице еще темно. Я знал, что такси ждут перед самой гостиницей первых гостей, которым

нужно ехать на вокзал или в аэропорт. За деньги в любое время повезут куда угодно… Но я быстро поборол свое немедленное желание сразу сесть в такси и должен был, как обычно, встать, спокойно умыться и одеться, забрать в ресторане мои любимые «весенние блинчики» и пойти прогуляться, то есть вести себя, будто ничего не случилось. В этом был мой шанс. Если за мной ведут наблюдение, нельзя было вызывать подозрение. Нужно, чтобы они думали, что я ничего не знаю.

В квартире не было абсолютно никакого компрометирующего материала. Фотоаппарат «Никон» мог себе позволить каждый уважающий себя джентльмен. А в моей телефонной книжке были адреса и телефоны только друзей и знакомых. Я сжег шифровальный блок, который выглядел как обычный блокнот. У меня не было рации, оружия или ампул с ядом, которые как пишут в шпионских романах, агенту необходимо проглотить, когда ему грозит опасность. Ничего подобного.

Зато имелись другие вещи, которые я приобрел за годы жизни в Мюнхене, которые не только были мне дороги, но и имели реальную материальную ценность. Речь шла об оригиналах русских гравюр XVIII века, картины талантливых художников советского подполья Оскара Рабина, Михаила Шемякина и Олега Целкова, палехская иконная роспись и уникальная библиотека с полным собранием Белого архива и наиболее ценными томами Красного архива, а также эмигрантская периодика двадцатых и тридцатых годов. Много лет с особым пристрастием, среди всего прочего, я собирал работы русских философов, полное собрание газет движения Власова, журнала «Грани», «Посев», «Континент», «Синтаксис», «Время и мы», «22». И все это нужно было бросить позади. Но другого пути не оставалось. Я мог взять с собой только малую часть всего необходимого.

Еще была коллекция марок. За десять лет, будучи фанатичным филателистом, я собрал коллекцию уникальных экземпляров и целые серии. У меня было шесть альбомов с тысячами приобретенных и обменянных марок. Из них я хотел взять с собой в маленьком альбоме хотя бы сто самых ценных, которые мне были особенно дороги.

Первой я положил в чемодан завернутую в полотенце икону. Сверху уложил какую-то одежду, альбом с марками и фотоаппарат с объективами. В дипломат уложил личные документы, а в легкую сумку через плечо — некоторые туалетные принадлежности. Это было все. Я упаковался.

На улице уже светлело. В качестве следующих шагов я планировал отправиться в банк, вернее в два банка, чтобы взять с собой наличные деньги, и в турбюро за билетом в Западный

Берлин и, конечно, в китайский ресторан забрать «весенние блинчики». Кстати, дома я всегда держал внушительную сумму денег наличными — пять-шесть тысяч немецких марок, несколько тысяч австрийских шиллингов и пачку долларов. Это был мой резерв для непредвиденных обстоятельств.

Осторожно я открыл дверь и на лифте спустился вниз. «Арабелла», как я уже упоминал, совмещала большой блок апартаментов, где можно было снять квартиру и изысканную гостиницу с ресторанами, магазинами, барами и бассейном с сауной. Там постоянно царило оживление. Я купил газету, выпил в баре кофе и прогулялся вокруг дома. Вроде никто меня не преследовал. Я не увидел ничего подозрительного. Тогда сел в такси и поехал в банк, где взял со счета часть своих денег.

На другом такси я вернулся и зашел во второй банк в «Арабелле» и тоже снял наличные деньги. В турбюро я купил билет на рейс в Западный Берлин на вторую половину дня. У стойки я невнятно проговорил свое имя, так что в билете записали не Туманов, а Куманов или что-то вроде этого.

Я решил не рисковать и использовать для своего побега проверенный старый маршрут. Хотя слова «все тебя ждут» означали, что меня ждут и готовы встретить и сопроводить на всех оговоренных маршрутах побега, Берлин казался мне наиболее удобным, потому что там никто не попросит у меня паспорт, что, безусловно, уменьшит риск и вызовет меньше волнения. Конечно, и там для меня могут возникнуть непредвиденные осложнения.

Затем я отправился к китайцам, забрал блинчики, купил бутылку красного вина и вернулся домой. До вылета оставалось еще несколько часов. Надо было прощаться. Я еще раз прошелся по комнатам, погладил рукой любимые книги, картины в рамках и пригубил вино.

Прошло более двадцати лет с того момента, когда матрос Олег Туманов под прикрытием ночи покинул свой боевой корабль и бросился в путь, не зная, куда он выведет. Финал мог быть уже на берегу, если меня схватили бы египтяне. Ливийцы тоже могли прекратить путь беглого русского матроса. Американцы из военной контрразведки во Франкфурте поверили мне, но это тоже могло быть иначе. У меня не было специального образования или особых талантов, но удача не оставляла меня. Меня приняли на работу на «Радио Свобода» и там я сделал свою карьеру. Мне дали квартиру, я встретил женщину, которую любил, и с которой у меня была дочь в Мюнхене. Моя квартира была обставлена элегантной мебелью и на стенах висели ценные картины. О моей месячной зарплате не мог мечтать даже генеральный секретарь

ЦК КПСС.

Большую часть своей сознательной жизни я провел здесь, в Мюнхене. И она состояла не только из шпионской деятельности. Я не могу сказать, что перевешивало, если это вообще поддается сравнению — обычная мещанская жизнь эмигранта или нелегальная работа в КГБ. Все было переплетено, выстраиваясь в единое целое.

Я давно подавил в себе страх разоблачения, не озираясь на улице, чувствуя преследование и не боясь телефонного прослушивания. Я не подозревал друзей и знакомых, что они завербованы вести за мной наблюдение. Это абсолютно нормально. Чувства со временем отступают, так же, как и страх. Даже на фронте солдаты не уклоняются в сторону от летящей пули, если они пережили предыдущую. Я был уверен, что предназначенная мне пуля давно пролетела мимо. И все же в конце концов кто-то взял меня на «мушку».

Надо был идти.

Внезапно я словил себя на мысли, что никогда серьезно не думал о возвращении в Москву. Конечно, такая возможность существовала, но она мерцала в отдалении.

Я направился в коридор, взял с собой немногочисленный багаж и открыл дверь. Подспудно я улыбнулся про себя, что эта дверь ведет в совершенно новый мир, где я проведу остаток своей жизни.

Но я не испытывал никаких сомнений в том, что должен переступить этот порог.

В аэропорту Мюнхена все было как обычно. Я не заметил ничего подозрительного. Спокойно оформив борт-карту и сдав багаж, я сел в укромный уголок бара вне зоны зрения пассажиров. Мне нельзя было попадаться на глаза информантам или обычным знакомым. Это совершенно не укладывалось в концепцию побега, если кто-то сейчас меня спросит, куда я улетаю. В отличие от предыдущих поездок в Берлин, можно было предположить, что на сей раз существует больше предлогов для подозрения. С собой у меня была значительная сумма наличными, а в чемодане ценные марки, икона и много личных вещей. Наконец объявили мой рейс. Но я не торопился оставить свое затаенное место на стуле и поднялся на борт последним. Сразу после этого дверь лайнера задраили и через несколько минут мы покатились к взлетной дорожке. Я закрыл глаза …

В уме пронеслись, как в фильме, события более чем двадцатилетней продолжительности. Я спускаюсь темной, безлунной ночью по канату с борта эсминца и сжимаюсь от ужаса от летящего в воду винта иллюминатора. Я приплываю на чужой

берег. В пустыне пью чай с бедуинами. Утро на британской авиабазе и опасения, что меня все же выдадут советскому посольству. Вечер на территории Западной Германии. «Детектор лжи»… мысленно я мог в этот момент вернуться к пункту отсчета, но мое личностное развитие было бесповоротным. От молодого, наивного, стремящегося к приключениям юноши, нырнувшего в воду Средиземного моря в ноябре 1965-го и вынырнувшего на «Радио Свобода», ничего не осталось.

Но эти размытые воспоминания никуда меня не выводили. Мне нужно было вернуться в реальность. Успел ли я предпринять все необходимое? Не допустил ли ошибки? Я проиграл в уме еще раз сегодняшнее утро, когда в шесть утра позвонил телефон и сообщил мне веселым говором о том, что я нахожусь в опасности. Я действовал спокойно и размеренно, не теряя голову. Я мог поклясться, что меня никто не преследует. Меня неожиданно не взяли теплым в постели и не арестовали. Оставался только один шанс — задержать меня во время перехода из Западного Берлина в Восточный. Это последняя возможность. Что ж, дождемся…

На радиостанции меня хватятся только завтра утром, заметив, что я не явился на работу. Но и это не сразу. У редактора русской службы утром было много дел.

При приземлении в аэропорту Тегель я был абсолютно спокоен. Я понимал, что здесь за моей безопасностью следят наши люди и это придавало уверенности. Ведь утром в разговоре по телефону веселый голос мужчины говорил, что «меня все ждут». Поэтому для побега через Берлин также приняли необходимые меры.

Близился вечер. Поток берлинцев, которые переходили границу, наверное, уже убавился или совсем прекратился. Если появлюсь один в темном тоннеле Фридрихштрассе, на меня могут обратить внимание. Поэтому нужно было провести еще одну ночь в Западном Берлине. Я оформился в небольшой гостинице недалеко от границы, где не спрашивают документов и где девушка не зовет спуститься с ней в бар. Подкрепившись оставшимися «весенними блинчиками», я немного посмотрел телевизор и лег спать, чтобы на следующее утро быть свежим и отдохнувшим, готовым к любым неожиданностям.

25 февраля утром хорошо одетый мужчина с чемоданом, кофром дипломат в левой руке и сумкой через плечо покинул небольшую гостиницу вблизи Фридрихштрассе. На следующем перекрестке он купил букет гвоздики и поехал в сторону станции метро Фридрихштрассе. Он производил впечатление типичного западного немца, направлявшегося в гости к своим бедным родственникам по другую сторону берлинской стены. Он совсем

не выделялся из толпы, когда вышел из метро и подошел к точке, где восточно-немецкие офицеры проверяли паспорт. Но непосредственно перед границей между двумя мирами он оторвался от остальных добропорядочных господ и встал перед еле заметной дверью. Он нажал на звонок на двери. Она распахнулась и его моментально втолкнули в помещение за дверью. В мгновение ока дверь захлопнулась.

Да, я ступил через порог, откуда для меня возвращения больше не было. Мои коллеги ждали меня здесь с вчерашнего дня и сердечно обняли.

Как я узнал у них, сотрудники КГБ заметили мое прибытие в аэропорт Тегель. Они видели, как я забрал багаж, оставил кое-что в камере хранения. Они следили за мной вплоть до гостиницы, потеряв затем мой след. Чтобы избавиться от возможного преследования, я обошел вдоль и поперек весь город. Я хотел запутать противников и обеспокоил тем самым собственных людей. Из-за меня они волновались и не спали всю ночь. Возможно, кто-то подумал, что я в последний момент передумал и решил остаться на Западе. Известно, что нелегальному разведчику никогда до конца не доверяют. Короче, я всю ночь великолепно отдыхал, а они не спали.

В числе встречавших меня здесь в подвальном помещении был Женя — офицер, который когда-то заботился о моей сломанной щиколотке. Другие присутствующие уже взволнованно звонили к себе на службу и сообщали о моем прибытии. Мы поднялись на улицу и в светло-голубой «Ладе» и сопровождении двух автомобилей поехали в Карлсхорст.

В маленьком служебном помещении была приготовлена закуска из бутербродов, пива и охлажденной водки. Но никто не решался к нему притронуться, так как все ждали еще кого-то. Люди, которые сопровождали меня в Карлсхорсте, принадлежали к группе укрепления, которая взяла меня под свое шефство еще в аэропорте Тегеля. Никто не задавал никаких вопросов. Только Женя поинтересовался, как сейчас забрать мой оставшийся багаж из камеры хранения. Я передал ему ключи и назвал комбинацию цифр на сейфе. Позже тем же вечером остатки моей прежней жизни — коллекция марок, икона, фотографии и все другое — находились уже в Восточном Берлине.

Наконец появился человек, которого все ждали. Он коротко представился мне Максом и пригласил всех за стол. Женя уехал за моими вещами. Другие также удалились, оставив нас наедине с Максом. Я до сих пор ничего о нем не знаю. Судя по всему, он знал про меня только понаслышке.

После короткого разговора он предложил мне: «Давай поедем

к тебе в твой новый дом. Это вилла, которая будет у тебя в полном распоряжении. Через пару дней за тобой приедут твои люди из Москвы».

В «Волге» мы за пару минут доехали в Карлсхорсте к закрытой зоне, где располагалось несколько вилл. Снаружи мой новый дом не производил приятное впечатление, но внутри обстановка была комфортной и уютной — большая гостиная, коридор, кухня, зимний сад и три спальни с ванной на втором этаже. К вилле «прилагалась» радостная и прилежная экономка Галя. Она ждала нас, как и полагалось, богато накрытым столом.

В Советском Союзе в то время развернули кампанию по борьбе с алкоголизмом и, как я позднее узнал, все боялись в рабочее время употреблять водку и вино. Комитет партии был начеку и строго наказывал за эти «нарушения» всех виновных. Но здесь, видимо, царили собственные правила. Борьба с алкоголем обсуждалась за бутылкой «Московской» и служила поводом для шуток.

После того как Женя вернулся с моими чемоданами, гости распрощались, экономка взялась за уборку посуды, а я решил осмотреть виллу, ставшую моим домом на целый месяц. Я сразу нашел себе подходящую «игрушку» — видеомагнитофон «Сони-ВХС» с множеством советских фильмов. Это давало хорошую возможность убить время, одновременно знакомясь с действительностью, о которой я знал так мало.

Так начался период «стагнации» в моей жизни. Утром я пил чашку кофе и проглатывал с любопытством новые газеты. После обеда заходил молодой человек и расспрашивал меня о жизни на Западе. Для этого он специально прибыл из Москвы.

Я полагаю, что он должен был сменить Сергея или знакомился с информацией до начала своей нелегальной работы на Западе. Он знал много о «Радио Свобода» и эмигрантах, но хотел узнать больше и подробно меня расспрашивал. Эти расспросы длились до обеда. Вечером Галя составляла мне компанию у телевизора. Мы смотрели новости из Москвы и потом включали видеомагнитофон. Все это время мне нельзя было покидать дом.

«Стагнация» закончилась приблизительно в середине марта, когда улыбающийся Сергей появился на вилле в сопровождении Макса. Сергей был единственным в моем окружении, кто знал про меня всю правду. Я обрадовался его приходу, так как это знаменовало перемены в моей монотонной жизни. Так и вышло: после сердечного приветствия Сергей поздравил меня с успешным окончанием моей миссии и сказал, что в ближайшие дни я смогу улететь в Москву. Там все шло планомерно, мне

подготовлена временная квартира. Мой брат еще не знает о моем возвращении, но у него тоже все в порядке. Сергей к нему заезжал до вылета.

«И еще один подарок тебе, — сказал Сергей и передал мне папку с газетными вырезками. — Можешь узнать о себе много интересного».

Это были западные публикации о моем внезапном исчезновении. КГБ стремился как можно дольше держать своего противника в неведении. Меня содержали в строго охраняемой вилле в Карлсхорсте, не разрешали даже подышать свежим воздухом, так что о моей судьбе не могла произойти никакая утечка информации. Все это время с наслаждением велось наблюдение за реакцией разведок и СМИ о моем внезапном исчезновении.

С жадностью я взялся за чтение. Меня как-то радовало, что в этих материалах не ставилось под сомнение мое личное отношение к Западу. Больше всего речь шла о моих антикоммунистических настроениях, о моем высоком положении на «Радио Либерти» и моей оценке преимуществ западной жизни. Журналисты вспомнили о том, что в СССР меня приговорили к смертной казни заочно за дезертирство из ВМС. О моей судьбе вели различные, отчасти очень авантюрные предположения. Вот некоторые цитаты:

ИНТЕРНЭШНЛ ГЕРАЛЬД ТРИБЬЮН: «Виктор Грегори, заместитель директора “Радио Свобода” и друг пропавшего редактора, говорит, что его потрясла новость об исчезновении Туманова. По его словам, Олег был очень уравновешенным человеком и держался вдали от отчаянных интриг, которые вызывали беспокойство на радиостанции. Другие коллеги особенно ценили его высокие редакторские качества».

ДЕР ТАГЕСШПИГЕЛЬ: «Подруга Туманова не смогла указать на какие-либо улики, связанные с его исчезновением. С ее слов, из квартиры Туманова пропала коллекция марок и ценная икона. Возможно, он поехал в Вену или Стокгольм, чтобы заняться их обменом или продажей».

НЬЮ-ЙОРК ДЭЙЛИ НЬЮС: «Олег Туманов, главный редактор отдела “Радио Свобода”, которую возглавляет американское руководство, убежденный антикоммунист, на прошлой неделе пропал из Мюнхена. Его друзья опасаются, что он погиб от рук КГБ. Его враги, напротив, считают, что он однажды появится в качестве сотрудника КГБ на пресс-конференции в Москве.

Двадцать один год назад Туманов, которому сегодня сорок два года и он напоминает медвежонка, прыгнул в Средиземное море и проплыл шесть миль, чтобы сбежать от коммунизма. В

последние двадцать лет он работал в мюнхенской штаб-квартире “Радио Свобода” и поднялся до руководящей должности, на которой он контролировал и выпускал в эфир все русскоговорящие передачи.

Его друзья полагают, что он себя материально уничтожил и страдает от несчастной любви и чрезмерного потребления алкоголя. Другие коллеги считают его советским секретным агентом».

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО: «В 1966 году Туманов, которому тогда был двадцать один год, убежал с советской подводной лодки, где он служил радистом, и попросил политическое убежище. После его исчезновения западно-немецкая полиция взломала его квартиру, которую он оставил в хаотическом состоянии. Туманов взял с собой все документы и ценные вещи. Уже за неделю до этого Туманов снял все свои сбережения. Предположительно Туманов вернулся в Советский Союз, хотя нельзя исключать, что его похитили агенты КГБ».

АРАБ ТАЙМС (Кувейт): «Как следует из западно-немецких источников, главный директор русскоязычной радиостанции “Радио Свобода” утонул в озере неподалеку от Мюнхена».

…Кратко: журналисты пишут свои истории. Сначала они ссылались на слова моих друзей и говорили, что я все бросил и отдыхаю себе где-то в Италии. Потом стали ходить слухи о долгах и несчастной любви. Высказывания были различные, порой диаметрально противоположные. Кто я был — жертва КГБ или агент Москвы? Мое бывшее руководство на «Радио Свобода» не сомневалось, что «Туманов непримиримый антикоммунист и защитник западного образа жизни, с полной отдачей боролся с советской властью». Безусловно, сотрудники «Радио Свобода» беспокоились не о моей репутации, а в первую очередь о своем собственном положении. Ведь они назначали Туманова на руководящие должности и сопутствовали росту его карьеры.

В противоположность этому эмигранты третьей волны особенно выдвигали свою версию и подчеркивали с уверенностью, что Туманов был агентом КГБ, специально внедренным на «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» с целью сбора информации и организации подрывной деятельности. С их слов, я создавал интриги между евреями и эмигрантами других национальностей. Я даже поддерживал антисемитов и вещание антисемитских передач. Естественно, все это было враньем. Однако следует отдать им должное — они правильно предсказали, что Туманов вскоре появится в Москве и во время пресс-конференции постарается дискредитировать работу «Радио Свобода», «Свободная Европа» и ЦРУ. Так и получилось. Мои бывшие

коллеги попали в самую точку.

…С появлением у меня Сергея был частично отменен мой домашний арест. В сопровождении Жени и Гали мне разрешали иногда свободно прогуливаться по Восточному Берлину. Мы иногда посещали книжные и филателистические магазины. Кроме того, у меня была возможность пополнить мой гардероб. Так продолжалось до начала апреля.

Однажды днем Галя информировала меня, что завтра приедет «высокий гость» из Москвы. «Уже рано утром», — добавила она и начала тщательно прибираться, ходить с пылесосом и убирать итак чистые комнаты виллы. Исходя из этого, на самом деле можно было предположить, что гость очень высокий. Женя в этот день не появлялся и телефон молчал тоже. Я даже не знал, как мне предстать перед этим гостем — официально в костюме с галстуком или в домашнем одеянии. Галя категорически настаивала на костюме.

Назавтра ровно в девять позвонили в дверь и Галя, накинув пальто, пошла открывать, а после этого собралась за покупками. В комнату вошли Макс и пожилой солидный мужчина, которому я тайно дал титул «старик». Позднее я узнал, что «старик» был заместителем Владимира Крючкова, директора внешней разведки КГБ. Его имя мне никогда не стало известно. Не знаю, как это сегодня, но прежде в секретных организациях редко представлялись своим настоящим именем. Это было «железным законом» конспирации. Трудно было себе представить, что кто-то будет интересоваться именем какого-то сотрудника, тем более деталями его биографии.

«Старик» производил достойное впечатление, и по его поведению было видно, что он высокого ранга. Но его костюм почему-то был изношенным. Кроме того, в глаза бросались его короткие коричневые хлопковые носки (по цвету явно не соответствующие костюму). Непроизвольно я убрал из его виду свои ноги в элегантных ботинках и носках. Быть может, в КГБ не принято одеваться в красивые костюмы. В любом случае Макс был одет так же элегантно, как и я.

«Старик» выразил желание осмотреть виллу. Заметив на кухне целую батарею пустых бутылок из-под вина и водки, он недовольно заявил: «С этим мы сейчас в Москве строго боремся». О царящих в доме чистоте и порядке ему нечего было сказать. Он только критиковал, что мы подготовили к его приезду кофе, а не чай. И разговор, который последовал, длился тоже не более четверти часа.

«Итак, хорошо, Олег Александрович, вы здесь в Берлине адаптировались, отдохнули и несколько помогли нашим людям…

ваши друзья в Мюнхене в недоумении и растерянности. Они не знают, где вас искать и в какое посольство обращаться за информацией. Тем не менее я должен сказать, что некоторые предполагают, где пропал Олег Туманов. Ну ладно, вероятно, время возвращаться домой. Что вы по этому поводу думаете?»

Это был не риторический вопрос. Я скучал по Москве. «Период стагнации» растягивался и начинал меня раздражать.

«Кстати в Москве мы подготовили вам временную квартиру. Там поживете и привыкнете, акклиматизируетесь и переедете в собственную квартиру. Если вы согласны, прошу вас приготовиться к вылету завтра в семь утра».

Я проводил обоих гостей к воротам и подождал пока «Волга» исчезла за поворотом. Вскоре появилась Галина. Узнав о моем предстоящем скором отъезде, она стала ворчать, что все так неожиданно и у нее осталось мало времени на паковку чемоданов. Что здесь значит неожиданно, подумал я. Моя дорога домой длилась больше двадцати лет. Галина помогла мне укладывать вещи и предусмотрительно положила в чемодан две бутылки коньяка и блок сигарет из представительского фонда виллы. Я хотел протестовать, но моя опытная хозяйка сказала: «Забыли про антиалкогольную кампанию? В Москве, кроме лимонада, ничего не купишь выпить. Наши лидеры совершенно спятили». Ближайшее будущее показало что она была права.

Меня не встречали музыкой и цветами в международном аэропорте Шереметьево-2, в который я прибыл из Восточного Берлина. Только дюжина сотрудников КГБ знала, что секретный агент Олег Туманов возвращается после двадцати лет работы за границей.

Мое возвращение держали в таком секрете, будто вскоре я должен вернуться обратно. В аэропорте Шенефельд «старик» вместе со мной занял места в салоне первого класса самолета «Аэрофлот», прежде чем другие пассажиры поднялись на борт. Затем салон отделили от остальных пассажиров тяжелой занавеской. Когда наземный представитель «Аэрофлота» в Берлине наивно спросил «старика», на какую организацию зарегистрировать багаж, тот окинул его таким сокрушительным взглядом, что у несчастного исчерпались все лишние вопросы. «Пишите, что считаете нужным», — пробурчал он недовольно …

«Старик» явно был не в духе. Позже я узнал причину. Генерал не переносил полетов. Но уже в воздухе он выпил две рюмки коньяка и ему стало лучше. В Москве мы последними покинули самолет, когда автобус с другими пассажирами отъехал. Пограничник сопровождал нас в серую «Волгу» у самого трапа. Мы сели в машину, «старик» рядом с водителем и поехали.

Я был дома. Не для короткого визита, не как иностранный гость, а как гражданин страны и коренной москвич. Но почему меня не одолевало чувство счастья? Может, потому, что игра продолжалась, и я не мог жить нормальной жизнью советского гражданина? Меня разместили в служебной квартире КГБ, которую, как сказал «старик», я пока еще «не смогу покинуть». Меня охраняют круглые сутки, обеспечивая не только безопасность, но и контролируя мои телефонные звонки. Даже с братом я пока не могу встречаться.

Я опять был у себя дома, но был уже не тем матросом Тумановым, покинувшим в 1965 году Москву. *Сюда вернулся другой человек.* За моими плечами лежали два абсолютно разных и отдельных друг от друга отрезка жизни. Сейчас я начну третий. Каким он будет? Что он принесет мне? Одно пока было ясно: кто однажды решился на сотрудничество с разведкой, должен подчиниться правилам игры.

Мы поехали в один из микрорайонов Москвы, похожих своими стоящими рядом многоэтажными домами. Тут я никогда прежде не был. Все указывало на то, что этот колоссальный монотонный спальный район только что был выстроен. Жильцы сюда только въехали и еще не обжились. Моим первым временным жилищем была трехкомнатная квартира с мебелью. Кроме меня, там жили обязательная экономка Тамара и молодой человек по имени Гена, которого мне предоставили в целях личной безопасности. Видимо, Гена готовился к длительной зарубежной миссии в резидентуре, так как он часами расспрашивал меня о мельчайших подробностях жизни на Западе. Помимо этого, на объекте были смотрящие. Круглосуточно по обе стороны здания стояли две служебные машины с нарядами в три человека. Еще чаще они находились в особо оборудованном служебном помещении в пролете между нижними этажами и контролировали всех приходящих. Смена менялась каждые восемь часов.

Не могу сказать, насколько были необходимы такие меры предосторожности. Вряд ли коллеги из Мюнхена или Франкфурта попробуют вернуть меня обратно. Но кто знает? История разведок помнит и такие, казалось бы, немыслимые случаи. Искомых чекистами лиц возвращали из Западной Германии и Франции. Известно также, что британская контрразведка и США готовили тщательные планы похищения из Москвы члена известной кембриджской «группы пятерых», Дональда Маклина. Маклин длительное время работал на КГБ, и ему удалось незадолго до своего ареста бежать в СССР.

Планируя эту операцию, англичане воспользовались

услугами специалистов для анализа сделанных со спутника фотографий московского района, где жил Маклин. Этот факт приводится в западных биографиях о «шпионе из Кембриджа». Ким Филби, проживший после побега через Бейрут в Москве еще двадцать пять лет, должен был смириться с тем, что рядом с ним всегда находился ответственный офицер безопасности.

Хотя в квартире уже был накрыт стол, «старик» попросил меня еще немного пригасить мой аппетит. Сам он сразу уехал. Вскоре прибыла медкомиссия из шести человек с разными аппаратами и пробирками. «Не беспокойтесь, — предупредил меня их главный, — нам только необходимо проверить ваше общее состояние здоровья». Одну из комнат тут же переоборудовали в медицинскую палату. Я оказывал врачам слабое сопротивление, но мое согласие их мало беспокоило. У них было поручение, которое они должны были выполнять. Спустя час медкомиссия завершила свою работу и, судя по всему, была довольна результатами. Врачи удалились, не приняв моего приглашения сесть за стол.

Тут есть еще одна деталь, о которой я хочу сказать. Офицер, сопровождавший нас из аэропорта в квартиру, увидев накрытый стол, заметил: «Олег Александрович, обращаю ваше внимание, что на столе нет крепких напитков. С этого момента пьем только пиво или минеральную воду. С водкой покончено». Тише едешь — дальше будешь, подумал я про себя. Посмотрим, сколько сами продержитесь. Сам я и не думал менять своих старых привычек, о чем заявил без всяких раздумий своему новому знакомому.

Уже в первые дни после своего приезда в Москву «старик» и какие-то другие руководители объявили мне, что придется выступить с пресс-конференцией в МИД.

«Вы объявите нашим и зарубежным журналистам правду о “Радио Свобода” и сообщите, насколько тесно радиостанция связана со службами разведки США, разжигая холодную войну. Вы назовете конкретные имена и факты. Это будет сенсацией».

Сенсацией? Честно говоря, эти мысли не вызвали у меня ни малейшей радости. Одно дело — в качестве тайного агента *передавать информацию о людях, которых считаешь врагами собственной страны.* Но совсем другое — читать доклады собравшейся публике. Я знал, что журналисты не поверят ни одному моему слову и будут требовать доказательств. Я никогда не чувствовал себя уверенным перед широкой публикой, так как у меня не было прежде подобного опыта. Похоже, что эта пресс-конференция выльется в болезненную конфронтацию. Но меня еще больше тревожило другое.

Подробности этого предстоящего спектакля для прессы явно

диктовались совсем «сверху», т. е. высшим партийным и государственным руководством. Как себе КГБ представлял, я должен был выступить перед журналистами в качестве разведчика, то есть говорить о своей миссии. Но внезапно вмешался Председатель Президиума Верховного Совета СССР Андрей Громыко, формально располагавший самым высоким положением в стране. На международной арене он больше известен как министр иностранных дел, которого пресса из-за его постоянных отрицаний назвала Мистер «Нет». Внимательно ознакомившись на Лубянке с подготовленным сценарием пресс-конференции, Громыко решительно отказался от моего выступления в качестве разведчика и хмуро объявил председателю КГБ: «У нас нет, и никогда не было разведки… Эта тема больше не подлежит обсуждению».

Высокопоставленным чинам, как Андрей Громыко, никогда не перечили, какую бы глупость они ни говорили. Бывший министр иностранных дел СССР был, конечно, лучше других информирован о работе советской разведки. Как многолетний член Политбюро, он ежедневно получал сводки от 1-го главного управления КГБ, а также важнейшую информацию отдельных агентур. Он был знаком лично с многими генералами ПГУ (1-го главного управления) в Ясенево и с некоторыми даже дружил. Но это не мешало ему отрицать существование оных. Это не было шуткой или настроением старого человека, а сложившимся уже при Сталине правилом отношения номенклатуры к правде. В то время как за границей широко обсуждали деятельность контрразведки, для советского человека она все еще оставалась тайной.

Мои коллеги принялись судорожно менять сценарий. Теперь моя легенда гласила, что я попал в искусно сплетенные сети ЦРУ беглым матросом и возвращался добровольно домой с повинной. Эта версия не была правдоподобной и убедительной. Люди, которые готовили мне эту легенду по новым правилам, чувствовали это сами. Я понимал, насколько им неловко. Но я не смог найти в себе сил бороться с этой ролью в подготовленном подозрительном спектакле. Было составлено пространное заявление, которое я должен был зачитать в начале пресс-конференции. Мне также пришлось заучить ответы на некоторые возможные неприятные вопросы журналистов. Затем Министерству иностранных дел поручили проинформировать прессу и подготовить зал к конференции. Неожиданностей, по всей видимости, не ожидалось.

Но как часто бывает, удар последовал совершенно с неожиданной стороны. За несколько дней до запланированной

пресс-конференции я проснулся от неожиданной острой боли в области поясницы. Меня сильно тошнило. Потом стали проявляться другие симптомы, известные мне по прежним коликам еще в Германии. Я страдал камнями в почках. Кто с этой болезнью сталкивался, поймет меня. Проверенный домашний метод — лечь в горячую ванну, принимать каждые двадцать-тридцать минут сильные мочегонные средства и запивать молоком с минеральной водой. И обезболивающее, конечно.

Я разбудил Тамару и объяснил ей свою ситуацию. Ванна, молоко, минеральная вода и обезболивающие препараты нашлись. А самого главного — мочегонного средства — дома не было. К этому моменту проснулся Гена и позвонил врачу. Но боли все не прекращались. Чтобы как-то их приглушить, я выпил полстакана коньяка из тех запасов, которые хранились у меня из Берлина, и в ожидании врача метался по комнате туда и обратно. Но, видимо, на сей раз приступ оказался таким сильным, что я на мгновенье потерял сознание и упал на пол. Мне повезло, что Гена был рядом. Он быстро привел меня в сознание. Все было бы ничего, если бы не падение, при котором я ушиб себе голову. Прибывшие вскоре врачи несколько удивились моему состоянию. Их вызвали к больному с почечными коликами, а перед ними предстал мужчина с цветущим синяком под левым глазом.

Врачи меня осмотрели и, в первую очередь, принялись за мои почки. Через двенадцать часов камни вышли. Но синяк под глазом расцветал всеми красками радуги, несмотря на все усилия врачей. На следующее утро мне стало ясно, что так я не смогу выступать на запланированной пресс-конференции. Возможно, фортуна надо мной сжалилась и предоставила мне передышку?

Кая я помню, некоторые западные газеты утверждали, что КГБ меня похитил и заставляет под пытками обливать грязью Запад. Да, мой синяк под глазом подкреплял эту версию «злодеяний Лубянки».

Вечером начальство собралось у меня в квартире. Разговор заключался в том, что делать. Задуманное «в верхах» и получившее благословление КГБ мероприятие, инициаторы которого обещали себе такой успех, срывалось. Тамара смущенно предлагала гостям кофе, в то время как я потягивал греческую «Метаксу». Я даже предложил другим по рюмочке, но все без исключения отказались. Выпили бы с удовольствием, конечно, но боязнь друг друга была сильнее. Устрашающая кампания по борьбе с алкоголем как раз была на своем пике, и некоторые функционеры уже потеряли партийные книжки, а вместе с ними — работу, из-за своего пристрастия к алкоголю.

Только по прибытии немного опаздывающего «старика»

ситуация чуть разрядилась. Во-первых, он бесстрашно пил со мной коньяк и, во вторых, распорядился немедленно привезти видеомагнитофон с большим количеством фильмов. Начальство обсудило ситуацию в несколько разрядившейся обстановке и пришло к заключению отложить пресс-конференцию на две недели, пока у меня не исчезнет синяк под глазом.

«А до этого — строгий покой, — приказал мне «старик». — Только лежа, смотреть фильмы. И никаких резких движений!».

«Не беспокойтесь, — сказал я уверенно, — ремиссия не предвидится».

После того как врачи во второй раз осмотрели меня 26 апреля и установили, что я абсолютно здоров, меня во второй раз стали готовить к пресс-конференции.

Мы отправились на Зубовскую площадь, где расположен пресс-центр МИДа.

Внушительный зал с кабинами для синхронных переводчиков, с установленными телекамерами, расположенные в ряд по возвышению стулья и большая сцена навевали на меня уныние. Я понял, как неуютно мне будет тут на сцене под многочисленными взорами. Еще меньше мне нравился заместитель шефа пресс-центра Юрий Гремыцких. Для «беглого матроса» у него нашелся лишь легкий кивок головой в качестве приветствия. Он говорил со мной свысока и произвел впечатление высокомерного сноба. Я был озабочен тем, что этому человеку доверили инсценировку моего выступления и от его ума, умения и тактичности зависит успех запланированной акции. На трибуне нам полагалось действовать вдвоем — ему в качестве ведущего пресс-конференции и мне в качестве единственного собеседника. Но уже сегодня я понял, что мы не станем согласованным дуэтом.

28 апреля зал пресс-центра был переполнен. Журналисты толпились в дверях и проходах. Все ждали сенсации. Кстати, на трибуне нас все же оказалось трое со специалистом по правам человека, которому полагалось отстаивать позицию, что существование «Радио Свобода» нарушает права человека.

«Сегодня с нами будет разговаривать гражданин Советского Союза, который жил много лет на Западе. Пока он был за границей, спецслужбы США запутали его в антисоветской деятельности. Туманов работал с 1966 года на “Радио Свобода”, одном из главных центров политически-идеологической диверсии Запада. В последние годы он занимал там должность Главного редактора Русской службы и по роду своей деятельности был хорошо информирован и имел доступ к секретной информации. В ходе своей работы он убедился в подрывном характере этой

организации, враждебно относящейся к советскому народу. После того как он признал свою ошибку, он вернулся на родину».

Вот такого рода чушь произносили на второй год перестройки, когда Михаил Горбачев везде объявлял об открытости советской политики! Примитивнее и глупее это звучать не могло. Я сидел рядом и чувствовал себя неловко. К каким чертям из меня делают идиота? Что должны означать фразы «запутанный спецслужбами США» и «признание собственных ошибок»? Я был разведчиком и выполнял секретное задание. Мне нечего было стыдиться. Я никогда не убивал, не выкрадывал документов и не совершал диверсионных актов. Насколько это было в моих силах, я снабжал Москву сведениями о совершавшихся против моей страны вражеских действиях. В этом я мог здесь открыто и честно признаться. Но что это за секретная возня? Что делать с этими формулировками эпохи Сталина? Зачем эти небылицы?

После представления Гремицких я зачитал текст официального, заранее подготовленного заявления. С содержанием этого документа у меня не было ничего общего. Я привожу его здесь в сокращении как типичный пример «созидательной деятельности» КГБ.

«Дорогие товарищи, уважаемые дамы и господа!

Сначала, по всей видимости, я обязан объяснить вам, почему сегодня я нахожусь здесь, в пресс-центре Министерства иностранных дел, а не у себя в кабинете штаб-квартиры «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» на Оэтиннген штрассе, 67 в Мюнхене. Для этого мне необходимо оглянуться в далекие годы.

В конце ноября 1965 года с советского военного корабля исчез матрос Олег Туманов, родившийся в Москве в 1944 году. Определенное время считали, что это несчастный случай, но это был побег.

Мною очень скоро занялись британские и американские спецслужбы. Уже в начале декабря 1965-го американский военный самолет привез меня в ФРГ, во Франкфурт-на-Майне. Я оказался в знаменитом “Кэмп Кинге” — приемном лагере для обработки и проверки беженцев и переселенцев из стран Восточной Европы и Советского Союза. За лагерь “Кэмп Кинг” отвечают американская военная разведка и ЦРУ.

Так как, полагаю, вы хотите знать, что привело меня к побегу и предательству, сразу хочу это с вами обсудить.

На этот вопрос нелегко ответить. Мне его ставили уже дюжину раз. Могу только сказать, что мне тогда было примерно двадцать, я хотел взять судьбу в собственные руки и мной руководил определенный эгоизм, а также беспечность

относительно возможных последствий. Служба на корабле не была тяжелой и близилась к своему завершению. В Москве ждали отец и мать. Еще раз повторю: мне очень тяжело дать ответ относительно причины моего побега. Как я уже сказал, я надеялся сам определить свою судьбу. К сожалению, все вышло иначе. Я попал в руки американской разведки.

В лагере за меня отвечал полковник ЦРУ Алекс Лимбарски — или Лэйн, Логан и Павло, как его знают другие. Хотя сегодня полковник Лимбарски на пенсии, он, как и раньше, занимается своей привычной работой, собирая информацию об СССР и странах Восточной Европы.

В «Кэмп Кинг» я провел в общей сложности шесть месяцев и прошел всякого рода проверки, но учитывая вопросы, которые мне задавали, можно, однако, сделать вывод, что в проверках также принимает участие посольство США в Москве. Помимо этого, меня проверили на детекторе лжи.

В феврале или марте 1966 года полковник Лимбарски представил меня сотрудникам “Радио Свобода” из Специального отдела по изучению эффективности передач на советских слушателей (мониторинг). Это были Джордж Перри, дипломат, высланный из СССР за шпионскую деятельность, и Эдвард Нейманис, также сотрудник ЦРУ. После нескольких бесед и встреч мне предложили работу на “Радио Свобода”.

В 1966 году радиостанция состояла из бывших военных преступников, людей Власова, переселенцев и белогвардейских эмигрантов. Ясно, что с такими сотрудниками можно вообще потерять последних слушателей, и требовалось немедленно “переливание крови”. Мне предложили работу без специального образования и опыта работы на радиостанции.

Сейчас хочется рассказать о характере “Радио Свобода”. Сенатор Фулбрайт описал радиостанции “Радио Свобода” и “Радио Свободная Европа” как “реликты холодной войны”. Сенатор рассчитывал на улучшение международного климата и надеялся, что эти реликты исчезнут сами по себе.

Но с того времени прошло более десяти лет и обе радиостанции существуют, как раньше, в качестве бастионов холодной войны.

“Радио Свобода” и “Радио Свободная Европа” являются филиалами американских разведок и удобным прикрытием для секретных операций против СССР и других социалистических стран. Меньшая видимая вершина айсберга — это так называемая пропагандистская работа по прививанию советским людям западного мышления. Невидимая часть деятельности скрыта от широких масс, является основной деятельностью обеих

радиостанций и ее отдельных служб, имея совершенно шпионский характер. Кстати, это известно правительству ФРГ. В свое время партия социал-демократов обратилась к американцам с просьбой удалить радиостанции с территории ФРГ. Но этого не произошло. Одной из причин, возможно, является сотрудничество между ЦРУ и западно-немецкими спецслужбами.

Во время двадцатилетней деятельности на “Радио Свобода” я получил доступ ко многим документам, принимал участие в совещаниях руководящего звена и беседовал с представителями спецслужб США. Поэтому с определенностью могу утверждать, что руководство радиостанции всегда является сотрудниками ЦРУ или военной разведки.

Через ЦРУ “Радио Свобода” получает также поддержку в американском посольстве в Москве. Оно информирует радиостанцию о качестве программ на СССР, их эффективности и качестве приема. Вся информация поступает через Генеральное консульство США в Мюнхене, где существует специальный отдел связи с “Радио Свобода”, через который информация передается на радиостанцию.

Таким образом, я достаточно подробно описал роль радиостанций в системе спецслужб. Можно себе представить, что на эту работу уходят значительные материальные средства. Относительно своего бюджета радиостанции стоят в ранге первых после ЦРУ и Пентагона, хотя в последнее время правительство Рейгана старается в определенной степени сократить государственные расходы. Американцев обязательно заинтересует, какие зарплаты платит “Радио Свобода”. Ведущие сотрудники получают зарплату конгрессменов. К этому прибавляются различные пособия типа бесплатных квартир и служебных автомобилей. Материально они гораздо лучше обеспечены, чем служащие на “Голосе Америки”, хотя та является федеральным учреждением.

Я провел на Западе более двадцати лет и пережил также времена разрядки. Но роль и задачи “Радио Свобода” были неизменными. Независимо от международного климата “Радио Свобода” всегда оставалась голосом воинственных группировок и политиков, на которых слово “разрядка” действуют как жало пчелы.

Радиостанции всегда были воинственно настроены по отношению к Советскому Союзу, но сейчас этот курс особенно выражен. Он целиком и полностью соответствует политическому курсу, который сейчас задало правительство США в отношении СССР. Эта политика нацелена на обострение двусторонних отношений между нашими странами, игнорирует любые мирные

попытки советского руководства обуздать международную напряженность.

“Радио Свобода” любит хвалиться тем, что иногда транслирует информацию в эфир минут десять прежде “Голоса Америки” и двадцать прежде “Немецкой волны”. Как создается такой оперативный почерк? Приведу вам пример.

В моем сейфе хранился готовый некролог Рейгана, который актуализировали после каждого важного события в его жизни, чтобы транслировать по приказу в определенное время. Такие некрологи готовят на разных политиков, но иногда происходят накладки. В свое время подготовленный некролог Картера был разослан по различным национальным редакциям. В одной редакции не заметили гриф «заблокировано» и позволили Картеру преждевременно скончаться. В настоящее время такие материалы не рассылают заранее, а хранят централизованно.

В заключение еще раз пару слов о себе. Мой путь на родину был непрост. Я никому не желаю такого пути обратно, растянувшегося во времени на двадцать лет. Теперь я опять дома. Проще всего было бы назвать все, что я пережил, кошмаром. Но это был не сон, а горькая реальность. Возможно, не каждому доведется реально оценить эту реальность. Я это смог сделать, поэтому дорога домой была логическим завершением».

…Зачитав этот бессвязный текст, который вызвал у многих непонимание, а у некоторых даже улыбку, я с облегчением откинулся назад в кресле и позволил себе выпить глоток минеральной воды. Где-то внутри я чувствовал, что журналисты, заметив, как на них хотят спустить живого медведя, разойдутся и все закончится. Но этого не произошло. Ведь мы находились в начальном периоде гласности, когда актуальная правдивая информация из Москвы была редкостью. В то время как советские журналисты, за несколькими исключениями, еще не были готовы ослабить вожжи, многие западные корреспонденты чувствовали себя вполне свободно. Увидев, что им в очередной раз хотят рассказать сказку, они в ярости набросились на меня.

С наивностью я убеждал себя, что мы обсудили все ответы на возможные неудобные вопросы и что ничего не выведет меня из спокойствия. Но все получилось иначе. Разъяренные журналисты решили докопаться до истины и закидали меня вопросами, как камнями. Ведущий пресс-конференции Ю. Гремыцких потерял контроль над происходящим и пустил все на самотек. Пускай «беглый матрос» сам выпутывается.

Для «Таймс» это был найденный повод в следующем выпуске писать беспощадно: «Исполнение загнанного в угол и бормочущего в бороду Туманова вызвали у более чем сотни

приглашенных на инсценированный пропагандистский спектакль журналистов непонимание и осуждение».

Тон сообщений некоторых других западных корреспондентов был еще саркастичнее. Большинство советских газет, все еще под контролем ЦК КПСС, на следующий день публиковали официальное заявление ТАСС, а не сообщения собственных корреспондентов, что также сигнализировало провал пресс-конференции.

Три часа подряд я должен был отвечать на наводящие вопросы журналистов.

«На радиостанции регулярно циркулировали листовки явно антисемитского характера. Их также следует отнести к вашей “тайной войне?”, — очень интересовался хорошо информированный корреспондент. — Вас знают на радиостанции как убежденного антисемита?».

«Если вы так хорошо информированы о положении дел на “Радио Свобода”, — пытался я парировать, — тогда вам самому, возможно, известно, кто занимается распространением этих листовок. Что касается меня, то я не антисемит. Мои друзья на радио относятся к разным национальностям, и моя бывшая жена — еврейка. И если кто-то на радиостанции недоволен моей редакторской деятельностью, пускай в первую очередь ищет ошибки в себе. Когда программа составлена неудачно, неважно, кто ее написал — еврей, русский или армянин. Тем не менее, я вынужден подтвердить, что количество некачественных передач, написанных евреями, всегда преобладало. Это легко объяснить тем, что процент евреев в русской редакции всегда был выше других».

«С момента вашего исчезновения с радиостанции прошло более двух месяцев. Где вы были все это время? Вы были на территории Советского Союза и вас обрабатывали препаратами, как советские инстанции приписывают американцам с Юрченко?»

Виталий Юрченко, полковник КГБ, полгода назад сидел на том же месте, что и я. Он тоже был «героем» раздутой пресс-конференции. Прежде Юрченко работал в Управлении контрразведки и после этого перешел в американский отдел 1-го главного управления контрразведки. Летом 1985-го, находясь в служебной командировке в Риме, он бесследно исчез. Только через месяц КГБ выяснило, что полковник проживает без наблюдения в вилле ЦРУ близ Вашингтона и рассказывает американцам о наших агентах. Кстати, Управление контрразведки также отвечало за мою операцию, но к счастью, смогло соблюсти внутреннюю конспирацию. Поэтому Юрченко ничего не было известно о моем задании. Как стало известно

позднее, Юрченко продал несколько очень ценных источников КГБ американцам. Но почему-то через три месяца он стал одержим желанием вернуться в Москву. Он обманул своих охранников и внезапно явился в советское посольство, хотя знал, что ему грозит худшее — тюрьма или даже расстрел. Но после внимательной оценки обстоятельств исчезновения и возвращения полковника высшее руководство в Москве приняло «соломоново» решение, а именно выставить его «жертвой». Было объявлено, что американские спецслужбы похитили Юрченко в Риме и силой привезли в Америку, где чекиста с помощью психофармакологических препаратов пытались склонить к предательству и выкрасть у него секретную информацию. На этой же сцене в пресс-центре МИДа полковник преподносил свои сказки. Это и было причиной, почему мне подкидывали как пример такой метод обработки.

«О каких методах вы говорите? — спросил я. — Вам следует навести справки не здесь в Москве, а в ЦРУ. Я могу дать вам еще один адрес в Мюнхене, филиала банка “Американ Экспресс”. Над банком на втором этаже находится интересное бюро. Узнайте, что там происходит».

…Об этом «интересном» офисе я знал, так как моя жена Светлана проходила там тест на детекторе лжи, поменяв свою работу преподавателя в Русском институте армии США в Гармиш-Партенкирхене на школу американской военной контрразведки в Мюнхене.

«Сколько вам платили на радиостанции и сколько платят в КГБ?»

«В последнее время я получал 15 000 марок. Так как я никогда не состоял на связи с КГБ, я никогда не получал от них денег».

Мой ответ вызвал в зале оживленную реакцию. Западные журналисты не хотели верить, что кто-то добровольно готов бросить месячный оклад в 15 000 марок и вернуться в СССР, к тому же под приговором смертной казни за дезертирство заочно. Что касается денег с Лубянки, это почти что соответствовало правде. Мне иногда платили только небольшие суммы на покрытие дорожных расходов, связанные со служебными встречами. В последние годы речь шла также о финансовой поддержке моей маме. Это было все.

«Почему вы все же решили вернуться, вам же явно не так плохо жилось на Западе?»

…Именно, почему же? Я ведь не имел права рассказать им о предателе в контрразведке, который, как с обеспокоенностью и не без повода предполагали в 1-м главном управлении, «сдал» меня

американцам. Я должен был придерживаться предыдущей версии своего возвращения с повинной.

«Жизнь проходит, — монотонно отвечал я корреспондентам. — Я хотел бы закончить ее в кругу родственников и соотечественников. Русские не цыгане. У нас выраженное чувство дома и родины».

«Вы оставили в Мюнхене жену с 4-летней дочерью, что вы можете сказать по этому поводу?»… Я молчал.

«В 1981 году на радио произошел взрыв. Расследования показали, что к взрыву приложила руку социалистическая страна. Вы имели к этому отношение?»

«Если в тот день я провел на работе хотя бы минуту дольше, чем мне было положено, я сегодня не разговаривал с вами. После взрыва от моего кабинета, впрочем, как и от некоторых других кабинетов, не осталось и щепки. Трудно было установить, кто виноват во взрыве. Я не знаю, кто совершил этот террористический акт. Зато я знаю, кому очень на руку это было. Обе радиостанции получили от Конгресса на “восстановление” дополнительные десять миллионов долларов и некоторое повышение основного бюджета. Это точно установили».

Затем один журналист из социалистического лагеря задал явно подготовленный организаторами пресс-конференции вопрос:

«Что вы можете сказать о международном статусе “Радио Свобода?”».

Как и было запланировано, слово взял защитник прав человека. К возмущению присутствующих, он открыл папку с машинописными страницами и начал их вслух читать. Он продолжительно считывал с листа все наши претензии к США, ЦРУ и «Радио Свобода», стараясь запутанным юридическим языком доказать преступную сущность радиостанции. При этом он ссылался на вытянутые из пальца юридические нормы и прецеденты. Минут через десять зал стал беспокоиться. Потом громко засвистели. Журналисты не были готовы к тому, что на пресс-конференции им читают доклады. К тому же скучные…

Только теперь Ю. Гремыцких додумался закругляться. Это следовало сделать много раньше, потому что мы три часа подряд лили воду из пустого в порожнее. До начала пресс-конференции представители нескольких зарубежных телекомпаний выразили интерес к эксклюзивному интервью со мной, но теперь никому до меня не было дела. Перебежчик, чьими ответами манипулировал КГБ, никого не интересовал. Поэтому моя совершенно достоверная и правдивая информации о «Радио Либерти» не была опубликована на страницах газет и телевидении.

Вместо этого зарубежные корреспонденты предпочли дальше

описывать подробности и предположения о моем внезапном исчезновении из Мюнхена. Например, «Вашингтон пост» писал: «Никто на “Радио Свобода” не верит, что Туманов вернулся добровольно. Его, вероятно, похитили советские агенты и заставили говорить на пресс-конференции под страхом смертной казни». «Нью-Йорк Таймс», ссылаясь на информацию спецслужб, писал, что меня привезли на пресс-конференцию прямо из тюрьмы, «но пока нет повода опасаться, что Туманова расстреляют». Эмигрантская газета «Русская мысль» разорвала пресс-конференцию в Москве на части по всем правилам искусства, констатируя: «Нельзя ни в коем случае исключать, что после того, как Туманов даст несколько интервью и напишет пару разоблачительных статей, он пойдет прямой дорогой в лагерь, по примеру многих “возвращенцев”.

Кстати, уже очень скоро, следуя указаниям ЦК, некоторые советские газеты сообщили, что «ввиду чистосердечного признания Туманова и важности предоставленной им информации Президиум Верховного Совета СССР рассматривает возможность приостановления преследования и помилования». Я все еще числился приговоренным к смерти предателем. Любой милиционер мог расстрелять меня на улице за «попытку к бегству». Это меня угнетало, потому что не так я представлял себе свою жизнь на Родине.

…В тот же вечер ко мне домой приехали руководители с Лубянки, чтобы посмотреть телевизионный отчет о пресс-конференции и обсудить дальнейшие планы. Телевизионная передача длилась только пятнадцать минут, но и этого было слишком много. Потому что о катастрофе, которая в эти дни произошла на атомном реакторе в Чернобыле, наше телевидение сказало только несколько неопределенных слов.

Мои руководители теперь купались в грандиозных планах о том, чтобы опять представить меня на телевидении. Во всем, что не сложилось на пресс-конференции, обвиняли «империалистическую прессу».

Они считали, те были виноваты, что не все сложилось по плану. Поэтому решили организовать еще одну встречу со мной в студии, на которой будут участвовать только советские корреспонденты и задавать «хорошие» вопросы, не «преследуя плохих намерений». Планирование этого следующего «шоу» назначили 5-му управлению КГБ, которые отвечали за идеологическую работу и борьбу с диссидентами. Май или начало июня рассматривались как предположительное время трансляции.

Наконец я мог свободно передвигаться по Москве, хотя всегда

только с личной охраной. Теперь мне разрешили пользоваться телефоном, что до сих пор не разрешали.

Все дальнейшие события можно описать быстро. После этого не было ничего особенного.

Через два дня мне разрешили встретиться с братом, его женой и племянником. Потом я увидел одноклассников и друзей юности. Я не чувствовал себя комфортно в их присутствии, потому что они смотрели на меня со стороны и как раньше, несмотря на все слова раскаяния, для них я был предателем. Груз дезертира и предателя мне пришлось нести еще долго. Кто любит предателей? Я бежал с корабля, дезертировал, устроил себе комфортную жизнь на Западе — так думали многие. И я не имел права сказать им правду.

Моей жизни нельзя было позавидовать.

Но в ней было и приятное. Вскоре я стал гражданином Советского Союза со всеми правами и обязанностями, получил в милиции новенький паспорт, в котором Москва была указана как постоянное место жительства. Мой голубой паспорт политического беженца я передал в архив КГБ. Через некоторое время я получил собственную квартиру. Из трех предложенных я выбрал скромную двухкомнатную квартиру, чье преимущество было в том, что она находилась в центре вблизи знаменитого Центрального рынка. Теперь мне необходимо было приобретать мебель, кухонные принадлежности и все остальное, что необходимо для оседлой жизни. Мне было ясно, что с приключениями и путешествиями покончено.

Денег, которые я привез с собой из Германии, сначала было достаточно для жизни. С утомительными покупками и походами в магазины мне первое время помогали родственники, друзья и постоянно сопровождающий меня сотрудник безопасности. Особенно много я не приобрел, потому что мне вскоре надоели эти походы по магазинам. Кроме внушительной библиотеки, которую я здесь в Москве себе собрал и приобрел, в моей квартире мало роскоши.

3 июня 1986 года по первому каналу Центрального советского телевидения передавали запись нового интервью со мной. На сей раз участвовали только надежные журналисты. Даже без «неудобных» переговорщиков мы опять не избежали провала. Почти полтора часа шестеро скучных участников предпринимали судорожные попытки доказать, что «Радио Свобода» остается гнездом шпионов и предателей. Полтора часа пустой болтовни! Уснуть можно было. При этом оригинальная запись была в два раза длиннее. В конце я так нервничал и был так раздражен, что у меня сел голос. «Завтра допишем», — сказал я и ушел. Но на

следующий день, естественно, не удалось собрать всех журналистов. Кроме того, место в студии было занято записью других передач. Поэтому передачу собрали по кусочкам из сделанной накануне записи.

Я еще помню, как поехал к брату смотреть это телевизионное выступление. Но посередине передачи он уснул. Когда он пробудился, он точно и по делу охарактеризовал передачу:

«Что за глупости? Кого вообще интересует эта радиостанция и ее передачи? Все ненужная пустая болтовня».

Позднее я мог убедиться, что почти никто из моих знакомых в Москве и провинции не смотрел до конца эти примитивные передачи. У всех были другие заботы.

Зато функционеры ЦК и КГБ были полностью и всем довольны: вот мы этим вечно вчерашним опять надавали! Руководство жило в постоянной войне с идеологическим противником.

Реакция моих бывших коллег на «Радио Свобода» тоже была саркастичной. В своей еженедельной программе по итогам передач советского телевидения Владимир Матусевич совершенно справедливо выразился, что вторая пресс-конференция со мной была тяжелой в исполнении и невыносимой для зрителя. «Стоит ли делать такие усилия, чтобы с помощью эдаких “разоблачений” Туманова, а также учитывая мощное глушение, возбуждать интерес советского слушателя к “Радио Либерти”? Советские люди совсем не глупые и не дети. Дайте им решать, кого им слушать, а кого не слушать». Этими словами он заканчивал свой комментарий. Тем самым подчеркивая то, что говорил мой политически не подкованный брат.

С этого момента я избегал участия в такого рода пропагандистских шоу. В качестве эксперта по «Радио Свобода» меня еще часто приглашали на более или менее крупные презентации, посвященные борьбе с «вражеской пропагандой». Я предпочитал молчать на этих мероприятиях. Затем проблема решилась сама по себе, после того, как «Радио Свобода», так же как ряд других западных радиостанций, перестали глушить, и их корреспонденты стали свободно приезжать в СССР. В памятные дни августа 1991 года Михаил Горбачев, после своего возвращения с Фороса заявил, что во время путча и домашнего ареста в Крыму он предпочитал слушать информацию на текущих передачах «Радио Свобода».

Представьте себе такое! Это говорил человек, все еще являющийся генеральным секретарем ЦК КПСС, который вместе со своими соратниками всю жизнь рассматривал ЦРУ в качестве самого злостного противника. Что у него вдруг произошло —

просветление? Или он внезапно признал свои ошибки и достиг такой мудрости?

Я не Горбачев и не способен к такой смене восприятия. Для меня многое остается невозможным, а о многом я должен еще подумать.

Времена резко поменялись. Сегодня передачи «Радио Свобода», за прослушивание которых еще недавно грозил тюремный срок, вечером повторяют по московскому телевидению. В Москве появился официальный филиал «Радио Свобода», и корреспонденты радиостанции аккредитованы почти во всех больших городах бывшего Советского Союза.

Но я ушел от событий. В 1987 году, после того как я, ничего не утаивая, подробно доложил КГБ о своей деятельности за границей, я стал серьезно подумывать о поисках работы. Я получал высокую полковничью пенсию, но мне не нравилось в сорок три года просто сидеть дома, предавшись воспоминаниям прошлого.

Где мне было работать? В принципе мне подходила только одна должность — работа редактора. Тут выбор был не так велик. Меня пригласили на собеседование на телевидение, на международное «Радио Москва» и в агентство «Новости». От телевидения я сразу отказался. Эта была не моя область и мне пришлось бы начать опять с нуля. Больше всего мне понравилось на радиостанции. Но после того как я там осмотрелся, меня постигли мысли, смогу ли я провести здесь остаток жизни.

Международное «Радио Москва», в отношении его функций, очень напоминало мне «Радио Свобода». В Мюнхене мы вещали для слушателей в Советском Союзе. Москва готовила аналогичные передачи для слушателей в сотнях стран, учитывая местный язык и социальные и психологические особенности. В Мюнхене работали предпочтительно бывшие советские граждане. На «Радио Москва» также было достаточно много иностранцев с двойным гражданством, происходивших из стран, на которые шло вещание. Но все, что касалось организации работы, «Радио Либерти» нельзя было никак сравнивать с Москвой.

Вообще это было странно. «Радио Москва» подчинялось тем же законам, что и другие организации. Как везде, на одного сотрудника приходилось три смотрителя и два начальника. Бюрократия в чистом виде. Новости, которые шли в эфир, тщательно подбирались в соответствии с идеологическими мотивами. Об оперативной работе не могло быть и речи. Больше всего меня возмущало, что не у всех сотрудников был прямой доступ к актуальной информации. На телетайп поступала

информация крупных новостных агентств. Но телетайпы размещались в строго огороженном помещении, куда доступ имели только уполномоченные сотрудники. Эти люди просматривал входящую информацию и предоставляли ее редактору, который либо сам принимал решение о переводе на другой язык, или передавал информацию вышестоящему начальнику. Создавалось впечатление, что разговор идет о совершенно секретной, а не предназначенной для передач информации.

На «Радио Свобода» по информации было только одно ограничение: если существовали сомнения относительно правдивости, необходимо было проверить, что информация поступила через хотя бы два независимых друг от друга канала. Это было все! Через пять минут ее переводили и пускали в эфир в следующем выпуске. Актуальные новости немедленно поступали через радио.

Конечно, не всегда так получалось. Когда я начал работать на Радио в 1966 году, там работали по только что описанной советской системе. Новостной отдел работал только в дневную смену. Каждый комментарий автор проверял у редактора и полдюжины других начальников. Существовал так называемый политический отдел, где американцы проверяли передачи по так называемой пятизначной шкале. Но годы проходили, и победила логика. Все лишнее, что тормозило и мешало работе, выбросили за борт. Были изданы новые указания, стимулирующие свободные решения, независимость и оперативные действия. После памятного скандала в конгрессе влияние ЦРУ на «Радио Свобода» уменьшилось и часть контрольных функций американской разведки перешла на редакторов. Таким образом, значительно увеличилась их ответственность. В последние годы своей работы на «Радио Либерти» я имел право в оперативном порядке решать все связанные с новостями вопросы. Если меня вызывали на работу ночью, я мог поменять всю передачу. Наутро, естественно, такие решения анализировали и наказывали за любую ошибку. К моему счастью, я ни разу не совершил такую ошибку. Я очень старался не дать повод для критики, чтобы сохранить чистым мое прикрытие, которое было необходимо для моей деятельности разведчика. Я даже горд тем, что на «Радио Свобода» стал инициатором ряда новых программ, первым вышел в прямой эфир и под моим руководством в отделе новостей ввели прямую передачу новостей.

Мой отдел новостей состоял из двенадцати сотрудников, которые работали в три смены, то есть составляли программу двадцать четыре часа в сутки. Конечно, люди иногда болели или

ездили в отпуск. Здесь, в Москве, я обнаружил раздутый штат с большим количеством явно скучающих секретарш, курьеров и других лентяев, которые весь день только чай пили. На мой взгляд, они никогда еще не работали, и никто это от них не требовал.

Короче говоря, мне не понравилось на улице Пятницкой, на «Радио Москва».

Но где мне еще трудиться? Время шло, и я не находил себе работы. И тут мне еще раз повезло. В центральном аппарате КГБ создавали пресс-центр для информирования граждан о текущей работе спецслужб, а также для редактирования (цензуры) всех печатных изданий, фильмов и телепередач по теме разведки. Того требовало веяние времени.

В то время в СССР как раз шла демократизация общества. Как всегда в таких случаях, на поверхности плавало много грязи, везде стирали грязное белье и в одну кучу собирали хорошие и плохие факты нашей истории. Некоторые люди во всем видели негативное, все охаивали и оставляли за собой только помои. И у таких людей были ответственные посты в СМИ. Наряду с великолепными книгами и публикациями русских писателей, философов и политических эмигрантов, таких, как Солженицын, Сахаров, Зиновьев, Некрасов, Максимов и Галич, в публикацию попадало также множество спекулятивных, лживых и провокационных публикаций. Время и так было тяжелым. Каждое неосознанное слово как зажигательное устройство гранаты могло взорваться и вызвать необратимые последствия. Поэтом я был нужен как знаток эмигрантской среды и эксперт в области эмигрантской литературы, чтобы давать информацию относительно писателей и публицистов, чьи работы заполонили нашу страну.

Пресс-центр также приглашал меня читать лекции перед разной публикой. Я побывал в Сибири, на Крайнем Севере и в Средней Азии. Когда мне нужно было говорить перед чекистами, меня представляли: «Наш гость Олег Туманов, сотрудник КГБ СССР». Если мероприятие проходило на заводе, университете или институте, меня объявляли бывшим редактором «Радио Свобода». В русской глубинке такие выступления были очень востребованы. Интересно, что мне почти никогда не ставили вопросов напрямую о «Радио Свобода». Простым людям было не до подрывного характера западных радиостанций. Они интересовались простыми вещами, как цены и доходы на Западе… Журналисты на местах также интересовались «Радио Свобода», но ее техническим оснащением и организационными вопросами.

Во время всех этих мероприятий я искренне старался

защищать государственные органы, особенно от чрезмерной критики. Но это становилось труднее от раза к разу. В ходе свободы и гласности наконец был сорван покров лжи с советской истории. И то, что появилось на свет, оказалось очень страшным. До сих пор мало кто знал о масштабе репрессий и унижений, которым подвергся наш народ во времена Сталина. Маленькая горсточка негодяев в Кремле, взявшая на себя право безгранично царствовать над шестой частью земного шара, целенаправленно уничтожившая лучших сынов и дочерей русского народа и других советских республик, взрастила особый, нигде в другом месте не встречающийся тип человека по имени «гомо советикус». Характер этих людей отличался особенно узким горизонтом, агрессивностью, нетрудоспособностью, алкоголизмом, доносительством, халатностью и другими негативными качествами.

Государственные органы в качестве щита и меча революции пользовались правом беспощадно наказывать, разжигать страх, способствовать доносительству, подавлять гласность, преследовать инакомыслящих, высылать в изгнание и заниматься пытками, инсценировать провокации и прослушивать телефоны.

Безусловно, роль КГБ при Горбачеве нельзя было сравнивать со сталинским НКВД или МГБ Хрущева. Демократизация не обошла стороной Лубянку. Но очень глубоко в сознании людей оставалась страшная картина сталинского меча и слишком долго царившие в обществе страх и ненависть. Вокруг комплекса зданий на площади Дзержинского на Лубянке собирались угрожающие толпы людей. Протесты, однако, были направлены не против внешней разведки.

Этот процесс усугубил шеф КГБ Крючков, стоявший в августе 1991-го во главе органов госбезопасности. Но девяносто процентов генералов и офицеров отказались следовать его приказу. Чекисты не захотели вновь стать палачами собственного народа. После победы над путчистами народные массы ограничились сносом памятника Дзержинскому.

Монументальное здание КГБ не постигла судьба Бастилии. С официальной стороны я узнал, что многие в тот момент боялись штурма народа. Влиятельный ведущий сотрудник КГБ рассказал мне, что 23 августа была выведена вся охрана из здания, чтобы избежать пролития крови и ненужных жертв. Этот начальник, смелый и честный человек, остался тогда в своем рабочем кабинете и подготовил на столе пистолет, чтобы в случае необходимости выстрелить себе в лоб. Но воинственный спектакль жителей Москвы ограничился памятником.

Кстати, это не было подвигом демократической мятежности.

Памятники стоят, чтобы напоминать о прошедших днях и событиях. После октябрьской революции 1917 года безграмотные массы рабочих и крестьян (с позволения новых правителей), желавшие осуществить акт героизма, уничтожили памятники царю во всей стране. Сейчас образованные люди ведут себя с ревностью вандалов, уничтожая памятники революционеров и марксистских руководителей. Когда они придут в себя, они пожалеют. Историю нельзя обмануть или переписать.

Сейчас я редко покидаю свою квартиру. Постоянной работы у меня нет. Я живу на пенсию, которую мне платит государство. Дни я провожу, читая газеты и журналы. Я рано ложусь и встаю поздно. Хотя мне всего сорок восемь лет, иногда я кажусь себе старым человеком.

Я чувствую себя чужим в собственной стране.

Круг моих друзей и знакомых уменьшился после того, как немецкие марки в моем портфеле исчезли и пропали бутылки с западными этикетками в моем баре.

Все изменилось и поменялось. Из черного стало белым. Эмигранты, которые работали против коммунистического режима, очень быстро превратились из врагов народа в национальных героев. Мощность трансляций «Радио Свобода», которую до сих пор глушили, теперь усиливают с помощью реле на государственном радиовещании. Разведки России и США дружелюбно друг друга обхаживают. Бывший диссидент Буковский сидит, перекрестив ноги, в кабинете нового шефа КГБ на Лубянке, покуривает одну за другой сигарету и учит его, как быстрее реорганизовать разведку.

На моих глазах внезапно обрушилось все то, что вчера еще считалось непоколебимой основой советского образа жизни — идеология, партия, символы, вера, экономика — практически все…

Наконец обрушился сам СССР, похоронив под своими обломками надежды тысяч людей, павших жертвами межнациональных конфликтов. Бывшее государство, прежде уважаемое всеми, отреклось от коммунизма. Но каковы последствия? Хаос, вооруженные конфликты, уголовные преступления, бедность, инфляция, падение производительности, абсолютный вакуум в сфере духовности, коррупция, отсутствие лидеров и развал прежних ценностей…

Если противники коммунистов хотели добиться этого, то мне жаль, что двадцать лет как агент советской разведки я боролся рядом с ними.

То, что сегодня происходит на бескрайних просторах бывшего СССР, грозит стать катастрофой не только для нашего народа, но

и всей планеты. Так как хаос в нашей стране, нашпигованной ядерным оружием и атомными станциями, равняется огню в пушечной камере. Если там произойдет взрыв, то утонет весь корабль.

Конечно, той роли, которую я сегодня играю, не позавидуешь. Когда человек весь день сидит дома в халате и запивает плохое настроение водкой, это напоминает бегство или капитуляцию. Но с кем мне маршировать в одних рядах? С теми, кто еще недавно выкрикивал коммунистические лозунги и обожествлял портреты Ленина, а сегодня с таким же энтузиазмом строят капиталистическую Россию? Нет, я не перевертыш. Присоединиться к кучке тех, кто верен Октябрьской революции? Нет, их я тоже не устрою. Я никогда не следовал слепо какой-то идеологии.

Уничтожение государства, уничтожение в умах, отсутствие перспектив, безусловное скатывание в пропасть … к этому процессу я не хочу иметь никакого отношения. Оставьте меня в покое.

Настало время подводить итоги.

Вы читали исповедь человека, у которого за спиной три отрезка жизни. Первые двадцать лет обычного становления гражданина в момент детства и юношества, закончившиеся призывом на военный флот. Следующие двадцать лет охватывают формальную работу против Советского Союза на американской радиостанции «Радио Свобода» и фактическую работу против американцев в качестве советского разведчика. Но третий этап, который тянется уже семь лет, значительно отличается от предыдущих.

В опубликованной в западной газете статье журналист назвал меня «Шпион между двумя мирами».

Быть может, он даже не предполагал, как точно это описание выражает то, что тогда происходило в моей душе и то, что происходит с ней сегодня.

Несомненно, факт, что в какой-то момент я не смог перейти из прошлого в будущее. Но я не один, кто так себя чувствует. Сегодня есть много людей, лишенных ориентиров, испытывающих страх перед будущим, охваченных болезненными мыслями о прошедших годах и не понимающих сегодняшней жизни.

Вероятно, мы все находимся между двумя мирами.

Подходя к завершению, хочу вспомнить еще один телефонный разговор. Я сам позвонил в бюро «Радио Свобода» в Москве и попросил соединить меня со старым другом Аленой Кожевниковой. Когда-то я был ее начальником в службе новостей радиостанции. Мы поддерживали чисто дружеские отношения. В

семье Кожевниковых, русского происхождения с австралийским гражданством, я всегда был желанным гостем. В ее доме преобладали китайская национальная кухня (после бегства в Манчьжурию. — *Примеч. С.Т.*) и истинно русская гостеприимность. Кроме того, я ценил царящую здесь доброжелательную атмосферу и чувство уюта и дома, которую умеют создать только верующие русские люди, потомки первой русской эмиграции.

В настоящее время Алена Кожевникова руководит бюро «Радио Свобода» в Москве. С момента моего внезапного исчезновения из Мюнхена в феврале 1986 года я больше не слышал ее голоса.

И вот я позвонил ей на работу. Номер телефона легко было узнать, так как его публикуют в московских газетах. На мой звонок ответил женский голос с московской тональностью:

«Радиостанция “Радио Свобода”. Чем могу помочь»?

«Хотел бы говорить с Аленой Кожевниковой».

«Кого мне представить?»

«Передайте, что звонит ее бывший шеф, Олег Туманов».

Девушка на другой стороне телефона немного замешкалась и попросила меня подождать. Скоро Алена подняла трубку.

«Что же, — услышал я ее голос, который совсем не изменился, — агент КГБ желает говорить с агентом ЦРУ? О чем речь?»

Я смутился, но причина ее недоброжелательного ответа скоро прояснилась. Алена утверждала, что в одной из передач я назвал ее «агентом ЦРУ». Было ли так на самом деле? Наверное, так и было. Я упоминал ее в качестве сотрудника НТС, что соответствовало действительности, а она интерпретировала это как американская шпионка. Раньше у нас эти организации были однозначны.

Я извинился, так как не хотел, чтобы наш разговор на этом закончился. Я попросил поздравить Юлиана Панича с «Радио Свобода» в связи с его телевизионной серией о жизни наших эмигрантов. Дальше я спросил, как живется моим другим друзьям и знакомым.

Алена не является человеком, опасающимся разговоров с сотрудниками КГБ. Вероятно, в моем голосе прозвучало что-то, вызвавшее у нее чувство примирения, потому что она отвечала мне совсем по-свойски. В любом случае я услышал от нее информацию о последних событиях.

Леонид Пылаев, бывший идол русской редакции «Радио Свобода» и мой хороший товарищ, который заступался и поддерживал меня в первые годы моей работы в Мюнхене,

скончался. В конце тридцатых годов он отбывал срок в сталинских лагерях на Колыме, стал потом солдатом и попал на фронте в плен. Вступил в армию Власова и после войны смог спрятаться от всех властей. Он не хотел иметь дела ни с Советами, ни с немцами, ни с американцами. На «Радио Свобода» он был одним из первых сотрудников. Леонид Пылаев пользовался общим признанием, работал с удовольствием и был сердечно хорошим человеком …

Ариадна Николаева тоже умерла. Она была дочкой русского белогвардейца в эмиграции и бывшим секретарем французской актрисы Брижит Бардо. Затем она работала на «Радио Свобода» и являлась моей очень близкой подругой. Я почувствовал, будто умерла одна часть меня. Услышав эту новость, я извинился перед Аленой Кожевниковой и коротко прервал наш разговор, чтобы налить себе рюмку из бара.

После этого я рассказал ей о своей жизни, а она говорила о себе. Как выяснилось, мы живем недалеко друг от друга, совершаем покупки в тех же магазинах и ходим по одним и тем же улицам. Нас занимают одни и те же будничные темы и симптомы приближающейся старости.

Я был благодарен ей за этот разговор. Быть может, я доживу до того времени, когда оба враждебных мира и память о них окончательно уйдут в прошлое. Тогда останется только один мир — общий мир добра, разума и света.

Вместо эпилога. Он жил для России

Миссия «Радио Свобода» завершится только тогда, когда во всех этих странах появится по-настоящему свободная пресса, надежно огражденная от вмешательства власти. До тех пор, пока угроза свободе прессы будет сохраняться в странах, где демократические основы так хрупки, как, например, в России, до тех пор миссия «Радио Свобода» останется незавершенной.

Заместитель директора «Радио Свобода» в Нью-Йорке, (1985–1993) г-н Паддингтон

Я родилась в Латвии и в 1965-ом году только поступала в специальную английскую школу г. Риги № 40, когда в территориальных водах Объединённой Арабской Республики вблизи ливийской границы в заливе Дар Салум в ночь с 18 на 19 ноября с боевой единицы 63972 Балтийского флота бежал и был объявлен пропавшим матрос срочной службы, 21-летний Олег Туманов, выпускник 155 школы г. Москва. Его заочный арест был санкционирован и подтверждён военным прокурором дважды Краснознаменного Балтийского флота в соответствие с розыскными документами Управления КГБ г. Москва и Московской области (КГБ, розыскной № 27/29666). Парень золотой поры хрущевской оттепели принял первое самостоятельное решение в жизни. В Москве били по нему тревогу, требуя вернуть беглого моряка. НО БЕЗ ЕГО СОБСТВЕННОГО ВЕДОМА ЧУЖАЯ РУКА ВЕЛА, ПРИКРЫВАЛА И ЗАЩИЩАЛА ОЛЕГА.

А в ночь с 21 на 22 августа 1968 года советские танки входят в Прагу в ходе «Операции Дунай», положившей конец реформам Пражской весны. И впервые в истории «Радио Свобода», 23 августа 1968 года к микрофону в прямом эфире без редакции садится молодой парень и под собственным именем, а не под псевдонимом, объявляет: «Добрый день Москва, в эфире Олег Туманов, Радио Свобода, Мюнхен. Мы ведем прямую трансляцию

о событиях в Праге». Но его будто слышит другая на берегу Рижского залива, прижавшись ухом к радиоприёмнику «Спидола», как и три года до этого плещущиеся волны моря приносили ей голос обессиленного моряка, который плыл к африканскому берегу, шепча: «Девочка, спаси и сохрани»…

В Мюнхене Олег получает ответ отца с осуждением. Последний не понимает слов сына, кажущихся ему совсем чужими. И этот безголосый и непонятный диалог между ними, растянувшийся на годы, стал причиной разбитого сердца и преждевременной смерти отца, а затем и самого Олега.

«Олег Туманов и Саша Перуанский», — рассказывал в 2007 году в Москве Юлиан Панич, бывший сотрудник «Радио Свобода», — «были единственные люди, с кем сразу удалось подружиться на «Свободе». Олег Туманов — тогда просто один из сотрудников Отдела новостей и Саша Перуанский, начальник отдела. Милые, доброжелательные, щедрые за столом, что очень устраивало и подбадривало. Впервые прочитав что-то осмысленное и как мне кажется, правдивое об Олеге Туманове, скажу от себя — одно неправда, он не бы бездарью. Редактором он был отличным, с великолепной памятью и вкусом. К его судьбе многие прикладывают руки, а была она в руках Божьих — для чего-то была нужна такая. А парень был неплохой. Да, вокруг дерьма было много. И путь избрал (сам ли или в силу обстоятельств — неизвестно теперь) тоже грязноватый. Жаль..».

Годы бежали и весной 1978-го года в Англии состоялась наша встреча, завершившаяся молниеносной свадьбой, после которой карьера Олега пошла резко в гору.

Работой в 527-ой части Командования военной разведки Армии США в Гармиш-Партенкирхене в USARI[18] и FLTCE[19] в Мюнхене, как и когда-то Олег, я обязана Александру Лембарскому (в книге он назван Алексом), который принимал его во Франкфурте. Олег меня не ревновал, но в нашей семье всегда толпилось слишком много народа. Ради сотрудничества с КГБ Олег проводил хитрую и двойственную политику, оставляя сотрудницам «Радио Свобода» повод надеяться на роман между ними.

Несмотря на благополучную жизнь и рождение дочери Александры в 1982-ом году, Олег тосковал по Москве и чувствовал себя чужим в Германии. Он отказывается говорить на немецком языке. И среди своих русских книг, картин и коллекций создал близкую себе энергетику в стенах нашего дома. Только там он находил покой, но стал затворником, запивая грусть водкой.

Ситуация дома накалена до предела. Туманов спивается.

Чтобы как-то уберечь дочку, я снимаю отдельную квартиру поменьше в «Арабеллахауз», чтобы отцу было к ней поближе. Соседи часто видят, как Олег, пьяный, сидит у нас под дверью и плачет, а затем шатаясь, возвращается к себе в квартиру. Дома у него надрывно звонит телефон: это больная Ариадна «Марина» требует денег, угрожает разоблачить. И что-то уже заподозривший Александр Рар, настаивает: «Вот увидишь, Светлана — я стану известней и могущественнее твоего пьяненького мужа и ты когда-то пожалеешь, что не вышла за меня замуж».

Что делать? Развязка наступает сама собой.

Осенью 1985-го года Олег тяжело переживает потерю своего положения главного редактора Русской службы «Радио Свобода». В феврале 1986-го года он внезапно исчезает из Мюнхена. По просьбе моего командира полковника Мэйджорса и с Ричардом Каммингсом, главой службы безопасности «Радио Свобода», мы проверяем квартиру мужа на 3-ем этаже элегантного «Арабеллахауз». И я тут же понимаю, что Олег не вернется. Пока ничего не подозревающий Ричард Каммингс, по моей просьбе, роется в нашей спальне, я мигом достаю из ящика в чёрной стенке нашей гостиной и прячу в буквальном смысле за пазухой, все материалы и документы, которые могут стать компроматом. Трёх предметов мне никак не спрятать: это габаритный, мощный приёмник „Grundig“ и калькулятор „Olivetti“, которые мы использовали для приёма сигналов из Москвы и полые сине-жёлтые батарейки “Varta“ для хранения шифрблоков. Все это становится достоянием и уликами для криминальной полиции Баварии при дальнейших обысках квартиры.

Вскоре американские боссы, спасая свои карьеры, «лепят дело» и передают его в Одел по борьбе с шпионажем Криминального управления в Мюнхене, утверждая, что будто «вспомнили», что Олег Туманов — сотрудник КГБ.

В апреле 1986 года в Москве в пресс-центре МИД состоялась пресс-конференция с участием Олега, положившая конец всем домыслам и послужившая окончательным решением для моего начальства о моём увольнении из Американской армии. Мало того, что Олег рассказал иностранным корреспондентам о том, что пользовался моими контактами для добычи секретной информации, но, формально, отец нашей дочери, Александры, а следовательно ближайший родственник, оказался не просто в Москве, но заявил о себе, что является сотрудником вражеской КГБ. Это перечеркнуло мой гриф «секретно» и возможность удержаться на работе в Американской армии. Так, Москва, пытаясь защитить нашу семью от нашествия, в итоге принесла нас

в жертву.

Предпринимая последнюю попытку выяснить, что происходит с мужем, я встречаюсь в Берлине на Фридрихштрассе с сотрудниками Управления КГБ и, как прежде Олега, они проводят меня через шлюз в метро — на территорию ГДР, чтобы продолжать беседу в Карлсхорсте. Таким образом, по ранее неведомому мне плану, я нарушаю государственную границу ФРГ, не заявив об отлучке.

Верховный Совет СССР еще не решил о помиловании Олега, но сейчас мне становится ясно почему, вопреки инструкциям, Олег оставил меня в Мюнхене. Все эти годы он играл героя, опасаясь, будет ли помилован на родине. Он беспокоился за мою судьбу, если я окажусь с дочкой в Москве рядом с дезертиром ВМС, к тому же — приговоренным заочно к смерти!

30 сентября 1986 года в ночи у меня дома в Мюнхене отчаянно звонил телефон, но я не ожидала сигнала тревоги и не снимала трубки. На рассвете, когда мы с маленькой дочкой еще спали, в нашу квартиру через стеклянную балконную дверь ворвался наряд немецкой полиции с ордером на мой арест. Пока остальные что-то искали в квартире, ко мне подошёл следователь Майк из Отдела по борьбе со шпионажем, с которым мне прежде приходилось встречаться во время проведения следственных мер в связи с исчезновением Олега Туманова. Он тихо прошептал мне на ухо: «В тюрьме Вам безопаснее, чем дома. Я Вас оттуда вытащу. Американцы мстят Вам за мужа».

Аресту я обязана своей «подруге» и коллеге в FLTCE США, Светлане Фрадис, которая работала по заданию американской контрразведки.

В начале апреля 1987-го года, ровно шесть месяцев спустя ареста — ровно столько, сколько по настоянию американских «союзников» возможно было держать меня под следствием в женском следственном изоляторе г. Мюнхена — Нойдек, Верховные судьи и Суд Баварии, оправдал меня от шпионажа по 77 статье УК Германии, присудив 5 лет условно за незаконный переход границы ФРГ без официального уведомления властей. Майк выступил на суде одним из свидетелей против одиннадцати обвинителей с американской стороны. Он долго хвалил меня за сотрудничество со следствием и хорошее поведение в СИЗО. Впредь мне полагалось докладывать немецкой Службе по защите конституции (Verfassungsschutz) все связи с секретными агентами иностранных держав. Агентом оказался муж.

«Здравствуй! — раздался привычный голос по телефону. — Отправишь в Москву мои книги?» Я задумалась: «Да, но сначала поинтересуйся я меня, как поживает наша дочка!» Прошло два

года, как он не видел Александру и российские консулы в Мюнхене, Вене и Зальцбурге, к моему недоумению, говорили, что все проблемы у меня из-за Олега. Это никак не укладывалось в моём уме.

А тем временем в конце 1987-го года пал «железный занавес», «берлинская стена» и по приглашению ВШЭ Плеханова, держа за руку пятилетнюю дочь, я летела в Москву с адресом на улице Симонова, зажатым в ладошку. Это оказалась квартира брата — Игоря Туманова, который сразу на пороге узнал нас с Александрой. Пока мы на кухне накрывали стол для желанного гостя, дверь в квартиру ещё раз открылась. Маленькая дочь отца сразу узнала. Все было просто и очень по-свойски. Олегу не здоровилось. Он сидел рядом с нами и только тихо слушал. Потом куда-то позвонил и сказал: «Светлана в Москве с дочерью». И тогда я опять стала понимать сложившуюся ситуацию.

Олег вернулся в Москву, а я осталась в Мюнхене со «всякими», как выражался Олег, «Рарами». Заметая грехи и зарабатывая себе «звездочки» на погоны, он настаивал, что я завербована противниками России. При этом он тратил по общей кредитной карте семейные сбережения, не ожидая, что мы когда-то увидимся. Только в его версию никак не вписывался мой арест. Олег докладывал на бывших коллег «Радио Свобода» — Валерия Коновалова, Марио Корти, Герда фон Дёминга и … на жену и шестилетнюю дочь. Вот такая история. Поэтому я увожу в Мюнхен дочку, понимая, что очень скоро вернусь.

Через две недели, будто ничего не было, Олег встречает меня в Шереметьево-2, весело помахивая ногами, сидя за стойкой паспортного контроля! Мы вместе ужинаем в ресторане гостиницы «Будапешт» на Садовом. Ему жаль 20 лет борьбы агентом советской разведки рядом с врагами коммунистов. Уничтожение государства, умов, отсутствие перспектив, скатывание в пропасть, к этому процессу он не хочет иметь отношения. Он чужой среди своих и хочет, чтобы его оставили в покое! Но как объяснить кураторам, почему он доносил на меня.

Как хищник, Олег идет по следу, аккуратно нащупывает почву и атакует. Он докладывает начальству об опасности с Запада, угрожающей руководству страны. Он объединяется со мной из холодного расчета или по любви? Ответ положительный на оба вопроса. Для меня он представляет — не дорогу к власти и возможность влиять на будущее, но фигуру народного достояния. И вместе мы влиятельная пара, несмотря, на то, что взаимное уважение подверглось массивному давлению из-за саморазрушительного поведения Олега. Дочь, униженная и оскорбленная отцом, прячет свою боль за храброй улыбкой и

марширует за мной, как отважный солдат дальше.

Еще в Германии, в случае опасности, перекладывая на меня ответственность, Олег выявил своих противников. После моего внезапного приезда в Москву, он, к своему удивлению обнаружил, что мои возможности превосходят. Он с восхищением смотрит на мою уверенность, твердость и не колеблющуюся лояльность, а значит, попадает под мое влияние. Но его самолюбие по-прежнему задето и уязвлено. Он опасается воссоединения, чтобы не быть вновь отвергнутым. Счастье не порок, но где грань, за которой начинается бегство от нее. Попытки проявления любви, чередуются проявлениями ненависти — он, то зовет меня в Россию, то протестует, чтобы не пускали. А сам, наносит себе удар за ударом «Признаниями агента КГБ», — публикуя новую версию засланного с помощью КГБ на Запад — агента, противореча правде, также как прежней версией «возвращения блудного сына». Раздираемый душевной болью и противоречиями, он уходит в алкоголь, уступая политическую династию Тумановых.

Весной 1988 года, в последний раз перед его смертью от рака, я встретилась с полковником Александром Лембарским в Мюнхене. Он приехал в Европу из Америки специально, чтобы со мной попрощаться. «Я ошибся, мы выбрали поле боя по разные линии фронта. Но мы все живем для России и для ее будущего. Увидишь Олега — передай ему, что я люблю его по-прежнему».

Эту же, 2-ую фразу, повторяет мне в 2008 году Александр Рар, ныне глава отдела России и Евразии немецкого Совета Внешней Политики и Кавалер Ордена Чести Германии на Международном экономическом форуме в Санкт Петербурге.

Но ещё шла осень 1993-го года, скоро начнётся Чеченская война и ничего не зная об Олеге, я порвала обратный билет в Мюнхен. Я с тревогой думала о том, что будет с государственной границей и устоит ли политический режим. Находясь в своей съёмной квартире в сталинке у метро «Красные ворота», в километре от Олега на 2-ом Самотечном переулке, я держала слово, которая дала в консульстве РФ в Мюнхене и не звонила ему, пока один из друзей мне не напомнил: «Хотя бы на минуту тебе можно позвонить Туманову, чтобы сказать, что вы с дочерью его помните и любите». С этой мыслью я набрала телефон брата Олега, Игоря, в канун дня рождения Олега 10 ноября 1997-го года, и услышала: «Олег умер. Мы его похоронили, две недели назад…». Я вышла на балкон. Громкий крик будто тяжело раненого зверя ещё долго сотрясал воздух…

В своей книге «Век Свободы не видать» Валерий Коновалов написал: «Я никогда не осуждал Олега ни за возврат в СССР, ни за

сотрудничество с КГБ. Строгие правила «Свободы», да и проблемы личного свойства у самого Олега — перед смертью он много пил, не давали нам возможности нормально свидеться, когда я прилетал в Москву. И все же, несмотря ни на что, Олег Туманов был и останется навсегда в моей памяти русским человеком. Спи спокойно, земля тебе пухом…».

«Олег, ты слышишь. Мы с дочкой тебя любим. Просто через наши с тобой души дрались разные люди и власти. А мы с тобой вместе, как тогда, когда ты в ночи привязывался ко мне нитью, чтобы мы парили с тобой в небе вместе. Ты всегда хотел смотреть на землю сверху и знал, что душа бессмертна. Она терзалась у тебя после смерти, пока ты не попросил меня о прощении. А, я тебя никогда не винила. Ты ушел, потому что наверху тебе легче бороться с этой жизнью… за Россию. Ты все понимал и всегда делал первым … среди русских берез и рек, любви, памяти и надежды… а я осталась тут, чтобы доказывать самой себе, что справлюсь в этой жизни одна, без тебя»…

P.S. Шлейф западных спецразведок продолжал тянуться за мной все годы, и мой мир неоднократно рассыпался в осколки. Но каждый раз я находила силы собрать свою жизнь заново. Александра живёт в Канаде и друзья, которым она рассказала о своем отце, зовут ее «русской принцессой». Мы с ней видимся и часто разговариваем.

Светлана Туманова, Москва, сентябрь 2016 г.

Фотографии

Олег Туманов со своей тетей, Москва, 1945 г.

Отец, Александр Васильевич Туманов. Фото середины 1930-х

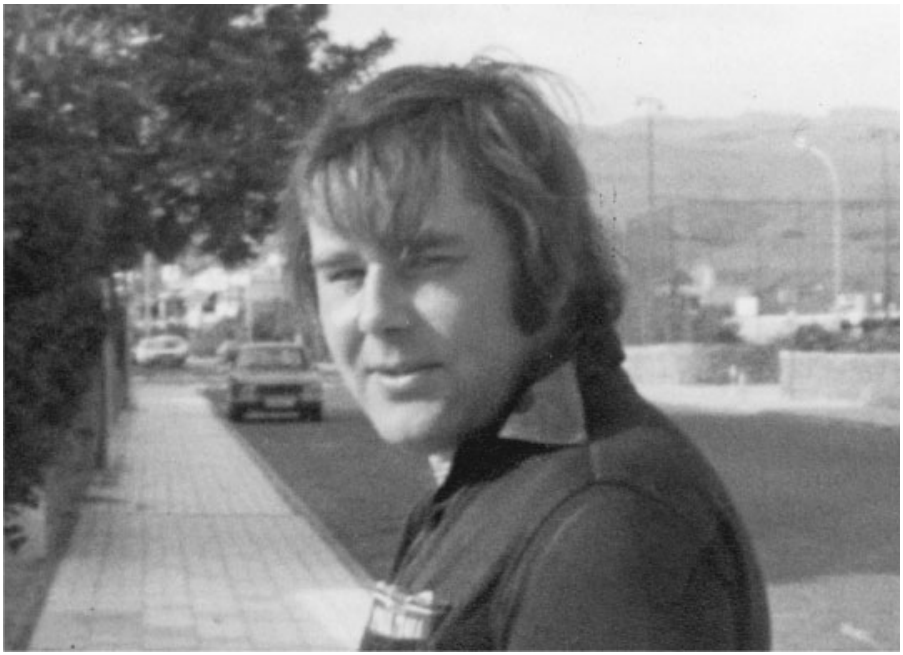
Мама, Евдокия Андриановна Туманова, с Игорем, старшим братом Олега. Москва, 1932 г.

Матрос Балтийского флота Олег Туманов. 1964 г.

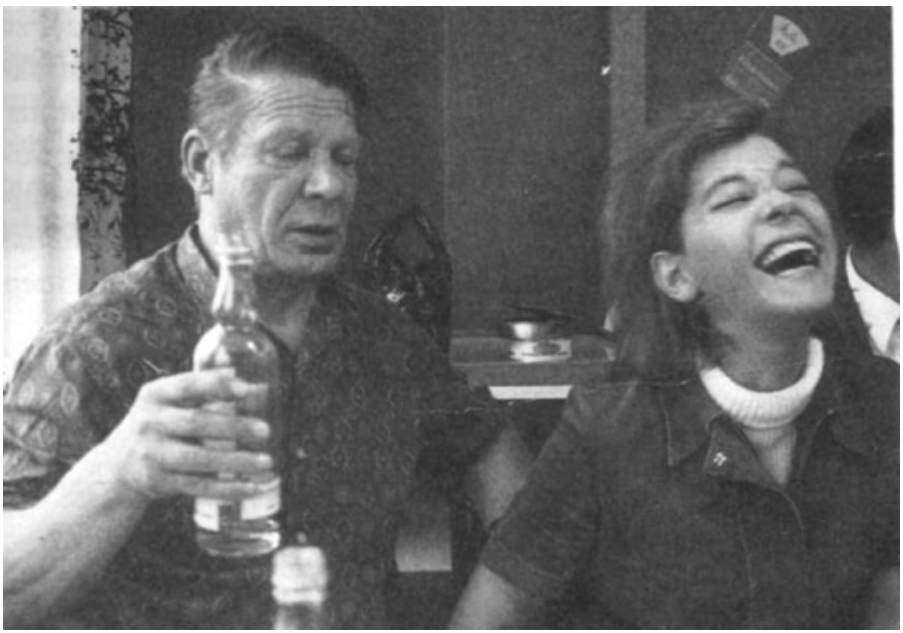
Новый сотрудник “Радио Свобода”. 1967 г.

Олег Туманов с воркутинским шахтером Йоганном Ваймаром (слева) в его мюнхенской квартире.

С начальником редакции новостей русской службы радиостанции “Радио Свобода” Александром Перуанским.



Олег Туманов в отпуске. Канарские острова, 1979 г.



Леонид Пылаев и Аридна Николаева, друзья и коллеги Олега Туманова по работе на “Радио Свобода”.

Олег и Светлана Тумановы с дочкой Александрой дома в “Арабеллахауз”. Мюнхен, 1982 г.

Светлана Туманова, студент Мюнхенского университета Александр Рар, его дед, Василий Васильевич Орехов — издатель

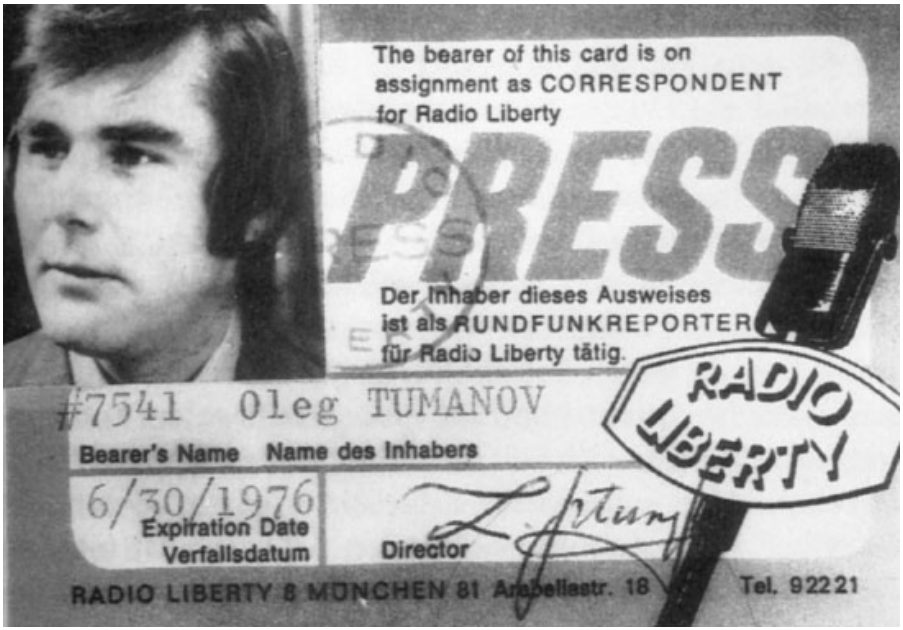
журнала “Часовой”, Валерий Коновалов, сотрудник Архива, “Радио Свобода”. Брюссель, 1984 г.

Слева направо: в черном костюме Николай Петрофф, помощник директора “Радио Свобода”, Василий Фрейдкин, сотрудник белорусской службы, и Светлана Туманова Мюнхен, 1986 г.

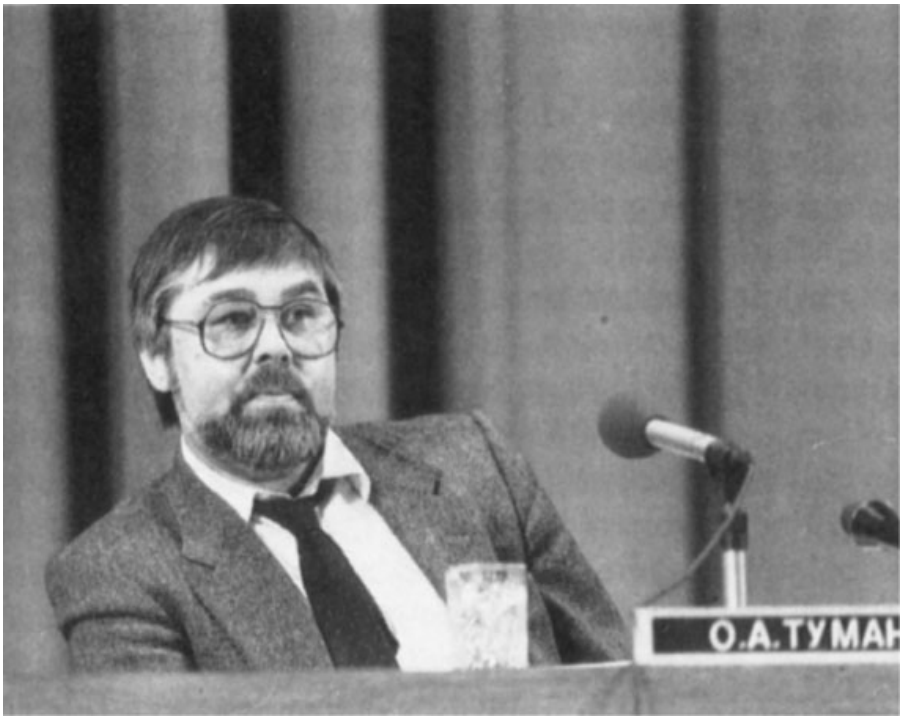
Рейс 546 Мюнхен — Лас Пальмас, ноябрь 1973 г. В голубой холщовой сумке туриста Олега Туманова — секретные документы из Мюнхена, которые уже через несколько дней будут в Москве.

Полковник Олег Максимович Нечипоренко.

Олег и Светлана Тумановы, через год после свадьбы в Мюнхене. 1979 г.

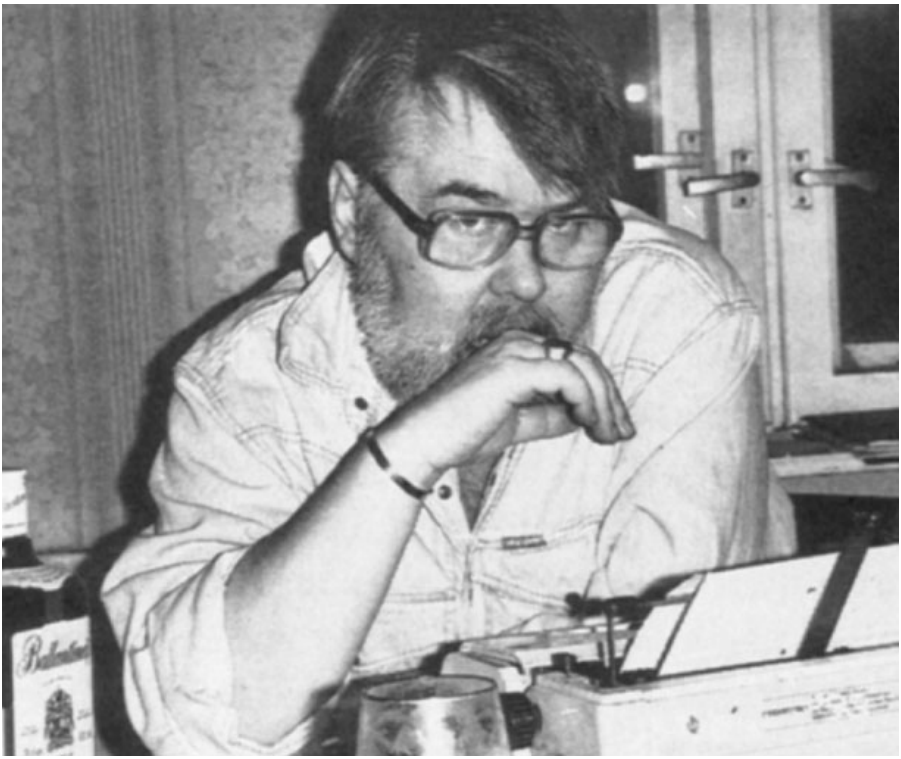


Пресс-карта журналиста. 70-е годы.

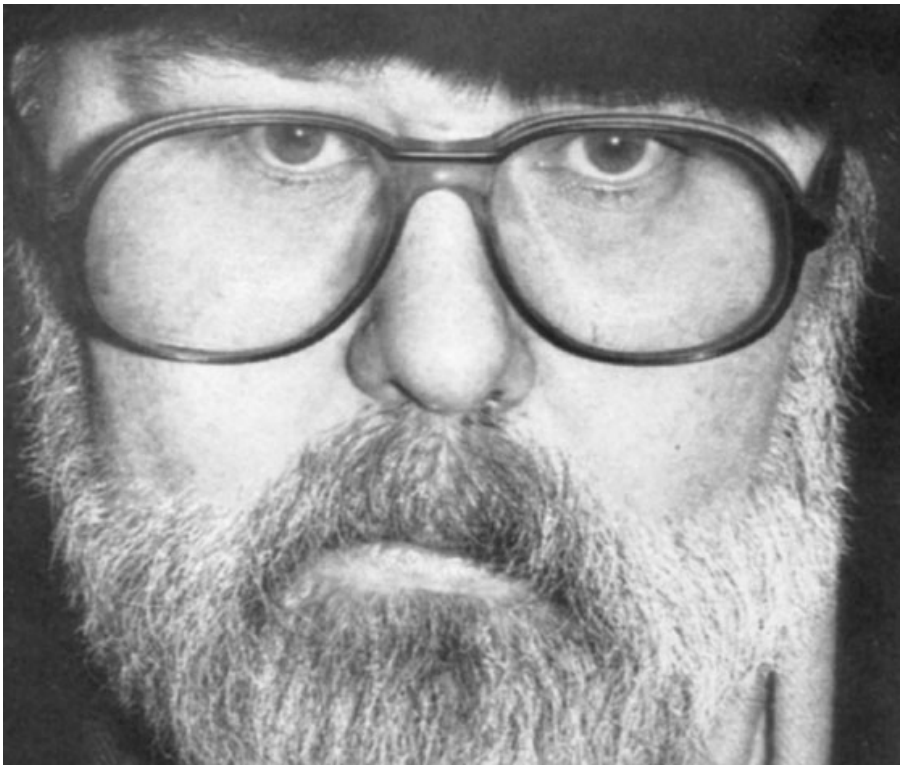


Во время пресс-конференции в пресс-центре МИД. Москва, 28 апреля 1986 г.

Олег Туманов у памятника жертвам сталинских репрессий на Лубянской площади. Москва, январь 1993 г.



За работой над этой книгой.



Олег Туманов. Москва, 31 января 1993 г. “Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой”.

notes

Примечания

1

Даллес, по его собственным *словам*, ставил своей целью «рассказать — в той мере, в какой это допустимо, — о деятельности разведки как жизненно важного элемента в структуре нашего государственного аппарата в переживаемую эпоху». Мы специально, дабы передать «дух эпохи», цитировали перевод книги Даллеса 1964 г., выпущенный издательством «Прогресс» с грифом «Распространяется по особому списку!».

2

Об истории их возникновения и деятельности до начала и во время Второй мировой войны подробно см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Сборник документов в 6 томах. М., 1995–2014. Также см.: Кривошеев С.А. КГБ против НТС. М., 2016. НТС фактически прекратил свое существование к 1998 г., однако в начале 1990-х годов еще пытался «легализоваться» в России.

http://digital.report/tom-dine-digital-propaganda. (Дата обращения 7.01.2016).

4

В 1989–2011 гг. — специальный корреспондент, ведущий программы «Человек имеет право», координатор и ведущий программы «Лицом к лицу. Лидер отвечает журналистам» Московского бюро Радио Свобода. Председатель профсоюзной организации российских работников Радио Свобода.

5

С 1976 года ЦРУ не имел прямого отношения к «Радио Свобода» и в случае войны между НАТО и Варшавским договором на Европейском ТВД «Радио Свобода» и выборочно его сотрудники переходили под контроль 4-й армии США (Форт Брэгг). Прямой начальник Туманова перед его уходом был Константин Галльской и офицер именно этого спецподразделения армии США по пропаганде. *(Примеч. В. Коновалова, «Век “Свободы” не слыхать», 2003 г.)*

6

Александр Орлов — советский разведчик, майор госбезопасности (1935). Нелегальный резидент во Франции, Австрии, Италии (1933–1937), резидент НКВД и советник республиканского правительства по безопасности в Испании (1937–1938). С июля 1938 года — невозвращенец, жил в США, преподавал в университетах. Умер собственной смертью в марте 1973 года в США— *Примеч. ред.*

7

Владимир Петров — с 1933 года кадровый сотрудник советской разведки. В 1951 был отправлен в Австралию под прикрытием должности третьего секретаря посольства СССР. В 1954 вошёл в контакт с австралийскими спецслужбами (ASIO) и попросил политического убежища в Австралии. Умер в июне 1991 года в Австралии — *Примеч. ред.*.

8

Анатолий Голицын — Служил во внешней разведке, где занимался США и странами НАТО. В 1961-м был назначен в посольство в Финляндии, предложил свои услуги ЦРУ и в декабре того же года вместе с семьей был вывезен в Швецию. В 1984 году получил американское гражданство — *Примеч. ред.*

9

Юрий Носенко — офицер КГБ. 4 февраля 1964 года, находясь в Женеве, стал перебежчиком и предложил свои услуги ЦРУ. Умер в августе 2008 года в США. — *Примеч. ред.*

10

Олег Лялин — сотрудник легальной резидентуры советской внешней разведки в Лондоне, осенью 1971 года был завербован британской контрразведкой и стал перебежчиком. Умер в 1995 году после продолжительной болезни — *Примеч. ред.*

11

Бывший генерал-майор КГБ, бывший высокопоставленный руководитель подразделений центрального аппарата и территориальных органов КГБ, общественный и политический деятель заключительного периода перестройки в СССР, народный депутат СССР. В 1990 году выступил на конференции Демократической платформы в КПСС с разоблачительными заявлениями о деятельности КГБ, после чего был приглашён в эфир телепрограммы «Взгляд» и начал давать многочисленные интервью советской и зарубежной прессе. В 1995 году выехал из России в США, где до этого (в 1994 году) опубликовал разоблачительную книгу «Первое главное управление. Мои 32 года в разведке и шпионаже против Запада», выступал в СМИ и свидетелем на судебных процессах против выявленных и арестованных агентов КГБ-СВР.

В Российской Федерации в 2002 году был заочно осуждён за государственную измену и приговорён к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима, по приговору Мосгорсуда лишён воинского звания, персональной пенсии и двадцати двух государственных наград СССР. Президент России Владимир Путин и ряд сотрудников российских спецслужб называли Калугина «предателем».

В 2003 году получил американское гражданство в США, где в настоящее время постоянно проживает, занимается общественной, преподавательской и публицистической деятельностью. — *Примеч. ред.*

12

Бывший офицер английской разведки, по собственным убеждениям перешёл на сторону советской разведки. После разоблачения приговорён в Великобритании к 42 годам тюремного заключения, бежал из тюрьмы. — *Примеч. ред.*

13

В реальности учебное заведение для подготовки кадров для органов внешней разведки НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ было создано еще в 1938 году и называлась ШОН (школа особого назначения). В 1943 г. ШОН переименовали в Разведывательную школу (РАШ) 1-го управления Народного комиссариата государственной безопасности СССР. С сентября 1948 г. РАШ переименовали в Высшую разведывательную школу (ВРШ). В переписке в системе КГБ и в обиходе её ещё называли 101-й школой. 19 декабря 1967 г. за вклад воспитанников ВРШ в обеспечение безопасности государства её наградили орденом Красного Знамени. А ещё через год Высшую разведывательную школу преобразовали в Краснознаменный институт (КИ) КГБ СССР с правами высшего учебного заведения. После смерти Юрия Андропова КИ присвоили его имя. В конце 1994 г. назвали Академией внешней разведки (АВР).

14

Другая функция Управления «К», о которой не упомянул автор, — проникновение в разведывательные органы противника. В данном случае в редакцию «Радио Свобода». — *Примеч. ред.*

15

Бывший заместитель начальника 1-го отдела (США и Канада) Первого главного управления КГБ СССР. 1 августа 1985 года пришёл в посольство США в Риме и перешёл на сторону ЦРУ. Позже (через три месяца) Юрченко выскользнул из рук американцев и вернулся в Советский Союз. — *Примеч. ред.*

16

Высокопоставленный сотрудник советской военной разведки. Осенью 1937 года стал невозвращенцем. Выдал французской, британской и американской контрразведки более 100 советских агентов в Европе и США — *Примеч. ред.*

17

Виктор Гундарев, сотрудник легальной резидентуры советской внешней разведки в Греции. В 1986 году стал перебежчиком — *Примеч. ред.*

18

USARI — Русский Институт Армии США, Гармиш-Партенкирхен

19

FLTCE — Центр изучения иностранных языков, Мюнхен, казарма МакГроу